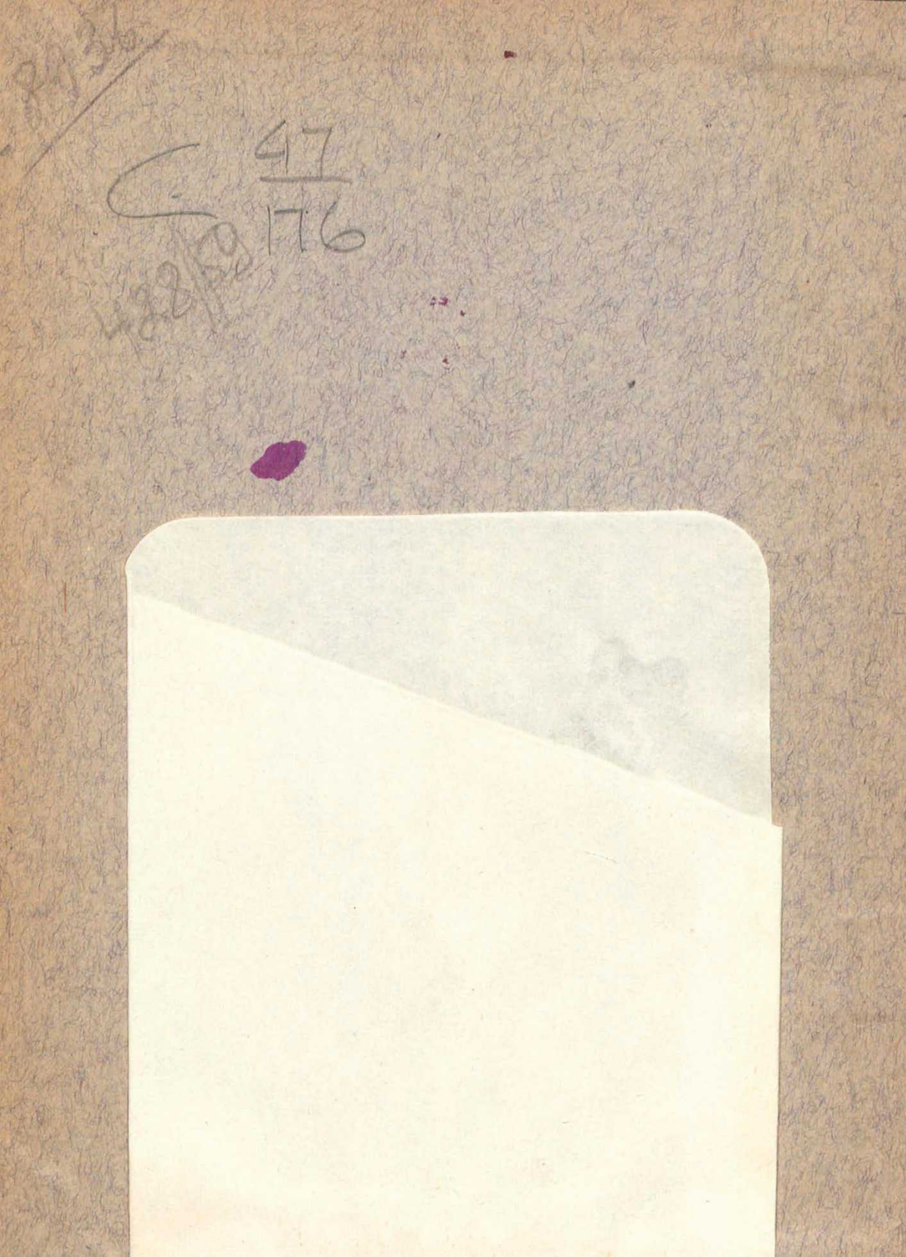
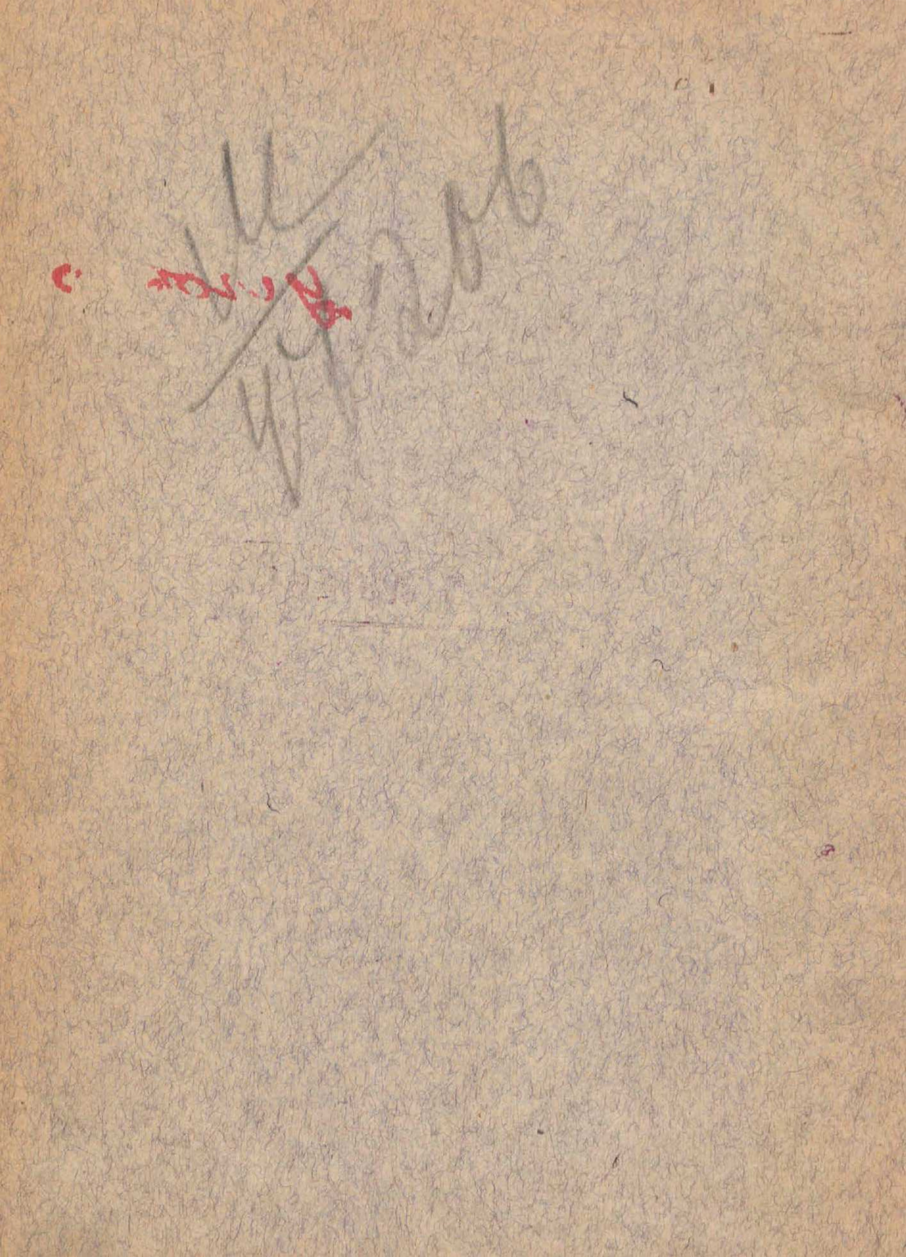



C 47/176



РАНКЕ.

ОБЪ ЭПОХАХЪ НОВОЙ ИСТОРІИ.

ЛЕКЦІИ, ЧИТАННЫЯ БАВАРСКОМУ КОРОЛЮ МАКСИМИЛІАНУ II

(въ 1854 г.).



Переводъ **И. И. Шитца**

съ предисловіемъ

профессора **П. Г. Виноградова**.

МОСКВА.
Типографія И. А. Баландина, Волхонка, домъ Михалкова.
1898.

Дозволено цензурою. Москва, 10 Января 1898 г.





ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе 1
§ 1. Основы Римской имперіи; обозрѣніе первыхъ четырехъ столѣтій нашей эры 11
§ 2. Преобразованіе Римской имперіи подъ вліяніемъ нашествій германцевъ и завоеваній арабовъ. 30
§ 3. Время Каролинговъ и періодъ Германской имперіи. 46
§ 4. Іерархическаа эпоха 62
§ 5. Пятый періодъ: XIV и XV столѣтія. . . . 91
§ 6. Эпоха реформаціи и религіозныхъ войнъ. . 99
§ 7. Эпоха возникновенія и развитія великихъ державъ (XVII и XVIII в.в.). 123
§ 8. Эпоха революціи. 164



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лекціи Ранке, которыя мы предлагаемъ въ русскомъ переводѣ, представляютъ небольшой курсъ, изложенный знаменитымъ историкомъ королю Максимиліану II баварскому въ сентябрѣ и октябрѣ 1854 года. Король интересовался выслушать всемірноисторическій обзоръ, въ которомъ были бы указаны главнѣйшіе моменты развитія человѣчества, главнѣйшіе переходы и поворотные пункты культурной исторіи. Ранке набросалъ этотъ обзоръ для исторіи Новой Европы: началась эта исторія, по его взгляду, съ паденія Римской имперіи, собравшей въ себѣ всѣ нити исторіи древней. При этомъ онъ совершенно отказался отъ проведенія какого-либо философскаго плана, который можетъ плѣнить на первый взглядъ стройностью и ясностью, но на повѣрку окажется, навѣрно, искусственнымъ построеніемъ, навязаннымъ событіямъ, а не вытекающимъ изъ нихъ. Во всей своей дѣятельности Ранке былъ сознательнымъ противникомъ гегелевскихъ обобщеній въ примѣненіи къ исторіи. Сами факты, по его мнѣнію, складываются въ извѣстныя общія группы, и задача историка заключается лишь въ томъ, чтобы отыскать эту естественную группировку и раскрыть ея смыслъ. При этомъ обнаружится

и непрерывная нить, пролегающая между событіями, нить взаимодѣйствій и вліяній, нить переходовъ отъ одного историческаго стремленія къ другому. Нить эта нигдѣ не прерывается, и потому можетъ быть рѣчь о всемірной исторіи и общемъ развитіи человѣчества, — но напрасно было бы искать въ этомъ развитіи иныхъ руководящихъ идей, чѣмъ смѣна тенденцій, въ которыхъ жизненно соединяются въ различныя эпохи элементы какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго свойства: право и сила, нравственно-религіозныя, умственныя, политическія, хозяйственныя начала.

Изъ названныхъ началъ исторической жизни не всѣ одинаково привлекали вниманіе Ранке и не всѣ получили у него равномѣрную оцѣнку. Какъ въ своихъ обширныхъ работахъ по историческимъ предметамъ и эпохамъ, тамъ и въ своемъ бѣгломъ обзорѣ новой исторіи онъ слѣдитъ главнымъ образомъ за жизнью государствъ, — вѣроисповѣдные споры, политическія учрежденія, правовыя отношенія, хозяйственныя условія привлекаются имъ къ разсмотрѣнію лишь поскольку они существенны для исторіи того или другого государства, какъ цѣлаго, и для оцѣнки его роли среди другихъ государствъ. Съ точекъ зрѣнія, достигнутыхъ современною наукою, такая постановка является недостаточной, не обнимающей всего историческаго содержанія. По всѣмъ затронутымъ вопросамъ хотѣлось бы пойти дальше и глубже, и изслѣдованія, появившіяся послѣ работъ Ранке, дѣйствительно углубили историческое изученіе почти во всѣхъ его частяхъ. Тѣмъ не менѣе за работами нашего историка остались несомнѣнныя преимущества, которыя дѣлаютъ ихъ до сихъ поръ пер-

воклассными образцами исторической литературы. По выраженію А. Дове, главнѣйшими особенностями историческихъ трудовъ Ранке можно считать широту кругозора, вниманіе къ жизни всего человѣчества, выясненіе связи между общимъ и частнымъ. Никто не умѣлъ лучше Ранке прослѣдить контрасты и политическія взаимодѣйствія между руководящими государствами, никто не намѣтилъ въ общемъ такъ вѣрно всемірно-историческую послѣдовательность этихъ отношеній. Вотъ почему предлагаемый обзоръ, при всей своей бѣглости и односторонности, представляется намъ цѣннымъ для русской публики. Не мало найдется въ немъ неправильныхъ сужденій, устарѣлыхъ взглядовъ, странныхъ пробѣловъ, но внимательный читатель этихъ лекцій вынесетъ изъ нихъ общее представленіе о томъ, какъ разыгрывалась историческая хроника среднихъ вѣковъ и новаго времени, и это будетъ, конечно, немаловажнымъ пріобрѣтеніемъ.

Павелъ Виноградовъ.

[redacted]

Первая лекція.

(25 сент. 1854 г.).

ВВЕДЕНІЕ.

Для настоящихъ лекцій прежде всего необходимо выяснить себѣ: 1) исходный пунктъ, отъ котораго придется отправляться; 2) основныя понятія.

Что касается исходнаго пункта, то мы зашли бы дальше нашей цѣли, если бы въ своемъ разсмотрѣніи перенеслись въ совершенно отдаленныя времена, къ совершенно далекимъ отъ насъ обстоятельствамъ, которыя, правда, все еще оказываютъ вліяніе на современность, но только косвенное. Поэтому мы, чтобы не потеряться въ чисто-историческомъ матеріалѣ, возьмемъ за исходный пунктъ римскую эпоху, въ которой можно наблюдать соединеніе разнообразнѣйшихъ моментовъ.

Затѣмъ намъ надо выяснить себѣ: 1) понятіе прогресса вообще; 2) то, что слѣдуетъ, въ связи съ этимъ, разумѣть подъ „руководящими идеями“.

1. Что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіемъ „прогрессъ“ въ исторіи.

Если бы мы вмѣстѣ съ нѣкоторыми философами предположили, что все человѣчество развивается изъ даннаго первобытнаго состоянія по направленію къ положительной цѣли, то это можно было бы представить себѣ двоякимъ образомъ: или можно думать, что какая-

то всѣмъ руководящая воля способствуетъ ходу развитія человѣческаго рода отъ одной точки къ другой,— или, что въ человѣчествѣ лежитъ, такъ сказать, духовное влеченіе, которое съ необходимостью направляетъ обстоятельства къ опредѣленной цѣли.—На мой взглядъ оба эти воззрѣнія не выдерживаютъ философской критики и не могутъ быть доказаны исторически.

Съ философской точки зрѣнія такой взглядъ не можетъ быть принятъ потому, что онъ въ первомъ случаѣ прямо устраняетъ человѣческую свободу и налагаетъ на людей печать безвольныхъ орудій,—а во второмъ — люди должны были бы быть или Богомъ, или ничѣмъ.

Но и исторически эти взгляды не оправдываются; ибо, во-первыхъ, человѣчество въ значительной своей части находится еще въ первобытномъ состояніи, въ исходномъ пунктѣ развитія; а тогда спрашивается: что такое прогрессъ? гдѣ замѣтенъ прогрессъ человѣчества? — Существуютъ элементы великаго историческаго развитія, установившіеся въ римской и германской націяхъ; здѣсь, безъ сомнѣнія, существуетъ послѣдовательно развивающаяся духовная сила. Да даже во всемъ историческомъ процессѣ нельзя отрицать, такъ сказать, исторической силы человѣческаго духа; это движеніе, по своему началу восходящее еще къ первобытнымъ временамъ и продолжающееся съ извѣстною постоянностью. Однако въ человѣчествѣ существуетъ вообще только одна группа народовъ, принимающихъ участіе въ этомъ общеисторическомъ движеніи, а другія группы остаются внѣ его. Въ общемъ же мы не можемъ видѣть постояннаго прогресса даже и въ тѣхъ національностяхъ, которыя находятся въ историческомъ движеніи. Обратимъ, напр., свои взоры на Азію, и мы увидимъ, что тамъ культура получила свое начало, и и что эта часть свѣта имѣла нѣсколько культурныхъ эпохъ. Однако тамъ движеніе въ цѣломъ было скорѣе попятнымъ, ибо въ азіатской культурѣ какъ разъ древнѣйшая эпоха была самой цвѣтущей; вторая и третья

эпохи, когда господствовали греческіе и римскіе элементы, были уже не такъ значительны, а съ вторженіемъ варваровъ—монголовъ азіатская культура и вовсе прекратилась. Противъ этого факта старались вооружиться гипотезой географическаго шествія прогресса; однако я долженъ съ самаго начала объявить празднымъ утвержденіемъ то предположеніе, которое дѣлалъ, напр., Петръ Великій, что культура совершаетъ круговое шествіе по земному шару; она-де явилась съ востока и снова туда возвращается.

Во-вторыхъ, надо избѣгать при этомъ и другого ошибочнаго воззрѣнія, будто бы прогрессивное развитіе вѣковъ охватываетъ одновременно всѣ стороны человѣческаго существа и способностей.

Исторія показываетъ намъ — возьмемъ для примѣра одинъ только моментъ,—что въ новое время искусство процвѣтало всего болѣе въ XV и первой половинѣ XVI столѣтія, тогда какъ въ концѣ XVII и въ первыя три четверти XVIII оно пришло въ сильнѣйшій упадокъ. Точно также обстоитъ дѣло и съ поэзіей: и здѣсь бываютъ лишь отдѣльные моменты, когда это искусство дѣйствительно выдвигается, однако вовсе не видно того, чтобы поэзія съ теченіемъ вѣковъ достигала высшей потенціи.

Если мы, такимъ образомъ, исключимъ географическій законъ развитія, если, съ другой стороны, мы вынуждены предположить,—а этому насъ поучаетъ исторія,—что цѣлые народы могутъ погибать, когда начавшееся развитіе не является у нихъ непрерывно всеобъемлющимъ, то мы лучше поймемъ, въ чемъ заключается на самомъ дѣлѣ непрерывный прогрессъ человѣчества. Онъ покоится на томъ, что великія духовныя тенденціи, господствующія надъ человѣчествомъ, то расходятся, то встрѣчаются. Въ этихъ тенденціяхъ, однако, есть всегда опредѣленное частное направленіе, которое является преобладающимъ и вліяетъ такъ, что остальныя направленія отступаютъ на задній планъ. Такъ, напр., во второй половинѣ XVI вѣка религіозный эле-

ментъ являлся настолько преобладающимъ, что литературный отступалъ передъ нимъ назадъ. Напротивъ, въ XVIII вѣкѣ утилитарное направленіе захватило такое широкое поле, что предъ нимъ должны были податься искусство и родственныя ему сферы дѣятельности.

Въ каждой эпохѣ человѣчества проявляется, такимъ образомъ, опредѣленная великая тенденція, и прогрессъ покоится на томъ, что извѣстное движеніе человѣческаго духа обнаруживается въ каждомъ періодѣ, выдвигая то одну, то другую тенденцію и своеобразно проявляясь въ ней.

Если же, вопреки выраженному здѣсь взгляду, видѣть прогрессъ въ томъ, что будто бы въ каждую эпоху жизнь человѣческая достигаетъ болѣе высокой ступени, что, слѣдовательно, всякое поколѣніе во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ предыдущее, и, значитъ, послѣднее поколѣніе всякій разъ имѣетъ преимущество передъ прежними, а предшествовавшія являются лишь носителями послѣдующихъ,—то это было бы несправедливостью со стороны Божества. Такое какъ бы посредствующее поколѣніе не имѣло бы само по себѣ значенія; оно что-нибудь значило бы лишь постольку, поскольку оно являлось бы ступенью для послѣдующихъ поколѣній, и не стояло бы въ непосредственномъ отношеніи къ Божеству. Я же утверждаю: каждая эпоха стоитъ въ непосредственномъ отношеніи къ Богу, и ея цѣнность основана вовсе не на томъ, что изъ нея выйдетъ, а на ея существованіи, на ея собственномъ „я". Благодаря этому разсмотрѣніе исторіи, и именно индивидуальной жизни въ исторіи, получаетъ совершенно особенную привлекательность: каждая эпоха должна быть разсматриваема какъ нѣчто, имѣющее цѣну само по себѣ, и является въ высшей степени достойной разсмотрѣнія.

Историкъ долженъ, поэтому, обратить свое вниманіе, во-первыхъ, на то, какъ думали и жили люди въ извѣстный періодъ; тогда онъ увидитъ, что помимо нѣкоторыхъ неизмѣнныхъ и вѣчныхъ основныхъ идей, напр., нравственныхъ, каждая эпоха имѣетъ свою собственную

тенденцію и свой собственный идеалъ. Но если даже всякая эпоха сама по себѣ имѣетъ свое оправданіе и свою цѣну, всетаки нельзя упускать изъ виду того, что вышло изъ этой эпохи. Итакъ историкъ, во-вторыхъ, долженъ замѣтить и различіе между отдѣльными эпохами, для того чтобы созерцать внутреннюю необходимость ихъ послѣдовательности. Нельзя не признать при этомъ извѣстнаго прогресса; но я не сталъ бы утверждать, что этотъ прогрессъ идетъ по прямой линіи, скорѣе это какъ бы потокъ, который по своему прокладываетъ себѣ дорогу.

Мнѣ представляется,—если я позволю себѣ такое замѣчаніе,—что Божество, существуя внѣ времени, обозрѣваетъ все историческое человѣчество въ его цѣломъ и всюду считаетъ его одинаково цѣннымъ. Идея о воспитаніи рода человѣческаго во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ долю истины; но предъ Богомъ всѣ поколѣнія человѣчества являются равноправными, и такъ доженъ смотрѣть на дѣло и историкъ.

Несомнѣнный прогрессъ, въ высшей степени рѣшительный подъемъ замѣтенъ на всемъ протяженіи исторіи въ области матеріальныхъ интересовъ, гдѣ шагъ назадъ едва ли и будетъ возможенъ безъ чудовищнаго переворота; въ нравственномъ же отношеніи нельзя прослѣдить прогресса. Нравственныя идеи могутъ, конечно, развиваться экстенсивно; такъ и въ умственномъ отношеніи можно утверждать, что, напр., великія произведенія, созданныя искусствомъ и литературой, нынѣ составляютъ предметъ наслажденія бо́льшей массы людей, чѣмъ прежде; но было бы смѣшно желаніе быть эпическимъ писателемъ выше Гомера или болѣе великимъ трагикомъ, чѣмъ Софоклъ.

2. Какого мнѣнія надо держаться о такъ называемыхъ руководящихъ идеяхъ въ исторіи.

Философы, а именно гегелевская школа, выставили объ этомъ предметѣ извѣстныя положенія, по которымъ

исторія человѣчества развертывается какъ логическій процессъ въ тезисѣ, антитезисѣ, синтезѣ, въ положеніи и отрицаніи. Но въ схоластикѣ погибаетъ жизнь, такъ и это воззрѣніе на исторію, этотъ процессъ саморазвивающагося по разнымъ логическимъ категоріямъ духа привелъ бы къ тому, что мы уже выше отвергли. По этому воззрѣнію только идея имѣла бы самостоятельную жизнь; всѣ же люди были бы лишь тѣнями или схемами, наполняющимися идеей.

Въ основѣ ученія, по которому міровой духъ производитъ вещи какъ бы обманомъ и пользуется людскими страстями для достиженія своихъ цѣлей, въ основѣ этого ученія лежитъ въ высшей степени недостойное представленіе о Богѣ и человѣчествѣ; вдобавокъ, это ученіе послѣдовательно можетъ привести только къ пантеизму; человѣчество тогда—Божество въ процессѣ своего осуществленія, Божество, которое рождаетъ само себя духовнымъ процессомъ, лежащимъ въ его природѣ.

Такимъ образомъ подъ руководящими идеями я могу понимать только господствующія тенденціи каждаго вѣка. Эти тенденціи могутъ быть только описаны, а не суммированы въ послѣдней инстанціи въ одно понятіе; иначе мы опять вернулись бы къ только что оставленному нами выше.

Историкъ и долженъ теперь расчленить крупныя тенденціи вѣковъ и развернуть великую исторію человѣчества, которая представляетъ комплексъ этихъ различныхъ тенденцій. Съ точки зрѣнія божественной идеи я могу себѣ представить дѣло только такъ, что человѣчество скрываетъ въ себѣ безконечное разнообразіе процессовъ, которые проявляются мало-по-малу и притомъ проявляются по законамъ, намъ неизвѣстнымъ, гораздо болѣе таинственнымъ и великимъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Разговоръ.

Король Максимиліанъ: Вы говорили выше о нравственномъ прогрессѣ; имѣли ли Вы при этомъ въ виду также и внутренній прогрессъ отдѣльной личности?

Ранке: Нѣтъ, только прогрессъ рода человѣческаго; индивидъ же, напротивъ, всегда можетъ подняться на высшую нравственную ступень.

Король Максимиліанъ: Но такъ какъ человѣчество состоитъ изъ индивидовъ, то спрашивается, если индивидъ поднимается на болѣе высокую нравственную ступень, не будетъ ли этотъ прогрессъ обнимать и всего человѣчества?

Ранке: Индивидъ умираетъ; онъ имѣетъ конечное бытіе; человѣчество же безконечное. Въ матеріальныхъ вещахъ я предполагаю прогрессъ, ибо здѣсь одно вытекаетъ изъ другого; иначе обстоитъ дѣло въ отношеніи нравственномъ. Я думаю, что въ каждомъ поколѣніи дѣйствительная нравственная величина равна таковой же каждаго другого, и что для нравственной величины не существуетъ различія въ степеняхъ; такъ, напр., мы вовсе не можемъ превзойти нравственную величину древняго міра. Въ мірѣ духовномъ часто случается даже, что интинсивная величина находится въ обратномъ отношеніи къ экстенсивной; стоитъ сравнить только нашу современную литературу съ классической.

Король Максимиліанъ: А не является ли тѣмъ не менѣе возможнымъ принять, что Провидѣніе не во вредъ свободному самопредѣленію отдѣльной личности поставило человѣчеству въ его цѣломъ опредѣленную цѣль и ведетъ его къ ней?

Ранке: Это космополитическая гипотеза, которую, однако, нельзя доказать исторически. Правда, въ пользу ея мы имѣемъ изреченіе св. Писанія, по которому будетъ нѣкогда единъ пастырь и единое стадо; но до сихъ поръ это еще не обнаружилось какъ основное движеніе всемірной исторіи. Доказательствомъ служитъ исторія Азіи, которая послѣ періодовъ величайшаго процвѣтанія снова впала въ варварство.

Король Максимиліанъ: Но развѣ число индивидовъ, созрѣвшихъ для высшаго нравственнаго развитія теперь не больше прежняго?

Ранке: Я допускаю это, но не принципіально; ибо

исторія учитъ насъ, что нѣкоторые народы совсѣмъ не способны къ культурѣ, и что часто болѣе раннія эпохи бывали гораздо нравственнѣе позднѣйшихъ. Франція въ рединѣ XVII столѣтія, напр., была гораздо нравственнѣе и образованнѣе, чѣмъ къ концу XVIII вѣка. Какъ уже сказано, можно говорить о бóльшемъ распространеніи нравственныхъ идей, но только въ опредѣленныхъ кругахъ. Съ точки зрѣнія общечеловѣческой для меня является вѣроятнымъ, что идея человѣчества, которая исторически представлена лишь въ великихъ націяхъ, постепенно охватитъ все человѣчество, и это было бы внутреннимъ нравственнымъ прогрессомъ. Исторія не противорѣчитъ этому воззрѣнію, но и не доказываетъ его. Особенно должны мы остерегаться принимать это воззрѣніе за историческій принципъ исторіи.

Наше дѣло держаться только предмета.

Вторая лекція.

(26 сентября 1854 г.).

Понятіе прогресса, которому преимущественно посвящена была наша вступительная лекція, не является, камъ мы видѣли, примѣнимымъ къ различнымъ вещамъ. Оно не примѣнимо къ связи вѣковъ вообще, т. е. нельзя сказать, чтобы одно столѣтіе стояло въ служебномъ отношеніи къ другому. Затѣмъ, это понятіе не будетъ примѣнимо къ произведеніямъ генія искусства, поэзіи, науки и государства; ибо всѣ они имѣютъ непосредственное отношеніе къ божественному; они, правда, существуютъ во времени, однако ихъ сущность не зависитъ ни отъ предыдущаго ни отъ послѣдующаго. Такъ, напр., Ѳукидидъ, который, собственно, создалъ исторіографію, остался въ своемъ родѣ непревзойденнымъ.

Также мало можно говорить о прогрессѣ въ индивидуальномъ, нравственномъ и религіозномъ существованіи, ибо послѣднее имѣетъ также непосредственное

отношеніе къ Божеству. Одно только можно было бы допустить, именно, что прежнія нравственныя понятія были несовершенны; но съ тѣхъ поръ какъ появилось христіанство и съ нимъ истинная нравственность и религія, въ этой области не могло болѣе произойти прогресса. Справедливо и то, что, напр., среди грековъ господствовали извѣстныя національныя представленія, какъ о дозволенности мести, которыя были устранены христіанствомъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что сущность христіанства подготовлена прежними несовершенными порядками: христіанство есть внезапное божественное явленіе, какъ и вообще великія произведенія генія носятъ на себѣ печать непосредственнаго озаренія. Послѣ Платона не можетъ явиться другой Платонъ; и какъ я ни далекъ отъ умаленія заслугъ Шеллинга въ философіи, я всетаки не думаю, чтобы онъ превзошелъ Платона. Послѣдній былъ единственнымъ въ своемъ языкѣ и стилѣ, вообще въ своемъ поэтическомъ явленіи, причемъ нельзя отрицать, что въ отношеніи содержанія Шеллингъ умѣлъ воспользоваться большею массою матеріала, оставленнаго ему его предшественниками.

Напротивъ, прогрессъ приходится признать во всемъ, что касается какъ познанія природы, такъ и умѣнія подчинять ее себѣ. Первое у древнихъ находилось въ младенчествѣ, да и во второмъ отношеніи древніе не могутъ равняться съ нами. Это стоитъ далѣе въ связи съ тѣмъ, что мы называемъ способностью распространенія. Распространеніе нравственныхъ и религіозныхъ идей, вообще идей человѣчества, находится въ постоянномъ прогрессѣ, и тамъ, гдѣ ужъ разъ существуетъ средоточіе культуры, она имѣетъ наклонность распространяться во всѣ стороны, однако не такъ, чтобы являлось возможнымъ считать прогрессъ дѣйствующимъ непрерывно и во всякомъ пунктѣ.

Итакъ, въ болѣе матеріальныхъ отношеніяхъ, въ усовершенствованіи и примѣненіи точныхъ наукъ, а также въ пріобщеніи различныхъ націй и индивидовъ къ

идеѣ человѣчества и культуры—прогрессъ является безусловнымъ.

Напротивъ того, относительно умственныхъ дисциплинъ, именно философіи и политики, приходится поставить вопросъ, дѣйствительно ли въ нихъ совершился прогрессъ. Что касается философіи, то я долженъ признаться, что для меня достаточно древнѣйшей философіи, какъ она выработана у Платона и Аристотеля. Въ формальномъ отношеніи никогда не возвышались надъ ней, да и по содержанію новѣйшіе философы теперь опять обращаются къ Аристотелю. То же самое и въ политикѣ: общіе принципы ея установлены съ величайшею вѣрностью уже у древнихъ, какъ ни обогатились послѣдующія времена опытомъ и политическими экспериментами. Политика, въ которой мы теперь вращаемся, покоится, разумѣется, на исторически данныхъ обстоятельствахъ. Вопросы о конституціонной и сословной монархіи и т. д. суть вопросы, которые съ нашей точки зрѣнія, являются вполнѣ законными, но которые всетаки покоятся лишь на данныхъ обстоятельствахъ; ибо никто не станетъ утверждать, что съ монархіей въ идеѣ связаны и сословія. Позднѣйшія времена, такимъ образомъ, въ одномъ только имѣютъ преимущество предъ древними, именно въ томъ, что въ ихъ распоряженіи находится бо̀льшее обиліе политическихъ опытовъ. Точно также вопросъ о суверенитетѣ народа или государя не разрѣшимъ наукой, а разрѣшается историческимъ путемъ—группировкой партій. То, что я сказалъ о политикѣ, относится и къ исторіографіи. Какъ уже было замѣчено, никто не можетъ имѣть претензіи быть болѣе великимъ исторіографомъ, чѣмъ Ѳукидидъ, напротивъ я лично имѣю претензію совершить въ исторіографіи нѣчто другое, чѣмъ древніе; потому что наша исторія течетъ полнѣе, чѣмъ ихъ, потому что мы пытаемся привлечь въ исторію иныя силы, которыя обнимаютъ цѣликомъ жизнь народовъ, однимъ словомъ, потому что мы пытаемся свести исторію къ єдинству.

Установивъ такимъ образомъ нѣкоторыя основныя понятія и исходный пунктъ нашихъ лекцій, мы перейдемъ теперь къ самому предмету ихъ.

§ 1.

Основы Римской имперіи; обозрѣніе первыхъ четырехъ столѣтій нашей эры.

Въ началѣ этихъ лекцій мы должны прежде всего представить себѣ, чѣмъ была Римская имперія въ отношеніи своего интеллектуальнаго содержанія и своей сущности. Можно сказать, что вся древняя исторія вливается въ римскую, какъ въ главную рѣку, которая впадаетъ въ море, и что вся новѣйшая исторія снова исходитъ изъ римской. Я осмѣливаюсь утверждать, что вся исторія не имѣла бы никакой цѣны, если бы не существовало римлянъ.

Первый вопросъ, возбужденный Вашимъ Величествомъ, состоитъ въ томъ, погибла ли древняя исторія совсѣмъ, или насколько въ римской исторіи продолжали дѣйствовать всѣ элементы, которые вызваны были древней исторіей. Разрѣшеніе этого вопроса получится, если мы оцѣнимъ тотъ фактъ, что Римская имперія была воздвигнута на предшествовавшемъ ей греко-македоно-восточномъ государствѣ, основанномъ Александромъ Великимъ и его преемниками, государствѣ, которое восприняло въ себя главнѣйшіе моменты оріентализма.

Если мы бросимъ короткій ретроспективный взглядъ на древнѣйшую исторію, то мы увидимъ на Востокѣ сильныя религіозныя противорѣчія. Мы находимъ тамъ евреевъ, граничащихъ, съ одной стороны, съ египтянами, съ другой—съ Ассирійскимъ и Вавилонскимъ государствомъ, религіозныя представленія котораго отличаются несомнѣннымъ сходствомъ съ представленіями египтянъ *).

*) Вновь найденные въ Ассиріи памятники свидѣтельствуютъ о поразительномъ соотвѣтствіи египетскаго и ассирійскаго идолослуженія.

Посреди этихъ языческихъ народностей монотеистическіе іудеи безпрестанно выдерживали войны и нападенія. Ассиріяне и вавилоняне уводили ихъ въ плѣнъ, и одно время казалось, что національный монотеизмъ близокъ къ гибели, если бы другой элементъ, стоявшій въ родствѣ съ іудейскимъ, не пришелъ послѣднему на помощь. Это былъ персидскій элементъ. Персы, у которыхъ религіозныя воззрѣнія были чище и яснѣе, чѣмъ у ассирійскихъ и семитическихъ идолопоклонниковъ вообще, поставили себѣ задачу реставрировать іудейскій элементъ. Послѣ этого явился Александръ В., который самъ былъ ревностнымъ язычникомъ, и возстановилъ національное идолопоклонство. Тогда какъ Камбизъ убилъ Аписа, Александръ объявилъ себя сыномъ Юпитера Аммона и призналъ восточный миѳъ.

Оба эти момента, т. е. болѣе чистая религія, въ которой персы принимали извѣстное участіе и которая у іудеевъ являлась въ видѣ монотеизма, такъ же, какъ и идолопоклонство другихъ народовъ, перешли теперь въ Римскую имперію, которая хоть и завоевала Македонское, Сирійское и Египетское государства, однако во всемъ остальномъ сохранила тамъ прежніе порядки.

Римляне, подобно преемникамъ Александра, были сильными противниками іудеевъ, и вотъ случилось то великое міровое событіе, что изъ іудейской среды вышла идея міровой религіи. Именно евреи, хоть и унаслѣдовали идею о единомъ Богѣ—вѣроятно древнѣйшую идею первобытныхъ временъ,—однако смотрѣли на Бога скорѣе какъ на Бога національнаго. Тогда появился Христосъ и, опираясь на ихъ религію, сталъ проповѣдывать всеобщаго Бога, отвлеченнаго отъ всѣхъ народныхъ интересовъ и національныхъ божествъ. Изъ іудейства вышла міровая религія, въ тотъ моментъ, когда римляне закончили завоеваніе Востока и приняли въ свою имперію массу восточныхъ элементовъ *). Вся ре-

*) Въ позднѣйшую императорскую эпоху въ Римѣ встрѣчается поклоненіе Изидѣ, Митрѣ и другимъ восточнымъ идоламъ въ смѣшеніи съ іудейскими и христіанскими воззрѣніями.

лигіозная борьба, совершавшаяся въ восточномъ государствѣ, перешла въ Римскую имперію, и только въ Римской имперіи христіанству удалось завоевать міръ.

Мы видѣли, такимъ образомъ, что въ религіозномъ отношеніи Римская имперія была комплексомъ всѣхъ прежнихъ элементовъ. Перейдемъ теперь къ политическимъ противуположностямъ.

Древніе народы Востока были всѣ разрознены религіозно, но объединены политически и были всѣ противниками грековъ. Тамъ образовалась огромная монархія, отъ владычества которой уклонились только отдаленные карѳагеняне, и вотъ этому колоссу выступила на встрѣчу маленькая горсть грековъ, осмѣлившихся противостать неистовому напору. Элементы постоянной независимости и большой концентрированной монархіи пришли въ столкновеніе, причемъ ни персы, ни греки не могли покорить другъ друга, и именно до тѣхъ поръ, пока греки были республиканцами, такъ какъ въ эту эпоху ревность народа свергала всякаго, кому, повидимому, начинало удаваться какое-нибудь крупное предпріятіе.

Персы потому только подчинились греческому элементу, что и въ Греціи подымалась монархія, монархія, представлявшая греческую сущность съ восточными формами. Монархія, которая до сихъ поръ была чисто восточной и варварской, теперь эллинизировалась. Можно сказать: если бы монархія осталась чисто персидской, она никогда не могла бы стать популярной на Западѣ, и мы, можетъ быть, увидали бы не что иное, какъ странное государство, похожее на державу Сассанидовъ. Однако, какъ уже сказано, сколько преемники Александра ни смотрѣли на себя, какъ на преемниковъ фараоновъ и другихъ династій, всетаки восточная монархія становилась болѣе цивилизованной, такъ какъ эти государи теперь являлись одновременно и носителями культуры. Стоитъ припомнить хотя бы, напр., Александрію, этотъ великій питомникъ греческаго духа!

Итакъ, въ тѣхъ областяхъ, которыя впослѣдствіи ста-

ли римскими, монархическій элементъ оставался очень живымъ, настолько, что, по моему мнѣнію, если бы Маркъ Антоній, отправившійся въ Египетъ и жившій у Клеопатры, одержалъ побѣду, то онъ, въ силу своихъ восточныхъ симпатій, перенесъ бы восточную монархію на Западъ.

Однако греко-республиканскій духъ не былъподавленъ этими происшествіями, но оставался все время живымъ и оказывалъ воздѣйствіе на Римъ въ такое время, когда тамъ существовали скорѣе только формы республики. Этотъ греко-республиканскій духъ имѣлъ тѣмъ большее вліяніе на Римъ, что онъ болѣе теоретизировалъ республиканскій принципъ и въ такомъ видѣ распространялъ его дальше, такъ какъ знатные римляне усваивали вполнѣ греческое воспитаніе. На этой греко-республиканской почвѣ воздвигъ Августъ свою монархію, не такую, какую представляемъ себѣ мы, а принципатъ, при которомъ сохранились всѣ республиканскія формы. Августъ никогда не осмѣлился бы назвать себя царемъ, и въ этомъ смыслѣ стремленіе Антонія совершенно расходилось съ Августовымъ.

Помимо религіи и политики у грековъ выдавался еще одинъ моментъ, который воспринялъ въ себя и Римъ, именно моментъ искусства и литературы, моментъ, который уже при преемникахъ Александра пытался овладѣть Востокомъ. Мысль, которую я считаю въ данномъ случаѣ весьма цѣнной, состоитъ въ томъ, что у другихъ націй существовавшія до этого времени литературныя стремленія оставались единичными, у грековъ же мало-по-малу развилось явленіе, которое можно назвать литературой, т. е. кругъ литературныхъ произведеній, стремившихся воспринять въ себя все достойное знанія. Все это перешло въ Римскую имперію. Конечно, можно сказать: если бы римское государство имѣло другой характеръ, не аналогичный греческому, то оно не могло бы развиваться такимъ образомъ. Но благодаря тому, что республиканская форма одержала въ Римѣ перевѣсъ, аналогія между римскимъ и греческимъ народнымъ ду-

хомъ продолжала существовать. Писатели Августова вѣка свободно могли примыкать къ Греціи, чего не было бы, если бы Антоній одержалъ верхъ. Теперь весь восточный іудейско-семито-греческій міръ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ вошелъ въ Римскую имперію и тѣсно примкнулъ къ ней.

Въ первомъ столѣтіи нашей эры въ свою очередь и Римъ вступилъ въ сношеніе съ Западомъ. Это первое столѣтіе, которымъ обыкновенно такъ пренебрегаютъ, было столѣтіемъ, полнымъ духа и жизни.

Здѣсь мы должны въ своемъ изложеніи на мгновеніе вернуться къ ранней исторіи Запада. Эта исторія основана на томъ, что въ древнія времена кельтскія народности имѣли главенствующее значеніе въ Галліи и Испаніи, въ первой частью вмѣстѣ съ германцами. Галлы проникли впередъ до Рима; одинъ изъ бренновъ занялъ Римъ, другой Дельфы; они основали небольшое государство близъ Византіи; они перебрались въ Сирію и хотѣли одно время даже завоевать Египетъ. Короче, галлы въ теченіе нѣкотораго времени были могущественнѣйшимъ народомъ, и одна часть римской исторіи занята описаніемъ изгнанія галловъ изъ Италіи.

Тогда появился Цезарь и свершилъ великое завоеваніе Галліи—одно изъ величайшихъ событій міровой исторіи, ибо на Галліи основана вся послѣдующая конфигурація Европы. Я говорю въ своей французской исторіи: великіе завоеватели—это тѣ, которые одновременно распространяютъ и культуру, и этимъ-то отличался Цезарь! Онъ завоевалъ Галлію не для того, чтобы имѣть ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ романизировалъ и культивировалъ ее. Положимъ, здѣсь можно вставить вопросъ: не было ли возможно, чтобы кельты сами себя культивировали? Я думаю, что едва ли на этотъ вопросъ можно отвѣтить утвердительно; вѣдь они были окружены карѳагенскими и иными цивилизирующими вліяніями и все-таки постоянно разбойниками врывались въ Италію и Азію, постоянно противились культурѣ, и только съ по-

бѣдой надъ ними культурный міръ въ Италіи, Греціи и на Востокѣ успокоился отъ этихъ варваровъ.

Послѣ того какъ Цезарь переправился и въ Британнію, появился потомъ Августъ и пріобрѣлъ громадную заслугу передъ Западомъ своими завоеваніями; ибо онъ окончательно покорилъ Испанію римлянамъ, колонизировалъ Галлію, исходя изъ Ліона по всѣмъ направленіямъ, и простеръ свои культурныя стремленія до Рейна. Однимъ словомъ: то, что совершилъ Цезарь, было величайшей заслугой въ военномъ отношеніи; а то, что совершилъ Августъ, было еще устойчивѣе; онъ довершилъ романизацію Галліи, и кельты должны были всѣ начать говорить по-латыни. Одинъ изъ величайшихъ подвиговъ Августа заключался въ томъ, что онъ, съ помощью Друза и Тиберія сдѣлалъ доступными Альпы. До тѣхъ поръ, пока варварскіе народы альпійскихъ долинъ ложились поперечнымъ бревномъ между культурнымъ міромъ—Италией и т. д.—и остальнымъ Западомъ, нечего было и думать о распространеніи цивилизаціи въ средней Европѣ. Теперь же, когда Альпы были открыты, римляне начали проникать съ одной стороны до Панноніи (Тиберій), съ другой стороны въ Германіи они подвинулись до самой средины Вестфаліи. Правда, здѣсь они были разбиты; но тѣмъ не менѣе все пространство по Рейну и южнѣе Дуная было романизовано: Кельнъ и Аугсбургъ были римскими городами. То, чему положилъ начало Цезарь въ другомъ направленіи, именно завоеваніе Британніи, довершилъ Клавдій, котораго прокричали однимъ изъ глупѣйшихъ людей. Эти земельныя пріобрѣтенія продолжались до второго столѣтія, когда Траянъ занятіемъ Дакіи и Мизіи подготовилъ будущую страну румынъ и валаховъ. Господство римлянъ простиралось за Черное море до Евфрата, а на западѣ имѣло своей границей Атлантическій океанъ.

Такимъ образомъ главнымъ событіямъ перваго вѣка нашей эры было то, что воспринятая Римомъ восточно-греческая культура, соединившись съ латинской, теперь устремилась на Западъ, и что, такимъ образомъ, вся

завоеванная въ это первое столѣтіе земля стала культурной страной. Можно считать счастьемъ, что эти завоеванія нашли себѣ границу въ Германіи; но безъ римскихъ завоеваній мы не имѣли бы понятія о культурѣ, и въ предѣлахъ этихъ границъ ея появленіе является величайшимъ міровымъ событіемъ, какое когда-либо совершалось. Правда, это огромное цѣлое снова распалось на двѣ половины, на греческую и латинскую; Западъ говорилъ по-латыни, востокъ — по-гречески: но все въ цѣломъ представляло единство *).

Третья лекція.

(27-го сентября 1854 г.).

Теперь является вопросъ, что произошло, по основаніи Римской имперіи въ первые вѣка, на занятой ею обширной аренѣ.

По самой природѣ дѣла дальнѣйшее развитіе совершалось внутри имперіи, а не стремилось выйти за ея предѣлы, такъ какъ невозможно, чтобы государство безпрестанно увеличивало свои размѣры. Поэтому и Римъ нашелъ себѣ границы, и это въ извѣстномъ отношеніи совпадаетъ со всеміpно-исторической тенденціей, которую, правда, можно постигнуть только впослѣдствіи, той тенденціей, что завоевательная сила устремлялась только на Западъ. Если мы удивляемся тому, что римляне не пошли, какъ Александръ Великій, въ Аравію и Индію, а употребили всѣ свои силы на то, чтобы цивилизировать Испанію, Галлію, Германію, Дакію, то всеміpноисторическая причина этого явленія лежитъ въ томъ, что цивилизирующая тенденція на Востокѣ была уже проведена, и всеміpноисторическое

*) Латинское нарѣчіе перешло въ Галлію и Испанію, и первая тотчасъ же весьма ревностно приняла римское краснорѣчіе. Arqute loqui, умѣніе говорить остроумно уже въ то время было главнымъ дѣломъ у галловъ, а въ III и IV вѣкахъ къ нимъ отправлялись для упражненій въ римскомъ краснорѣчіи.

призванiе Рима состояло лишь въ томъ, чтобы цивилизировать Западъ, исходя изъ центра мiра, который занялъ Римъ. Для этого римлянамъ ничего не было нужно кромѣ уже завоеванныхъ элементовъ; остальные они могли оставить въ сторонѣ.

Заслуги Рима были слѣдующiя: 1) созданiе всемiрной литературы; 2) преобразованiе римскаго права въ право всеобщее; 3) образованiе монархическаго строя и въ связи съ этимъ созданiе правительственной централизацiи; 4) возвышенiе христiанской церкви до господствующаго положенiя.

1) Созданiе всемiрной литературы.

Римъ въ его цѣломъ дѣлился, правда, на двѣ части, изъ которыхъ одна говорила на греческомъ, другая на латинскомъ языкѣ. Соотвѣтственно этому обѣ литературы, греческая и римская, имѣли одну главную цѣль, хотя одна и господствовала на Востокѣ, другая на Западѣ. Это, между прочимъ, съ величайшею опредѣленностью можно видѣть изъ самой исторiографiи: когда римляне достигли мiрового господства, греки не имѣли другой высшей идеи, кромѣ той, чтобы понять и описать римскiй общественный строй — Полибiй, Дiонисiй Галикарнасскiй! Эта тенденцiя продолжалась и въ слѣдующiе вѣка; такъ главный историкъ имперiи — Дiонъ Кассiй, былъ грекомъ. Правда, римляне въ лицѣ своего Тацита выставили одного изъ величайшихъ историковъ, какiе когда-либо существовали; однако онъ схватываетъ больше моральную сторону всемiрной исторiи и описываетъ темныя стороны, выступившiя въ римскомъ государствѣ благодаря принципату; напротивъ, всемiрноисторическая сторона въ исторiи схватывалась болѣе греками, чѣмъ римлянами, нпр. Аппiаномъ, Плутархомъ, который пытался понять римлянъ, какъ индивидовъ, причемъ его задача заключалась въ томъ, чтобы путемъ сравненiя ихъ съ героями другой нацiи воз-

высить ихъ до всемiрноисторическаго значенiя и достоинства.

Итакъ, произошло своеобразное явленiе двойной литературы, той литературы на двухъ языкахъ, которая по своей идеѣ совершенно единообразна, хотя у каждой своя особенная тенденцiя. Теперь является вопросъ: каковы были плоды этой литературы? Для того чтобы отвѣтить на это, я брошу короткiй взглядъ назадъ, на классическую греческую литературу. Произведенiя этого времени возникали какъ произведенiя природы, каждое своеобразнымъ манеромъ на своеобразной почвѣ; каждый авторъ писалъ на своемъ дiалектѣ, и классическая литература, нпр., въ Аѳинахъ возникла въ эпохи наиболѣе яркаго и рѣзкаго выраженiя аѳинскаго духа. Этотъ родъ литературнаго творчества позднѣе уже не могъ имѣть мѣста. Дiалекты сгладились, и на мѣсто аттическаго сталъ общiй дiалектъ; теперь не могли уже болѣе появляться такiе великiе писатели, какъ въ болѣе раннее время. Теперешнiе греческiе авторы сообщаютъ лишь то, что имѣетъ всеобщiй интересъ, и къ нимъ присоединяются римляне. Такъ какъ не было больше столкновенiя партiй, то, понятно, перестали являться и великiе ораторы, и теперь стали писать въ формѣ писемъ, какъ Плинiй и др.

Однимъ словомъ: создалась всеобщая литература, которая обнимала всѣ отрасли знанiя и распространялась на двухъ языкахъ, причемъ греческiя произведенiя были болѣе талантливы, а латинскiя свидѣтельствовали о болѣе упорномъ трудѣ.

2) Юридическое развитiе.

Здѣсь приходится отправляться отъ того, что собственно научный генiй римлянъ по природѣ былъ юридическiй. Ни въ одной отрасли они не были такъ оригинальны, какъ въ гражданскомъ правѣ. Другiя нацiи, конечно, сдѣлали также кое-что въ этомъ отношенiи, но римляне съ самаго начала своего государства такъ

отчетливо усвоили правовыя понятія и развили ихъ съ такою послѣдовательностью, какъ никакой другой народъ.

Первоначально право лишь передавалось отъ одного учителя къ другому, а также въ видѣ дѣйствующаго на форумѣ права. Но римское право получило значительную обработку, послѣ того какъ усилилась Римская имперія, потому, что тогда стали придавать силу закона изреченіямъ великихъ юристовъ, которые привлекались императорами въ юридическія школы: никогда теорія и практика не соединялись тѣснѣе, какъ при римскихъ императорахъ. Поэтому мы находимъ въ эпоху, мало плодотворную въ другихъ областяхъ литературы, рядъ величайшихъ юристовъ (Гай, Ульпіанъ, Папиніанъ и другіе), изъ изреченій которыхъ составлены были въ VI вѣкѣ пандекты и институціи.

Первымъ моментомъ въ развитіи права былъ тотъ, когда люди юридическаго генія разрабатывали исконно-римскія правовыя понятія; второй, когда закономѣрно разработанныя правовыя идеи получили чрезъ санкцію императоровъ силу закона, благодаря чему это право въ той его формѣ, въ какой оно содержалось въ учрежденіяхъ, получило одновременно и научное содержаніе. Третій, весьма важный для человѣчества моментъ состоялъ въ томъ, что римское право, вслѣдствіе своего научнаго развитія, отбросило все частное, что еще прилипало къ нему, и благодаря этому получило высокое всеобщее значеніе. Такимъ образомъ возникло теперь jus gentium, именно въ этомъ его смыслѣ, т. е. какъ римское право въ его всеобщей приложимости. Ваше Величество можете видѣть отсюда, насколько важно то, что правильно развившееся право освобождается отъ частностей, препятствующихъ его примѣненію къ другимъ націямъ, какъ это случилось съ римскимъ правомъ. Можно утверждать, что римское право — вообще величайшее созданіе Римской имперіи.

3. Образованіе монархическаго строя и правительственной централизаціи.

Въ борьбѣ между Августомъ и Антоніемъ, которая была, можетъ быть, борьбою между западнымъ и восточнымъ принципами, Августъ остался побѣдителемъ и вскорѣ соединилъ въ своей особѣ важнѣйшія республиканскія должности; однако онъ никогда не могъ и думать о томъ, чтобы назваться царемъ, и придумалъ титулъ Августа, т. е. достойнаго почитанія. Однимъ словомъ: появилась разница между личностью государя и республиканскими стремленіями, которыя, собственно говоря, оставались все еще конституціонными.

Отсюда и выходило то, что многіе императоры, независимо отъ недостойныхъ личныхъ качествъ, попадали въ двусмысленное положеніе и играли такую странную роль; ибо, хотя они и изъявляли притязанія на неограниченную власть, всетаки являлись въ глазахъ древнихъ родовъ и особенно сенаторовъ лишь главными начальниками, которые въ гражданскихъ войнахъ фактически одержали верхъ. Веспасіанъ, изъ фамиліи Флавіевъ, первый внесъ нѣкотораго рода устойчивость въ принципатъ. Когда онъ побѣдилъ, онъ заставилъ сенатъ дать ему извѣстныя права въ знаменитомъ lex regia, именно право отдавать приказы съ силою закона самолично, безъ участія сената.

Несмотря на это, впослѣдствіи снова обнаружились старыя столкновенія и насилія. Сенатъ снова достигъ господства и *назначилъ* императора—Нерву; послѣдующіе императоры назначались императоромъ правящимъ, путемъ усыновленія, и вступали на престолъ съ согласія сената, какъ Антонины. Въ III вѣкѣ, напротивъ, надъ государствомъ разразилось время отвратительнѣйшей смуты, которое называютъ также эпохой 30-ти тиранновъ, когда уже варвары съ силой надвигались на Римскую имперію. Въ это бѣдственное время, когда съ одной стороны границы государства нуждались въ сильной за-

щитѣ, съ другой стороны—всякая армія пыталась провести въ императоры того, кто стоялъ во главѣ ея,— въ это время Діоклетіанъ нашелъ выходъ, чтобы сломить упорство армій и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворить потребности государса въ сильной защитѣ. Онъ присоединилъ къ себѣ нѣсколько лицъ въ качествѣ Augusti или Caesares, которые, при нераздѣльности власти, правили одновременно съ нимъ, такъ что одинъ здѣсь, другой тамъ представлялъ собой высшую власть, которая оставалась сконцентрированной въ Діоклетіанѣ, какъ главномъ Цезарѣ.

Изъ этой комбинаціи вышелъ Константинъ, который въ IV вѣкѣ провелъ въ полной формѣ единодержавіе на основаніи діоклетіановыхъ институцій; впрочемъ, это удалось бы ему не болѣе, чѣмъ другимъ генераламъ императорской эпохи, если бы онъ не взялъ въ руки реформу учрежденій и не соединился съ самаго начала съ христіанствомъ. Прежде всего требовалось окончательно подавить преобладающее значеніе армій и положить конецъ проискамъ аристократическихъ партій. Важнѣйшимъ нововведеніемъ Константина для этой цѣли было раздѣленіе гражданской и военной властей, соединеніе которыхъ въ однѣхъ рукахъ до сихъ поръ придавало провинціальной магистратурѣ такую непомѣрную власть.

Благодаря этому все населеніе въ городахъ стало покойнѣе, и аристократія подвизалась больше на почвѣ мѣстныхъ, а потому и менѣе опасныхъ партійныхъ интересовъ. Далѣе, Константинъ раздѣлилъ все государство на діоцезы, а діоцезы на провинціи и ввелъ формальную іерархію чиновъ и должностей, изъ которыхъ нѣкоторые существуютъ и до нашихъ дней; нпр., испанскій Corregidor — это старый Corrector provinciae. Въ этихъ округахъ Константинъ ввелъ абсолютное управленіе, въ которое онъ включилъ институтъ дефензоровъ, — отголосокъ прежнихъ провинціальныхъ учрежденій, которыя никогда не исчезали окончательно,— для того чтобы не отдать населеніе прямо-таки на произволъ praesides provinciarum. Къ этимъ централизирую-

щимъ стремленіямъ присоединились еще другія реформы, нпр., пріобщеніе Италіи, до сихъ поръ отъ этого изъятой, къ „ingens malum tributorum,“ уничтоженіе различія между civitates, распространеніе римскаго гражданскаго права на всѣ провинціи (уже при Каракаллѣ) и т. д.

Такимъ образомъ Римская имперія достигла доселѣ еще не существовавшаго великаго единства, значеніе котораго ясно выступаетъ только тогда, когда мы сравнимъ его съ массой независимыхъ національностей, которыя существовали раньше. Итакъ, мы и здѣсь наблюдаемъ въ крупныхъ размѣрахъ, какъ и въ литературѣ и въ правѣ, то явленіе, что изъ частнаго мало-по-малу развивается общее. Во главѣ этого единства стоялъ принцепсъ, наслѣдственность котораго, если она и не была прямо исключена, всетаки не могла считаться обычномъ фактомъ.

Если въ заключеніе мы спросимъ, оказалъ ли Востокъ вліяніе на образованіе монархіи, то нельзя не признать того, что нѣкоторые аттрибуты послѣдней. нпр., діадема, происходятъ оттуда; но зерно этого учрежденія выходило изъ силы обстоятельствъ и потребностей страны.

4) Основаніе міровой религіи.

Послѣ того какъ въ I столѣтіи довершилось римское завоеваніе, во второмъ—развилась міровая литература, въ третьемъ произошла выработка римскаго права, а въ концѣ третьяго и въ четвертомъ выработалась въ нѣкоторымъ образомъ устойчивой формѣ манархія,—послѣ всего этого вступила въ рядъ всемірноисторическихъ заслугъ Рима величайшая изъ этихъ заслугъ—основаніе міровой религіи.

Константинъ основалъ свой санъ на слѣдующихъ факторахъ: 1. на своей побѣдѣ и оружіи: 2. на реформѣ управленія; 3. на религіи. Является всемірноисторическій вопросъ: на чемъ основана самая возможность установленія христіанства въ Римской имперіи? содѣйство-

вала ли этому сама Римская имперія по самой своей природѣ?

Можно сказать, что Римская имперія въ высшей степени способствовала развитію идеи христіанства какъ міровой религіи. Прежде всего должна была создаться большая совокупность народовъ съ нѣкоторымъ единстомъ, совокупность, въ которой идея міровой религіи могла бы проложить себѣ дорогу; пока народы существовали одинъ возлѣ другого, какъ различныя индивидуальности, съ различными религіями, являлись возможными лишь національныя божества.

Мое мнѣніе о взаимноотношеніи церкви и государства сводится къ тому, что государство должно существовать раньше, а затѣмъ уже появляется церковь. При государствѣ становится возможною и церковь, и это въ высшей степени обнаруживается въ появленіи церкви въ Римской имперіи; безъ существованія послѣдней христіанская религія едва ли распространилась бы на земномъ шарѣ.

Сдѣлаемъ шагъ дальше: введеніе христіанства натолкнулось бы на величайшія трудности, если бы восточный міръ не былъ уже элленизированъ. Не будь въ то время всеобщаго языка и литературы, религія не могла бы имѣть такого всеобщаго вліянія. Допустимъ, нпр., что христіанство должно было непремѣнно проповѣдываться на сирійскомъ нарѣчіи, на которомъ говорилъ Христосъ; оно тогда показалось бы людямъ чѣмъ-то совершенно обособленнымъ, узко-національнымъ; проповѣдуемое на міровомъ языкѣ,—оно стало въ соотвѣтствіе съ людьми, съ остальнымъ образованіемъ.

Помимо этихъ моментовъ политическаго и литературнаго единства въ римской сущности было еще нѣчто, безконечно способствовавшее распространенію міровой религіи. Привезя къ себѣ въ Римъ національныя божества всѣхъ извѣстныхъ народовъ и поклоняясь имъ у себя, римляне тѣмъ самымъ отняли у этихъ идоловъ изъ-подъ ногъ почву.

Почитаніе Изиды, нпр,. имѣло большое значеніе только

въ Египтѣ, въ Римѣ оно не имѣло никакого смысла. Благодаря принятію чужихъ боговъ, національный принципъ утратилъ свою цѣну, и потому идея, которая сама въ себѣ имѣла силу и проведеніе которой было подготовлено самими обстоятельствами, эта идея могла съ тѣмъ большею легкостью одержать верхъ надъ различными культами, что они потеряли свое исконное значеніе.—

Къ этому присоединился еще слѣдующій, не менѣе важный моментъ: римляне съ самаго начала обладали какъ въ религіозномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, своеобразнымъ духомъ, бо̀льшимъ обиліемъ строгихъ нравственныхъ понятій, чѣмъ какой-либо другой народъ въ мірѣ. Стоитъ припомнить, нпр., какое высокое представленіе имѣли римляне о бракѣ: прошли столѣтія, прежде чѣмъ случился первый разводъ; припомнимъ домашнюю жизнь римлянъ, институтъ отеческой власти и т. д. Это сильное присутствіе моральныхъ тенденцій продолжало дѣйствовать и позднѣе во времена величайшаго нравственнаго упадка.

Дальнѣйшимъ рѣшающимъ моментомъ является непрекращавшееся противоборство болѣе чистыхъ религіозныхъ воззрѣній римлянъ и семитическаго идолопоклонства. Это противоборство обнаружилось уже въ борьбѣ съ карѳагенянами, культъ которыхъ, соединенный съ человѣческими жертвоприношеніями, римляне всегда презирали. Даже императоръ Клавдій, беззастѣнчивый въ другихъ случаяхъ, рѣшительно запретилъ человѣческія жертвоприношенія. Эти и другія обстоятельства указываютъ на то,что римляне имѣли болѣе высокое представленіе о цѣнности человѣка, чѣмъ другіе народы. Такъ и въ этомъ отношеніи римскія представленія, хотя все еще несовершенныя, совпадали съ христіанскими. Дальнѣйшій вопросъ слѣдующій: какое значеніе пріобрѣло христіанство въ своемъ первомъ распространеніи, какія у него были особенности, сдѣлавшія его способнымъ стать сильнѣе всѣхъ другихъ религій?

Въ теченіе первыхъ вѣковъ восточные идолопоклонни-

ческіе культы и представленія еще стремились проникнуть въ христіанство; я напомню манихеянъ, религіозныя основы которыхъ распространились вплоть до Африки и Индіи, и многихъ другихъ. Получи перевѣсъ эти секты, которыя пытались оріентализировать христіанство, послѣднее стало бы только одной изъ этихъ восточныхъ религій. Но христіанство нашло другую связь, съ помощью которой оно воспротивилось этимъ вліяніемъ, именно связь съ римской и греческой философіей. Мудрецы, иногда и поэты обѣхъ этихъ націй издавна стояли въ извѣстной оппозиціи къ идолопоклонству, а потому христіанству не составило никакого труда примкнуть къ этимъ философамъ; съ своей стороны и многіе христіанскіе мученики казались язычникамъ философами, если они абстрактно понимали то, за что буквально держались другіе (Юстинъ). Главный моментъ, кстати пришедшійся христіанству, является по своей природѣ научнымъ и діалектическимъ. Въ то время какъ идолопоклонство болѣе или менѣе выродилось въ величайшія странности и фантасмагоріи,—научныя и религіозныя понятія христіанства, помимо неисчерпаемой тайны, на которой оно основано, гораздо болѣе обладали свойствомъ получать разностороннее объясненіе. Скоро поняли, что христіанство совпадало съ величайшими творческими созданіями человѣческаго духа, и это сознаніе было однимъ изъ могущественнѣйшихъ рычаговъ при распространеніи міровой религіи. Эта связь христіанства съ античной культурой, это сочетаніе двухъ принциповъ, которые противорѣчатъ другъ другу и всетаки непрестаннно связаны между собой, — эта связь и придала всему дѣлу міровое значеніе.

Совершенно независимо отъ личныхъ интересовъ, которые могъ преслѣдовать какой-нибудь властитель въ родѣ Константина, міровое положеніе Римской имперіи, своеобразное направленіе римскаго духа въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи и объединенное государственное устройство вмѣстѣ съ всеобщей литературой содѣйствовали тому, чтобы дать христіанству перевѣсъ надъ всѣми другими религіями.

Четвертая лекція.

(28 сент. 1854 г).

Послѣ того какъ мы говорили о распространеніи религіи, слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ, какимъ образомъ совершалось устроеніе церкви. Кое-что при этомъ заимствовано было изъ іудейства, нпр., различіе между духовнымъ и свѣтскимъ чиномъ. Какъ у іудеевъ существовало особое колѣно, Левино, которому предпочтительно передъ другими предоставлено было отправленіе богослуженія, такъ и въ христіанствѣ на духовныхъ лицъ въ противоположность „народу" (*λαός*), смотрѣли какъ на „удѣлъ Божій" (*κλῆρος*). Несмотря на несомнѣнную въ нѣкоторыхъ случаяхъ аналогію съ іудействомъ, церковь всетаки получила отличный отъ іудейства образъ, именно благодаря въ высшей степени своеобразному явленію синодовъ и соборовъ.

Уже въ самыя раннія времена существованія церкви образовались общины, стоявшія въ извѣстной связи между собой и присвоившія себѣ нѣчто въ родѣ церковнаго самоуправленія. Наиболѣе важно, однако, то, что представители этихъ общинъ—епископы собирались вмѣстѣ и рѣшали въ качествѣ послѣдней инстанціи спорные вопросы догмы, утверждая, что на этомъ ихъ собраніи присутствуетъ св. Духъ. При этомъ удивительно, что эти синоды прежде всего стали собираться въ чисто республиканскихъ мѣстностяхъ, гдѣ еще сохранилась идея о старыхъ союзныхъ отношеніяхъ, какъ нпр., въ Ахеѣ. Первоначально эти синоды носили частный характеръ, позднѣе они расширились во всеобщіе соборы, на которые стекалась вся вселенная (*οἰκουμένη*); здѣсь христіанство получило ту догматическую основу, на которой мы стоимъ и понынѣ.

Этотъ весьма важный институтъ сообщилъ христіанству начало представительства для выработки доктрины, какого никогда еще не было, и въ то время какъ государственное устройство вырабатывалась въ абсолютизмъ, въ церкви обнаруживалось совсѣмъ иное явленіе, именно

самоуправленіе и самоопредѣленіе снизу, которое, обнимая собою все, образовывало рядомъ съ большимъ государствомъ собственное царство.

Христіанство было уже довольно широко распространено то при гоненіяхъ, то при потачкѣ со стороны императоровъ, когда императоръ Константинъ въ срединѣ IV столѣтія нашелъ для себя выгоднымъ (или былъ подвигнутъ къ этому какимъ-нибудь другимъ, намъ неизвѣстнымъ обстоятельствомъ) — принять христіанство. Для него было дѣломъ величайшей важности стать во главѣ и этой новой организаціи, послѣ того какъ онъ въ качествѣ императора сталъ во главѣ арміи, и въ качествѣ правителя—во главѣ имъ устроеннаго управленія. Онъ понялъ и высокое значеніе этого шага и велъ себя какъ верховный, такъ сказать, внѣшній епископъ церкви, благодаря чему только и было вполнѣ закончено объединеніе имперіи.

Благодаря этому и церковь, которая до сихъ поръ не представляла единства, приняла характеръ крупнаго соединенія; ибо римскіе епископы въ то время еще были далеко отъ того, чтобы считать себя верховными главами церкви; напротивъ, патріархи всѣ вмѣстѣ стояли подъ императорами, хотя въ духовномъ отношеніи не слишкомъ-то слушались ихъ.

И вотъ возникъ вопросъ: ограничиться ли христіанству этимъ всетаки узкимъ пространствомъ Римской имперіи?

Римская имперія таила въ своихъ нѣдрахъ массу неурядицъ. Къ нимъ надо отнести прежде всего гибельное, слишкомъ насильственно дѣйствовавшее управленіе. Далѣе, Римская имперія не давала достаточнаго прироста населенія; вслѣдствіе опустошительныхъ гражданскихъ войнъ, вслѣдствіе все болѣе и болѣе распространявшагося нерасположенія къ браку и вслѣдстіе другихъ причинъ имперія терпѣла безконечную убыль *) насе-

*) Въ отношеніи способности распложаться вообще между германскимъ и романскимъ населеніемъ существуетъ различіе. Франція, нпр., имѣла въ 1815 году населеніе въ 30 мил., Пруссія въ 10 мил., теперь во Франціи 35 мил., въ Пруссіи 17 мил. жителей, такъ что Пруссія нынѣ имѣетъ населеніе, равное по числу почти половинѣ населенія Франціи.

ленія; его приросту нисколько не способствовало и христіанство, въ которомъ очень скоро обнаружились монашескія тенденціи.

Итакъ, мы видимъ здѣсь тотъ странный фактъ, что Римская имперія, обнаруживъ величайшее творчество, которое было необходимо міру, сама пустѣла.

Теперь дѣло было въ томъ, чтобы проявилась экспансивная сила получившихъ господство міровыхъ идей. Это могло произойти двоякимъ манеромъ; во-первыхъ, эти воззрѣнія могли путемъ передачи сообщаться остальнымъ націямъ,—это отчасти и случилось,—въ Британніи христіанство распространилось далеко за предѣлы римскаго вала. Это происходило однако больше въ сектантской формѣ, которая не могла вполнѣ соотвѣтствовать задачѣ. Во—вторыхъ, распространеніе христіанскихъ идей могло совершаться путемъ войны, которая приводила въ постоянное соприкосновеніе съ римлянами множество народовъ, особенно германцевъ, и которая благодаря этому сдѣлалась также моментомъ распространенія христіанства.—

Но оба эти фактора не могли сдѣлать того, чтобы міръ воспринялъ цѣликомъ элементы христіанства; распространеніе всеміpноисторическихъ идей и культуры, развившейся въ Римской имперіи, совершалось болѣе путемъ завоеваній чужихъ народовъ въ Римской имперіи, чѣмъ побѣдами римлянъ надъ чужими народами. Если бы римляне распространили эти идеи въ мірѣ путемъ покоренія другихъ народовъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ навязали бы другимъ народамъ свой языкъ и всю свою сущность; весь остальной міръ былъ бы такъ же романизованъ и эллинизированъ, какъ раньше Востокъ и часть Запада. Но дѣло не дошло до этого; другія націи міра черезъ это утратили бы всю свою непосредственность. Въ виду того, однако, что римляне не были даже и достаточно сильны для совершенія этого, задача эта выпала на долю германцамъ. Они со всѣхъ сторонъ прорвались черезъ римскій limes, и, только благодаря принятію ими христіанства міровая религія стала религіей всѣхъ націй.

Удивительную противуположность этому представляютъ арабы, которые не приняли міровой религіи, но восприняли римскую культуру. Благодаря этому развилось то удивительное міровое сцѣпленіе, что на одной сторонѣ, на Западѣ, культивировали и распространяли переданныя римлянами воззрѣнія германцы, а на другой—на Востокѣ—арабы.

Пятая лекція.

(30 сент. 1854 г.)

§ 2.

Преобразованіе Римской имперіи подъ вліяніемъ нашествій германцевъ и завоеваній арабовъ.

Наши германскіе предки *) слѣдующимъ образомъ расположены были вокругъ римскаго міра:—на сѣверофранцузскомъ и нидерландскомъ побережьяхъ сидѣли фризы и саксы. Римляне выставили въ этихъ краяхъ послѣ средины III столѣтія военачальника, по имени Каравзія, противъ морскихъ разбойниковъ, безпокоившихъ берега. Этотъ военачальникъ обладалъ бунтовскими наклонностями, соединился съ саксонскими прибрежными жителями въ Германіи и сдѣлалъ ихъ сильными на морѣ, чѣмъ тѣ уже очень рано стали пользоваться для нападеній на Британнію, **) отдѣленную отъ нихъ проливомъ.

Въ низовьяхъ Рейна, на римскихъ границахъ, около середины III столѣтія появились франки, именно въ

---

*) Именемъ германцевъ (согласно Тациту) первоначально обозначались не нѣмецкія народности, а нѣсколько кельтскихъ племенъ въ валлонскихъ Нидерландахъ.

**) Въ Британніи сосѣдями римлянъ въ еще незанятой Ирландіи и той части Шотландіи, которая лежала за рубежомъ, были кельтическіе варвары.

самомъ устьѣ рѣки — франки салическіе, нѣсколько дальше вверхъ по теченію — рипуарскіе. Саксонцы съ одной стороны, франки съ другой были здѣсь на сѣверѣ ближайшими сосѣдями римлянъ.

По рубежу (limes) между Рейномъ и Дунаемъ расположились различные германскіе народы, изъ которыхъ наиболѣе значительными были алеманны. Германцы распространились вообще по всему Дунаю до его устья (въ Дакіи и Мизіи), гдѣ надъ множествомъ другихъ племенъ, — вандаловъ, гепидовъ и друг. - господствовали готы *).

У насъ есть изъ ранней эпохи имперіи удивительные очерки германцевъ Тацита, историка, который обладалъ достаточнымъ всемірноисторическимъ пониманіемъ, чтобы подмѣтить природную противуположность между римлянами и германцами. Изъ этихъ различій я упомяну лишь нѣкоторыя: прежде всего римскую испорченность въ противуположность германской простотѣ и умѣренности; затѣмъ, въ особенности, въ высшей степени своеобразный военный строй германцевъ. Въ то время какъ римское военное соединеніе покоилось преимущественно на строго военномъ повиновеніи, германскій строй основанъ былъ на принципѣ личной и наслѣдственной вѣрности. У германцевъ существовала, во-первыхъ, королевская власть, какъ своего рода религіозное достоинство, и во-вторыхъ, дружинный строй, учрежденіе, въ силу котораго, во время войны къ знатнѣйшимъ германцамъ примыкали другіе, обязывавшіеся охранять избраннаго ими вождя, который, въ свою очередь, обязывался быть для нихъ вѣрнымъ и заботливыми вождемъ; это одинъ изъ превосходнѣйшихъ элементовъ, доказывающій различіе между римлянами и германцами: у римлянъ все было государствомъ, а личныя отношенія были совершенно задержаны въ своемъ проявленіи. Этотъ дружинный строй какъ разъ и придавалъ германцамъ большую сплоченность въ борьбѣ съ римлянами. Это

*) Къ этому племени принадлежатъ, вѣроятно, и баварцы

обстоятельство имѣло величайшее значеніе для всемірной исторіи въ томъ отношеніи, что у римлянъ, правда, выработалось государственное устройство, но только какъ внѣшняя форма, которую они не могли вполнѣ реализировать, такъ какъ одинъ властитель сталкивалъ другого, между тѣмъ у германцевъ, въ ихъ древнемъ королевскомъ достоинствѣ и въ ихъ своеобразномъ военномъ бытѣ, именно всепроникающая связь вѣрности сообщила всей новой исторіи свойственный ей отпечатокъ. Эти германцы имѣли для римлянъ тѣмъ большее значеніе, что римское государство, какъ мы видѣли, бѣднѣло населеніемъ и не могло больше отстаивать своихъ границъ. Пограничная область была германизирована путемъ долгаго и медленнаго движенія еще до переселенія народовъ; вообще самое переселеніе не надо представлять себѣ всеобщимъ движеніемъ Европы — (такое движеніе произошло только одинъ разъ),—а пограничной борьбой, въ которой германцы наступали, а римляне отступали. Однако безъ этого не произошло бы въ Европѣ того великаго измѣненія, которое, казалось, также было намѣчено судьбой.

Первый толчекъ къ переселенію народовъ исходилъ отъ готовъ. Они пришли у Чернаго моря въ столкновеніе съ гуннами, народомъ, принадлежащимъ къ одной семьѣ съ чудью и финнами. Гунны въ IV вѣкѣ свергнули великую державу остгота Германариха и послѣ этого такъ стѣснили вестготовъ, что послѣдніе должны были просить себѣ убѣжища въ предѣлахъ Римской имперіи, въ чемъ имъ не было отказано. Тогда они большими толпами на челнахъ переправились черезъ Дунай въ Римскую имперію. Здѣсь они, однако перессорились съ правителями провинцій, которые отняли у нихъ дѣтей и скотъ въ уплату за доставленные пришельцамъ съѣстные припасы. Изъ-за этого въ 378 году дѣло дошло до генеральной битвы при Адріанополѣ, въ которой императоръ Валентъ былъ убитъ, и готы остались побѣдителями, такъ что они утвердились въ Мизіи и стали играть тамъ видную роль.

Пока здѣсь почти безпрерывно происходили битвы и благодаря этому имперія пришла въ величайшее замѣшательство, почти всѣ германскіе народы пришли въ нѣкоторое движеніе. Сами вестготы, которые перешли въ восточную Римскую имперію и изъ среды которыхъ тамъ вышелъ въ V вѣкѣ Аларихъ, доставляли безконечные хлопоты римскимъ правителямъ. Императоръ Аркадій въ концѣ концовъ не нашелъ другого средства избавиться отъ нихъ, какъ направить ихъ на Западную имперію, послѣ чего они въ самомъ дѣлѣ подъ начальствомъ Алариха двинулись въ Италію.

Одновременно съ этимъ на Западъ устремлялись и другіе народы, именно вандалы, аланы, свевы. Эти три племени перешли сначала черезъ Рейнъ, отправились въ Галлію и оттуда въ Испанію. Вандалы позднѣе переправились въ Африку и основали тамъ въ началѣ V вѣка большое государство на развалинахъ Карѳагена.

Однако между этими германскими племенами надо дѣлать различіе: одни, какъ, напр., Аларихъ и его дружина, устремлялись всенароднымъ войскомъ, т. е. народъ представлялъ собою въ то же время и войско; притомъ они везли съ собою женъ и дѣтей, равно какъ и все необходимое къ жизни, и всегда готовы были къ войнѣ. Они приходили въ Римскую имперію добывать себѣ денегъ (субсидіи) или средствъ къ жизни, и такъ какъ ни того, ни другого они добиться не могли, то они поселялись въ значительной части имперіи въ видѣ военной касты, подъ начальствомъ своихъ предводителей, которымъ они обязаны были военной службой и которые въ тоже времи были и ихъ королями; здѣсь онп раздѣлывались съ провинціалами обыкновенно такъ, что послѣдніе выдѣляли имъ часть земли. Къ такимъ народамъ принадлежали готы, одна часть которыхъ, именно вестготы, завоевали Римъ, затѣмъ перешли въ Галлію — (ихъ главнымъ средоточіемъ была Тулуза) — и оттуда распространились и въ Испанію; затѣмъ бургундцы, которые осѣли въ римскихъ провиціяхъ по Рейну и

Ронѣ; свевы, ихъ соперники — не совсѣмъ германскаго происхожденія—аланы и вандалы.

Другая часть германцевъ медленнѣе проникала изъ родныхъ мѣстъ черезъ границу и заводила колоніи. Въ то время какъ вышеназванныя народности, разъ успокоившись, занимали лишь часть области, — тамъ, куда проникали эти колонизирующіе народы, не оставалось ничего римскаго. Къ этимъ народамъ принадлежали алеманны, саксы, франки.

На нѣкоторое время выступилъ еще другой вопросъ. Съ самаго начала гунны принимали большое участіе во всеобщемъ переворотѣ; теперь они основали на Дунаѣ могущественное государство и властвовали тамъ надъ множествомъ германскихъ народовъ (остготы, гепиды и т.д.). И вотъ король гунновъ Аттила сдѣлалъ попытку покорить всю западную Римскую имперію подъ власть своихъ гунновъ. А эти еще были совершенными варварами и оставались совершенно недоступными культурѣ. Сдѣлайся они господами Римской имперіи, варварство одержало бы побѣду надъ Европой. Но этому не суждено было случиться. Аттила былъ разбитъ на Каталаунской равнинѣ въ Галліи (у Шалона на Марнѣ), въ битвѣ, имѣющей всемірно-историческое значеніе. Эта битва замѣчательна еще и потому, что здѣсь германцы стояли другъ противъ друга: одна часть ихъ, именно вестоготы, соединилась съ римлянами, другая — съ Аттилой (451).

Въ Италіи предводитель германскихъ вспомогательныхъ народовъ—геруловъ, турцилинговъ и др.—по имени Одоакеръ положилъ конецъ западной Римской имперіи (476); но римляне Восточной имперіи утверждали, что Италія принадлежитъ имъ, и поэтому подстрекнули остготовъ отправиться въ Италію; тѣ послѣдовали этому призыву и, побѣдивъ Одоакра, основали подъ господствомъ Теодориха, остготское государство, которое, впрочемъ, приближалось скорѣе къ типу народныхъ полчищъ—войскъ.

Благодаря своему избавленію отъ готовъ Восточная

имперія снова пріобрѣла большую силу, и къ началу VI вѣка Юстиніанъ при помощи своего отличнаго полководца Велизарія могъ уже настойчивѣе преслѣдовать мысль о возстановленіи Римской имперіи въ полномъ ея объемѣ. Велизарію удалось прежде всего разрушить государство вандаловъ, послѣ чего онъ обратился противъ отсготовъ. Чтобы окончательно разбить ихъ, преемникъ Велизарія по командованію, Нарсесъ, призвалъ также на помощь лонгобардовъ, которые сидѣли въ то время на среднемъ Дунаѣ. Между тѣмъ послѣдніе вскорѣ послѣ этого явились со всею своею силою, чтобы вновь отнять у византійцевъ только что завоеванную Италію и оставить ее за собой. Греки продолжали владѣть лишь значительною частью морского берега—именно Равеннскимъ экзархатомъ, Венеціей, Неаполемъ и южными оконечностями материка.

Посмотримъ теперь, какой удивительный видъ приняли различныя части западной Римской имперіи.

Въ Италіи нельзя было притти къ единству, такъ какъ здѣсь постоянно противодѣйствовали другъ другу три элемента: 1. папство, усилившееся во время всеобщаго замѣшательства; 2. греческій элементъ, которому собственно говоря по праву принадлежалъ и Римъ; 3. лонгобарды, которые владѣли почти всей верхней Италіей, Тосканой, а въ нижней Италіи—Беневентомъ. Такимъ образомъ, уже въ то время совершилось раздѣленіе Италіи на разныя области, которое существуетъ и до нынѣшняго дня.

Вандалы совершенно исчезли изъ исторіи, послѣ того какъ ихъ царство въ Африкѣ было разрушено; напротивъ, вестготское королевство въ Испаніи получило въ высшей степени оригинальную форму: именно, послѣ обращенія вестготовъ изъ аріанства іерархія получила могучее вліяніе, такъ что короли, которые были избирательными, постоянно оказывали повиновеніе высшему духовенству, и вообще все испанское государственное устройство уже носило іерархическій характеръ.

Но всего замѣчательнѣе сложились отношенія въ

Галліи, куда въ концѣ V вѣка устремились франки. Ихъ король Хлодвигъ побѣдилъ сначала римлянъ, которые при Сіагріи образовали нѣчто въ родѣ королевства, затѣмъ бургундцевъ и часть вестготовъ, не ушедшихъ въ Испанію. Повидимому онъ вступилъ въ соглашеніе съ побѣжденными уже, но еще не уничтоженными римлянами, соглашеніе, въ силу котораго они примкнули къ нему. Благодаря своему обращенію въ католическое исповѣданіе и подавленію аріанства, которое исповѣдывали бургундцы и вестготы, онъ пріобрѣлъ сильную поддержку духовенства, вслѣдствіе чего ему явилась возможность не только подавить своихъ внутреннихъ враговъ, но и распространить свое господство далеко въ глубь Германіи.

Въ Британніи, напротивъ того, все римское было уничтожено варварами. Все, что только оставалось изъ церковныхъ элементовъ, удалилось въ христіанскія не римскія владѣнія, къ кельтамъ, особенно въ Ирландію, и только позднѣе христіанство вновь введено было въ германской Британніи.

Въ остальныхъ провинціяхъ какъ разъ церковь стойко удержалась подъ всѣми этими развалинами.

Если государство было уничтожено, вся сила сопротивленія сосредоточилась въ епископствахъ. Между тѣмъ, благодаря этому и короли естественно оказались заинтересованными въ поддержаніи и распространеніи церкви; такъ что, благодаря этимъ завоеваніямъ, среди величайшихъ бурь совершились все-таки два важныхъ момента міровового развитія. Римская имперія на Западѣ, правда, была разрушена, за то провинціалы вошли тамъ въ нѣкоторую связь съ завоевателями, изъ которыхъ произошли новыя націи. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ Западъ—Италія, Испанія, Галлія, Британнія, Германія—такимъ образомъ вполнѣ отдѣлился отъ Востока; вслѣдствіе этого смѣшенія германскихъ и романскихъ элементовъ онъ составилъ съ этихъ поръ совершенно обособленный міръ. На этомъ покоится все дальнѣйшее развитіе отношеній вплоть до новѣйшаго времени.

Шестая лекція.

(1 октября 1854 г.).

Среди главныхъ элементовъ образовавшагося теперь міра съ римской стороны передъ нами выступаетъ провинціальная аристократія, которая на началахъ договора мирно ужилась съ вторгнувшимися королями и знатными вождями. Если спросить теперь, при какихъ обстоятельствахъ они слились въ одно цѣлое, то передъ нами важнымъ моментомъ той эпохи явится законодательство.

Въ тотъ моментъ, когда происходило все это, въ Константинополѣ на престолъ вступилъ императоръ Юстиніанъ (527), который завершилъ законодательство Римской имперіи. Онъ въ самый настоящій моментъ кодифицировалъ въ два большихъ собранія римское право,— живое развитіе котораго пріостановилось при вторженіи варваровъ,-такъ что это исконное твореніе римскаго духа, надъ которымъ послѣдній работалъ въ теченіе столѣтій получило свою твердую форму только ко времени паденія мірового владычества Рима. Мы и здѣсь находимъ подтвержденіе того наблюденія, что пока умы находятся въ состояніи непрерывнаго творчества и дѣятельности, они и не думаютъ о фиксированіи отношеній, и что только съ наступленіемъ той эпохи, когда не хватаетъ живого импульса, появляются люди, которые отдаются собиранію. Собиратели юстиніановскаго времени выискивали изъ массы лежавшаго передъ ними матеріала то, что имъ казалось самымъ лучшимъ; это-то Юстиніанъ и объявилъ единственно дѣйствующимъ закономъ Римской имперіи.

Нечего было, конечно, и думать, чтобы тогдашніе германцы желали или даже только были способны жить по этимъ законамъ. Вестготскій король Атаульфъ, преемникъ Алариха, отправляясь изъ Италіи въ Галлію, открыто высказывалъ, что онъ обратилъ бы Римскую имперію въ Готскую, если бы только его готы захотѣ-

ли жить по законамъ, какъ римляне. Однако извѣстное количество законныхъ установленій теперь оказывалось необходимымъ. Поэтому среди этихъ націй дѣлались своеобразныя попытки законодательства, цѣлью котораго было связать въ одно общество оба живущихъ рядомъ народа—германцевъ и римлянъ. Такое значеніе имѣютъ leges, или народныя „правды" вестготовъ, бургундовъ, франковъ и т. д. Болѣе всего въ этихъ законахъ намъ бросается въ глаза такъ называемый вергельдъ, въ основаніи котораго лежитъ воззрѣніе, что заинтересованнымъ въ уголовныхъ случаяхъ является не государство, а родственники убитаго или пострадавшаго, т. е. воззрѣніе, идущее прямо въ разрѣзъ римской государственной идеѣ. Однако хотя подобная комбинація правовыхъ положеній выглядѣла варварской, она являлась всетаки прогрессомъ духа законности и представляетъ собой одно изъ значительнѣйшихъ событій этого времени, событіе, въ которомъ мы можемъ также усмотрѣть распространеніе міровой идеи.

Но какъ можно было управлять этими странами въ остальномъ и какъ ими управляли? Отъ древнеримскаго управленія повсюду уцѣлѣло еще многое; германскіе короли принимали сохранившееся и пользовались имъ для увеличенія своего могущества. Сюда относится организація финансоваго управленія, которая была очень прибыльна для королей, такъ какъ если не германцы, за то провинціалы были подвержены обложенію (tributaria sollicitudo*). Слѣдовательно, и самая идея римскаго управленія перешла на германскаго короля; это тѣмъ болѣе важно, что германскіе короли съ особеннымъ честолюбіемъ добивались своего признанія со стороны восточныхъ римскихъ императоровъ. Вся позднѣйшая абсолютная монархія покоится на мысли о возстановленіи Римской имперіи. Въ германское же королевское достоинство въ его позднѣйшемъ развитіи, помимо римскихъ

---

*) Отсюда происходило то, что во Франціи дворянство оставалось изъятымъ отъ податей до французской революціи.

элементовъ, вошелъ въ особенности германскій принципъ, считающій правительственную власть наслѣдственнымъ правомъ, чего не было у римлянъ. Поговоривъ о политикѣ, мы должны теперь бросить взлядъ на религію и культуру, чтобы и здѣсь усмотрѣть зачатки современной культуры.

Въ романскомъ мірѣ, какъ выше было сказано, главнѣйшимъ изъ уцѣлѣвшихъ элементовъ была церковь, которая владѣла неизмѣримымъ содержаніемъ цивилизаціи вслѣдствіе своей связи съ философіей и литературой. Въ эту церковь вошли теперь и германцы. Какъ римляне вступали въ германскую придворную и военную службу, такъ германцы вступали въ службу духовную: мы видимъ, нпр., у вестготовъ и во франкской монархіи множество германцевъ епископами; у франковъ короли нѣкоторое время имѣли величайшую власть надъ епископами, они ихъ даже прямо назначали; но чѣмъ слабѣе становилась власть меровингскихъ королей, тѣмъ сильнѣе росъ авторитетъ епископовъ, еще не завися пока отъ Рима. Дальнѣйшій вопросъ въ томъ, какъ догма и культъ этой церкви могли быть сообщены варварамъ, насколько варвары были способны воспринять догму, образовавшуюся путемъ глубокомысленнѣйшихъ комбинацій, и какъ культъ чистой религіи могъ быть слитъ съ германскимъ духомъ, одичавшимъ въ войнахъ и вслѣдствіе войнъ.

Догма была сообщена германцамъ въ видѣ голой формулы, причемъ о содержаніи вовсе не заботились, и къ культу страннымъ образомъ примѣшалось языческое идолопоклонство. Однако если даже догма была понята формально, то всетаки эта формула заключала въ себѣ истину, и впослѣдствіи снова могло развиться чувство къ таинственному; это былъ, можно сказать, единственный путь, которымъ христіанство могло быть сообщено этимъ народамъ.

Въ культурѣ и литературѣ также стояло другъ противъ друга два различныхъ элемента: римская культура и литература позднѣйшаго времени носила резюми-

рующій характеръ; доктрина излагалась въ повсемѣстныхъ школахъ въ видѣ готовыхъ результатовъ; объ изслѣдованіи не было рѣчи ни въ одной научной отрасли. Съ этой нѣсколько окостенѣвшей римской литературой германское начало съ своей поэзіей и сагами также пришло въ соприкосновеніе. Особенно наглядно выступаетъ это у историковъ: у Іордана въ его исторіи готовъ, у Григорія Турскаго въ его исторіи франковъ, позднѣе у Павла Діакона въ его исторіи лонгобардовъ. Въ этихъ въ высшей степени несовершенныхъ опытахъ проявляется то смѣшеніе и соприкосновеніе различныхъ началъ, изъ которыхъ въ позднѣйшее время вышелъ третій жизнеспособный элементъ.

Церковь, королевская власть, государственный строй, управленіе, право, литература—сдѣлались теперь романо-германскими.

Совсѣмъ инымъ образомъ началась борьба существующихъ элементовъ съ вновь образующимися на Востокѣ. Тамъ вокругъ Римской имперіи не было расположено такихъ племенъ, которыя, вступивъ на военную службу къ имперіи, стремились бы овладѣть ею: главное движеніе на Востокѣ выходило изъ религіи. Въ религіи восточные народы еще сохранили жизненную силу, и въ этомъ отношеніи здѣсь были на лицо величайшія противуположности: 1. евреи съ своимъ древнимъ монотеизмомъ, имѣвшіе въ IV и V вѣкахъ такой успѣхъ среди арабовъ, что цѣлое племя этого народа перешло въ іудейство; 2. арабское идолослуженіе, преимущественно поклоненіе созвѣздіямъ; 3. парсизмъ, снова возродившійся, и рядъ родственныхъ дуалистическихъ доктринъ; 4. далѣе на востокъ буддизмъ, враждовавшій съ браминской религіей, что отражалось въ общемъ движеніи и на Западѣ. Съ другой стороны на Востокъ устремлялись изгнанныя изъ Римской имперіи по постановленіямъ соборовъ секты несторіанъ, монофизитовъ и друг.,

споривших главным образом о том, как надо представлять себѣ Сына Божьяго.

Въ средину этого огромнаго стеченія всѣхъ религій міра вступилъ въ концѣ VI вѣка Магометъ, который, будучи торговцемъ по профессіи, во время своихъ путешествій приходилъ въ соприкосновеніе со всѣми этими религіозными культами. Онъ не хотѣлъ, однако, примириться ни съ іудействомъ, ни съ сабеизмомъ, которому предано было его племя, ни съ христіанствомъ, но выставилъ свою собственную религію, которая смѣшана была со всѣми этими разнообразными элементами и которую разумѣютъ подъ именемъ ислама, т. е. преданности Богу. Послѣ многихъ и жестокихъ гоненій ему удалось собрать около себя толпу вѣрующихъ, фанатизмъ которыхъ скоро ниспровергнулъ передъ собой все.

Эта религія возникла въ тотъ моментъ, когда персы находились въ сильной борьбѣ съ Восточной Римской имперіей. Къ этимъ двумъ государствамъ Магометъ обратился съ требованіемъ покорности, и когда они не оказали ее, его полчища, опьяненныя національнымъ и религіознымъ одушевленіемъ, набросились какъ на Восточную Римскую имперію, такъ и на персовъ. Ихъ огромныя завоеванія произведены были въ двѣ эпохи. Въ первую они завоевали Сирію, Іерусалимъ, Египетъ и Персію и проникли до индійскихъ границъ; во вторую, около средины VII столѣтія Омайяды бросились на Западъ, заняли прибрежье Африки, оттуда переправились въ Испанію, гдѣ на голову разбили вестготовъ въ знаменитой битвѣ при Хересъ де ла Фронтера, перешли Пиренеи и на нѣкоторое время утвердились въ одной части Галліи. Такъ основали они неизмѣримое государство, столицей котораго былъ сначала Дамаскъ, а позднѣе Багдадъ.

Это второе великое измѣненіе, которому подвергся римскій міръ съ другой стороны.



Седьмая лекція.

(2-го октября 1854 г.).

Если мы, отчасти забѣгая впередъ, бросимъ взглядъ на великія противорѣчія, двигающія нынѣ міръ, то мы найдемъ, что ихъ зародыши лежатъ уже въ той эпохѣ. Съ одной стороны мы видѣли централизованную Римскую имперію съ ея государственной идеей во главѣ, съ ея чиновничьей іерархіей, которая, несмотря на весь свой блескъ, была подчинена волѣ одного лица, съ ея клиромъ, власть котораго была скорѣе духовною, и который въ свѣтскомъ отношеніи былъ подчиненъ императорамъ. Съ другой стороны мы встрѣчаемъ германскую королевскую власть съ ея принципомъ наслѣдственности, впрочемъ ограниченнымъ цѣлою массою противупоставленныхъ ему личныхъ привилегій; мы видимъ германское дружинное начало въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ строгими подданническими обязанностями римскихъ провинціаловъ, обратившихся до извѣстной степени въ объекты управленія, мы видимъ очень сильный аристократическій моментъ, который постепенно достигаетъ все большаго и большаго значенія какъ среди мірянъ, такъ и въ клирѣ. Эти рѣзкія противорѣчія и донынѣ продолжаютъ дѣйствовать съ величайшей силой, и въ новѣйшее время вступили другъ съ другомъ въ открытую борьбу. Тенденція нашего времени направлена къ тому, чтобы устранить германскій личный принципъ и возстановить абсолютное государство, движущее само себя; въ этой тенденціи съ одной стороны заключается кое-что аналогичное римскому государству и противорѣчащее германскому; съ другой стороны въ ней надо искать и источникъ республиканскаго элемента: вѣдь и послѣдній стремится къ тому, чтобы устранить изъ государства все личное. Германская королевская власть стоитъ между обѣими противуположностями, такъ какъ она соединилась какъ съ

римской идеей о государственномъ устройствѣ и управленіи, такъ и съ личнымъ элементомъ. Въ великой борьбѣ противуположныхъ началъ, въ которой для государей является болѣе выгоднымъ отстаивать германскій принципъ, въ этой борьбѣ задача современной королевской власти заключается въ томъ, чтобы стоять надъ обѣими противуположностями и становиться то на ту, то на другую сторону. Если бы новая государственная идея получила полное господство въ Германіи, отъ личныхъ правъ ничего бы не осталось, а съ этого времени достаточно было бы одного шага къ республикѣ и затѣмъ къ коммунизму. Съ другой стороны, если бы слишкомъ развилась германская государственная идея, такъ что личныя права стали бы *всѣмъ*, тогда общественныя дѣла сдѣлались бы общимъ достояніемъ частныхъ лицъ, и государство сдѣлалось бы совершенно частнымъ дѣломъ*). Итакъ, въ этомъ я отступаю отъ обычнаго взгляда, который заставляетъ однихъ становиться на сторону государства, другихъ—церкви, третьихъ—па сторону личныхъ правъ, въ то время какъ я утверждаю, что необходимы всѣ эти элементы, что на противуположности частнаго съ общимъ покоится вся европейская исторія, и что церковь является тѣмъ третьимъ, которое развивается само для себя, стоя по срединѣ между личными правами и общими стремленіями государства.

Если спросить, къ какой сторонѣ больше тяготѣетъ церковь, то надо отвѣтить, что въ прежнія времена она становилась болѣе на сторону личныхъ правъ, хотя папа и представлялъ собою всеобщую идею, но что теперь она проявляетъ стремленіе въ сторону всеобщей государственной идеи, не совпадая, однако, съ нею по своей природѣ, такъ какъ церковная идея есть нѣчто

*) Сила Англіи, по моему мнѣнію, покоится на этихъ двухъ противуположныхъ началахъ; королевская власть, правда, очень слаба, за то аристократія болѣе сильная, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, является противовѣсомъ универсальному принципу, заключающемуся въ нижней палатѣ и прессѣ.

обособленное, существующее само для себя. Я долженъ признать, что между государствомъ и церковью есть природное противорѣчіе, котораго никогда нельзя устранить; вѣдь если бы государство достигло полнаго господства, оно должно было бы заключить все въ кругъ своего вѣдѣнія; возникла бы государственная церковь. Между тѣмъ государь, воплощающій въ себѣ общіе интересы страны, долженъ пользоваться церковью, не вызывая противорѣчій.

Восьмая лекція.

(3-го октября 1851 г.)

Распространеніе арабскаго могущества, которое мы разсмотрѣли въ его внѣшнемъ очертаніи, покоилось на двухъ моментахъ. Прежде всего это распространеніе произошло при преемникахъ Магомета, которые не имѣли никакихъ другихъ привилегій, кромѣ права быть халифами, т. е. наслѣдниками пророка. Но такимъ образомъ халифатъ не могъ утвердиться, такъ какъ магометанское господство всетаки было не чисто-религіозное, а основывалось также на родовыхъ притязаніяхъ. Вслѣдствіе этого возвысилась болѣе политическая династія Бени-Омайя, которая господствовала съ половины VII до средины VIII столѣтія. При ней совершено было великое завоеваніе Запада. Послѣ того какъ государство было основано, среди новыхъ ссоръ, происходившихъ по большей части изъ родовыхъ противорѣчій, за Омайядами послѣдовали Аббассиды, столицей которыхъ былъ Багдадъ. Къ этой третьей господствующей династіи принадлежатъ тѣ халифы, которые стремились распространить культуру среди арабовъ. Они основали, нпр., школу переводчиковъ, которая переводила греческія сочиненія, касавшіяся преимущественно философіи, медицины и географіи. Этотъ Аббассидскій халифатъ не охватывалъ однако, всего запада стараго свѣта; ибо одинъ изъ Омайядовъ, избѣжавшій ужасной кровавой бани, которой под-

вергся весь его родъ, и нашедшій себѣ убѣжище въ Африкѣ, отсюда переправился въ Испанію и основалъ тамъ Кордовскій халифатъ. И этотъ халифатъ поставилъ себѣ задачей поддержаніе культуры, и можно сказать, что благодаря этому господство арабовъ надъ Испаніей стало знаменательнѣе, чѣмъ господство готовъ.

Я хочу теперь бросить взглядъ на политическій элементъ, лежащій въ основаніи магометанскаго владычества и продолжающій дѣйствовать даже и въ наше время. Мы видимъ на Востокѣ на всемъ пространствѣ древнѣйшей культуры (Ассирія, Вавилонія, Египетъ и т. д.) распространеніе господства, основнымъ принципомъ котораго является религія и вѣра. Кто не исповѣдуетъ Ислама, не можетъ принимать участія ни въ государственной жизни, ни въ войнахъ, ибо въ государѣ слиты были трудно разграничимымъ образомъ религіозный и политическій принципы.

Правда, покоренные подданные часто попадали такимъ образомъ въ довольно сносное положеніе, но были совершенно исключены изъ государства и церкви, такъ какъ ихъ назначеніе—служить только нижнимъ слоемъ для Ислама. Таково положеніе нынѣшняго райи въ Турціи. Мы узнаемъ въ этомъ громадную разницу между Востокомъ и Западомъ въ политическомъ отношеніи, разницу, сущность которой сводится къ тому, что государства Востока никогда не могутъ вполнѣ націонализироваться, такъ какъ ни государство, ни церковь тамъ не проникаетъ до нижняго слоя населенія, напротивъ послѣдній всегда исключенъ изъ нихъ, въ то время какъ на Западѣ въ общемъ является принципъ націонализаціи церкви и государства.

Въ этомъ-то и заключается причина могущества Запада по сравненію съ Востокомъ. Востокъ поднялся, правда, съ бо́льшимъ блескомъ, за то на Западѣ развитіе было дѣйствительнѣе. Христіанство установляетъ всюду центръ дѣятельности въ меньшихъ предѣлахъ; каждое изъ нашихъ государствъ имѣетъ національное основаніе и національную задачу. Чѣмъ больше поднимается лю-

дей изъ низшихъ слоевъ, тѣмъ болѣе осуществляется христіанскій принципъ; и если даже власть государей благодаря своему личному принципу получаетъ бо̀льшее сходство съ аристократическими властями, она все-таки по своей природѣ связана съ низшими слоями тѣмъ, что ей приходится развивать свою силу, и въ этомъ отношеніи власть государей исполняетъ предписанное ей христіанствомъ призваніе. Чѣмъ глубже проникаетъ культура, если она соединена съ нравственностью и религіей, тѣмъ могущественнѣе становятся государи.

Сдѣлавъ это наблюденіе, мы снова обращаемся къ нашему общеисторическому процессу, который приводитъ насъ теперь къ третьему періоду.

§ 3.

Время Каролинговъ и періодъ Германской имперіи.

Мы должны вернуться къ тому мементу, когда Омайяды, съ Кораномъ въ одной рукѣ и мечемъ въ другой, овладѣли Египтомъ, сѣвернымъ африканскимъ побережьемъ и Испаніей, и съ одной стороны изъ Туниса угрожали Ватикану, а съ другой—Константинополю. Разсмотримъ въ противуположность этому состояніе германскаго Запада. Папа имѣлъ въ рукахъ мало силы, какъ ни чтилъ его Западъ, потому что лангобарды безпрестанно тѣснили его. Вообще единственнымъ могущественнымъ государствомъ въ то время было франкское. При позднѣйшихъ Меровингахъ оно состояло изъ трехъ различныхъ областей: Невстріи съ Парижемъ, Бургундіи и Австразіи; центромъ послѣдней являлся Мецъ, къ ней же принадлежали и нѣмецкія земли Баварія, Алеманнія и Тюрингія. Въ вышеназванныхъ областяхъ дворянство и церковь въ нѣкоторомъ смыслѣ составили коалицію противъ короля. Дворянство при Меровингахъ достигло того, что дворцовые управители (majores domus) фоктически захватили въ свои руки королевскую власть.

Среди нихъ особенно выдавался одинъ родъ, страннымъ образомъ происходившій отъ епископа — именно отъ Арнульфа мецскаго, который до епископства былъ женатъ. Въ концѣ VII и началѣ VIII столѣтія изъ этого рода возвысился Пиппинъ Геристальскій. Онъ уже въ VII столѣтіи стремился къ королевской власти, однако законная династія въ то время была еще слишкомъ сильна для того, чтобы онъ могъ одолѣть ее. Этотъ Пиппинъ умеръ, оставивъ незаконнаго сына, котораго въ то время держала у себя въ плѣну Плектрудисъ, жена Пиппина. Это знаменитый Карлъ Мартеллъ; въ миниту величайшихъ внутреннихъ смутъ онъ освободился изъ своего плѣна и насильственно завладѣлъ властью въ странѣ; именно съ помощью старыхъ приверженцевъ своего дома онъ побѣдилъ невстрійскаго майордома и проникъ въ Невстрію. Послѣ этого происшествія сарацины нахлынули на государство франковъ и безспорно покорили бы всю Галлію, если бы не были разбиты Карломъ Мартелломъ въ знаменитой битвѣ при Паутье (732). Карлъ не только выступилъ войной противъ сарацинъ, но и прочно организовалъ всю франкскую землю въ военномъ отношеніи. Свое наслѣдіе онъ оставилъ сыну своему Пиппину Короткому. Такъ впервые является на Западѣ способная къ сопротивленію и дальнѣйшимъ успѣхамъ сила, сосредоточенная не въ рукахъ прежней королевской власти, совершенно опустившейся, а въ рукахъ людей, которые принадлежали къ одному изъ знатнѣйшихъ родовъ страны и которые, присвоивъ себѣ франкское государство не то на законномъ основаніи, не то безъ таковаго, выступили, готовые къ бою со всѣми.

Что касается положенія папы, тутъ чрезвычайно важно было то, что принадлежа до сихъ поръ все еще къ Восточной имперіи, онъ теперь отъ нея отдѣлился, и именно какъ разъ въ эпоху Карла Мартелла. Произошло это слѣдующимъ образомъ: императоръ Левъ Исаврянинъ задумалъ сблизиться съ магометанствомъ, за что и получилъ прозвище „Саракенофронъ“, т. е. человѣкъ

сарацинскаго образа мыслей. Для того чтобы отклонить отъ себя упрекъ магометанъ, что будто бы христіане поклоняются идоламъ, а можетъ быть и по убѣжденію,— онъ воспретилъ иконопочитаніе, а самыя иконы въ значительномъ количествѣ уничтожилъ. Черезъ это онъ, конечно, пришелъ въ столкновеніе съ римскимъ папой, который и безъ того уже по различнымъ причинамъ не хотѣлъ принадлежать къ Восточной Римской имперіи. Въ числѣ этихъ причинъ была и незначительность той помощи, которую Византія могла оказывать папѣ въ его борьбѣ съ лангобордами, и нежеланіе различныхъ итальянскихъ городовъ зависѣть въ управленіи отъ Константинополя. И вотъ папа обратилъ свои взоры на Западъ, гдѣ онъ уже пользовался высокимъ уваженіемъ. Однако рѣшающимъ обстоятельствомъ было то, что папа все больше и больше подвергался притѣсненіямъ со стороны лангобардскихъ королей. Въ этой нуждѣ онъ и обратился къ франкскому майордому.

Во Франціи положеніе дѣлъ стало совершенно ненормальнымъ. Здѣсь существовалъ старый народный король, проживавшій въ своемъ помѣстьѣ, не оказывая никакого вліянія на общественныя дѣла, а рядомъ съ нимъ— майордомъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалась вся власть. Такимъ образомъ совершенно умѣстнымъ являлся вопросъ: оставаться ли такому порядку вещей, или тому, у кого власть, быть и королемъ? Этотъ вопросъ и предложилъ папѣ Захарію Пиппинъ Короткій, сознавая огромный авторитетъ папы на Западѣ. Папа отвѣчалъ, что на его взглядъ тому, у кого въ рукахъ власть, лучше быть ужъ и королемъ,—и прибавилъ къ этому выразительную мотивировку этого рѣшенія: „ne conturbaretur ordo (чтобы порядокъ не нарушался)“. Какъ только полученъ былъ этотъ отвѣтъ, созвали вельможъ Франкскаго государства, Пиппинъ былъ ими поднятъ на щитъ и провозглашенъ королемъ. Между тѣмъ борьба лангобардовъ съ папой все продолжалась, такъ что Пиппинъ долженъ былъ перейти Альпы и явиться на помощь папѣ. Онъ завоевалъ такъ называемый Экзархатъ, который

было уже захватили лангобарды, и подарилъ свое завоеваніе папѣ „pro amore Dei et Sancti Petri (изъ любви къ Богу и св. Петру)“. Вслѣдъ за этимъ папа самъ явился во Францію и помазалъ короля на царство.

Итакъ, мы видимъ теперь чрезвычайно тѣсное соединеніе папства и королевской власти. Папство было спасено королевскою властью, а королевская власть поднята папствомъ на положеніе высшаго авторитета. Весьма удивительнымъ является то, что папа на мѣсто прежняго значенія легитимности поставилъ духовный авторитетъ. Благодаря этому созданное на Западѣ смѣшеніе народовъ достигло большого единства. Съ одной стороны стоялъ великій римлянинъ—папа, вождь епископовъ, взиравшихъ на него въ полномъ почтеніи; съ другой стороны — верховный глава германцевъ съ своей огромной свѣтской властью, которая, однако, благодаря коронованію и помазанію получила извѣстный духовный придатокъ. Такъ на Западѣ образовался новый міръ, причемъ все объединялось подъ двойнымъ руководствомъ—духовнымъ и свѣтскимъ.

Девятая лекція.

(4 октября 1854).

Наиболѣе удивительнымъ въ этомъ союзѣ церкви съ государствомъ было то, что обѣ власти исходили изъ совершенно различныхъ началъ; майордомъ, достигшій теперь высшей власти во Франкскомъ государствѣ, не имѣлъ даже религіознаго авторитета, которымъ обладала до этихъ поръ народная королевская власть въ Германіи; майордомъ былъ только представителемъ свѣтской власти, напротивъ папа являлся совершенно духовнымъ государемъ и въ то время не имѣлъ никакой свѣтской власти, и его повиновеніе было также сомнительнымъ.

Такова была основа Каролингской монархіи, какъ она установилась при Карлѣ Мартеллѣ и Пиппинѣ Корот-

комъ. Если Карлъ Великій впервые покорилъ лангобардовъ (774), то это было къ большой выгодѣ какъ для него самого, — благодаря этому франки твердой ногой стали въ Италіи, — такъ и для папы, ибо лангобарды были его заклятыми врагами. Освободивъ папу отъ его враговъ, Карлъ Великій совершилъ свой въѣздъ въ Римъ и принятъ былъ папою съ величайшей торжественностью.

Въ рукахъ лангобардовъ осталось теперь только герцогство Беневентское. Оно находилось въ союзѣ съ баварскимъ герцогомъ Тассилой, который также враждебно относился къ Карлу Великому и вступилъ въ союзъ съ господствовавшими въ Панноніи аварами. Однако, несмотря на это, Карлъ Великій былъ слишкомъ могуществен для того, чтобы его враги могли противустоять ему. Подобно тому какъ лангобарды были покорены соединенными дѣйствіями папы и императора, такъ та же судьба постигла и герцоговъ баварскаго и беневентскаго.

Вслѣдъ за этимъ великій франкскій король, подкрѣпленный оружіемъ въ ревностномъ своемъ стремленіи обращать въ христіанство, направился одновременно изъ Баваріи и Галліи противъ язычниковъ—аваръ. Эти тоже были покорены, и часть огромной добычи досталась въ подарокъ папѣ. Благодаря этому Паннонія была пріобщена къ христіанству. Подъ господствомъ аваръ соединено было множество славянскихъ народовъ, которые получили теперь нѣкоторую свободу и начали организоваться; а такъ какъ это дѣло вызвано было Карломъ Великимъ, они стали присваивать своимъ государямъ, которые были какъ бы снимками съ Карла, имя „краль“; оно и до сихъ поръ передаетъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ вообще нѣмецкое понятіе König. Сверхъ того своей побѣдой надъ аварами Карлъ распространилъ латинскую церковь въ тѣхъ краяхъ, такъ что съ этой стороны союзъ между папой и королемъ былъ безусловный. Заходя нѣсколько впередъ, мы должны здѣсь прибавить, что папа никогда не могъ выносить тамъ усиленія вліянія восточнаго императора, съ

которымъ какъ авары, такъ и герцоги беневентскіе были въ союзѣ.

Вслѣдъ за этимъ надо коснуться борьбы Карла съ саксами. Они были еще сплошь язычниками, и такъ какъ Карлъ Великій хотѣлъ обратить ихъ въ христіанство, то эти войны съ ними были по преимуществу религіозными войнами. Проникая впередъ, властитель франковъ учреждалъ въ завоеванныхъ странахъ епископства и налагалъ на новыхъ подданныхъ десятину въ пользу этихъ вновь воздвигнутыхъ учрежденій. Налогъ этотъ носилъ на себѣ извѣстный духовный отпечатокъ, въ виду того что велъ свое происхожденіе еще изъ Ветхаго Завѣта; епископы же были одновременно и свѣтскими чиновниками, которые внушали повиновеніе королю. Основаніе этихъ крупныхъ епископствъ (Мюнстеръ, Бременъ, Гильдесгеймъ, Гальберштадтъ и т. д.) было весьма важнымъ моментомъ и для духовнаго, и для свѣтскаго господства. Такимъ способомъ мало-помалу христіанство и авторитетъ короля одновременно распространялись до береговъ Нѣмецкаго моря и Эльбы.

И на сарацинъ съ Исламомъ Карлу приходилось обращать свое вниманіе. Это былъ главнѣйшій врагъ установлявшагося на Западѣ христіанства; противъ него Карлъ Великій теперь и велъ соединенныя силы изъ Италіи, Франціи и Германіи и предпринималъ различные походы. Уже Пиппинъ совершено выгналъ сарацинъ изъ западной Франціи. Карлъ переправился въ Испанію. Здѣсь весьма для него кстати обособленный халифатъ Омайядовъ находился въ постоянномъ раздорѣ съ Аббассидами и подвергался опасности внутреннихъ возмущеній, такъ что Карлъ Великій получилъ даже въ Падеборнѣ отъ нѣсколькихъ испанскихъ эмировъ приглашеніе отправиться въ Испанію. Правда, въ Ронсевалле, въ Пиренеяхъ, Карлъ потерпѣлъ пораженіе, вслѣдствіе котораго онъ долженъ былъ прежде всего посильнѣе укрѣпиться вь южной и западной Франціи; но сдѣлавъ это, онъ вторично перешелъ Пиренеи и теперь уже ему удалось основать Испанскую марку (около

Барцелоны), изъ которой впослѣдствіи вышли королевства Каталонія, Валенція, Мурція.

Дѣятельность Карла Великаго была совершенно невѣроятна, если подумать, что онъ одинаково властвовалъ надъ Италіей, Франціей, Германіей, при этомъ постоянно былъ отзываемъ врагами то къ одной, то къ другой окраинѣ государства, и при всемъ томъ не упускалъ изъ виду своей великой задачи какъ культурнаго государя. Здѣсь особенно замѣчательны два момента:

1. что эти три націи обязаны Карлу Великому сознаніемъ своей національности, которая до него еще не выработалась. Именно мы видѣли, какъ въ Италіи безпрерывно боролись между собою три элемента: греки, папа, лангобарды. Это теперь совершенно прекратилось: греки были вытолкнуты изъ Италіи, лангобарды усмирены, а папа вошелъ въ союзъ съ франками. Далѣе, Германіи до Карла Великаго собственно не существовало вовсе *); до этого времени старыя племена вовсе не смотрѣли на себя какъ на нѣчто связное. Только благодаря тому, что Карлъ Великій соединилъ ихъ всѣ подъ своимъ скипетромъ, они научились видѣть въ себѣ одно цѣлое. То же самое, наконецъ, было и во Франціи; нечего было бы и думать о французской національности, если бы Гасконь и Гіэнь не были крѣпко связаны съ Франціей.

2. Но на этомъ дѣло не остановилось; эти три страны не только прониклись національнымъ сознаніемъ, но, что еще важнѣе, между ними была создана связь, которая непрерывно чувствовалась впредь и на которой еще и понынѣ покоится европейская жизнь.

Если спросить теперь, какая изъ двухъ властей въ то время имѣла перевѣсъ, духовная или свѣтская, то, думается мнѣ, съ увѣренностью можно отвѣтить, что свѣтская власть преобладала, такъ какъ папа не былъ еще настолько могущественъ, чтобы самостоятельно

---

*) Общее обозначеніе „deutsch“ получило распространеніе лишь съ IX в. благодаря Карлу Великому.

вліять на дѣла, а больше способствовалъ намѣреніямъ императора и оказывалъ имъ поддержку. Къ этому присоединялось и то, что папа въ Римѣ окруженъ былъ такой борьбой партій, что едва могъ тамъ существовать. Левъ III однажды подвергся даже нападенію со стороны одной изъ этихъ партій на улицѣ, былъ поваленъ на землю, причемъ ему отрѣзали часть языка. Въ такомъ затрудненіи папа призвалъ на помощь Карла Великаго (800). Карлъ явился въ Римъ, водворилъ тамъ порядокъ и снова посадилъ папу на престолъ. Тогда-то именно Левъ и задумалъ коснѣющимъ языкомъ перенести на короля франковъ санъ западноримскаго императора. Къ этому его склоняли многія основанія: во-первыхъ, онъ хотѣлъ окончательно разорвать связь съ императоромъ Восточной имперіи; во - вторыхъ, онъ хотѣлъ обезпечить себѣ непрестанную защиту со стороны франкскаго короля, и для этого ему казалось необходимымъ перенести на Карла Великаго императорское достоинство взамѣнъ званія патриція, которымъ уже обладалъ Карлъ; въ-третьихъ, прежнія составныя части Западной Римской имперіи и безъ того находились въ рукахъ Карла Великаго, такъ что фактически онъ уже былъ императоромъ Западной Римской имперіи. Несмотря на это, передача сана была однимъ изъ величайшихъ міровыхъ событій, ибо отнынѣ германскій король появлялся въ роли римскаго императора, и послѣ того какъ это великое объединеніе Запада состоялось, послѣ того какъ уже въ германскомъ королевствѣ были восприняты понятія римской государственной власти,— всетаки этотъ элементъ получилъ большую силу благодаря тому, что могущественный государь сталъ въ то же время римскимъ императоромъ; ибо теперь онъ утверждалъ, что ему принадлежатъ всѣ права, которыя прежде были признаны за римскимъ императоромъ.

Черезъ это связь между папою и церковью, между духовной и свѣтской властью стала еще тѣснѣй. Но вмѣстѣ съ тѣмъ папы къ этому моменту пріурочивали свое право назначать императоровъ; это притязаніе

является неосновательнымъ въ томъ смыслѣ, что они, правда, передали императорамъ санъ, но не власть. Однако Каролингская имперія разъ навсегда основана была на этомъ тѣсномъ единеніи папства съ королевской властью, единеніи, которое проникло всѣ слои населенія и распространялось до самыхъ низшихъ административныхъ сферъ. Все государство было раздѣлено на графства и епископства. Рядомъ съ каждымъ графомъ стоялъ епископъ и оба обязаны были итти рука объ руку; также и подчиненные имъ центенаріи и архидіаконы. Если графъ присуждалъ кого-нибудь къ мірскому наказанію, епископъ долженъ былъ отлучать этого человѣка, и обратно. И всетаки нельзя сказать, чтобы при Каролингахъ епископы имѣли значительный авторитетъ. Они считались лишь представителями духовной власти, которые были обязаны королю мірскимъ повиновеніемъ и за это получали отъ него поддержку и поощреніе. Впрочемъ, король назначалъ епископовъ, перемѣщалъ ихъ, созывалъ соборы и т. д.

Съ этимъ политически-церковнымъ строемъ стояло въ связи и болѣе систематическое сближеніе съ культурой античнаго міра. Достигнувъ объединенія, Карлъ Великій обратилъ вниманіе на то, чтобы были возстановлены школы, уничтоженныя въ бурныя времена предшествовавшихъ столѣтій. Съ этой цѣлью онъ отовсюду выписывалъ учителей: изъ Италіи историка лангобардовъ Павла Діакона, изъ Англіи, гдѣ онъ пользовался большимъ вліяніемъ, ученаго Алкуина и еще другихъ. Самъ онъ не только основывалъ монастырскія школы, которыя до возникновенія университетовъ были важнѣйшими, даже единственными разсадниками образованія, но и самъ посѣщалъ эти школы, самъ хвалилъ прилежныхъ и порицалъ лѣнивыхъ. При его дворѣ существовала академія, въ числѣ членовъ которой былъ и онъ самъ. Вмѣстѣ съ этимъ императоръ бралъ и всякіе другіе элементы культуры. Онъ обновилъ церковное пѣніе, изъ котораго вышло все музыкальное искусство. Онъ обновилъ архитектуру, живопись

и т. д. Словомъ, это былъ колоссальный геній, отъ вниманія котораго не ускользали ни мелкія, ни важныя дѣла.

Резюмируемъ вкратцѣ руководящія идеи, лежащія въ основѣ его столѣтія: 1. соединеніе церкви и государства; 2. образованіе національностей; 3. объединеніе всей Европы; 4. основаніе культуры на этой основѣ и притомъ такъ, что эта культура съ одной стороны обнимала древность, но въ то же время не упускала изъ виду и требованій современности. Карлъ Великій чувствовалъ себя вообще добрымъ нѣмцемъ, который, удерживая одинъ элементъ культуры, не забывалъ за нимъ и другого.

Только такой выдающійся умъ, какъ Карлъ Великій, могъ поддерживать единство противорѣчивыхъ элементовъ: съ одной стороны императорская власть и различныя національности, съ другой духовная и свѣтская власть, эти зародыши будущей розни. Его преемникамъ это было уже не по силамъ. По смерти сына Карла, Людовика Благочестиваго, было на лицо три сына, между которыми приходилось дѣлить имперію. Духовенство придерживалось того взгляда, чтобы при всякихъ обстоятельствахъ поддержать существованіе имперіи, и этотъ взглядъ одержалъ верхъ при проэктѣ раздѣла государства въ 817 году. Лотарь, старшій изъ сыновей Людовика Благочестиваго, получилъ такія преимущества, что его братья по отношенію къ нему являлись какъ бы удѣльными князьями. Изъ-за этого вышелъ споръ между братьями — Лотаремъ, Людовикомъ и Карломъ Лысымъ. Франкское войско долгое время видѣло въ себѣ нѣчто цѣлое и долго не хотѣло становиться на сторону или противъ братьевъ. Наконецъ дѣло дошло до битвы при Фонтенэ (841), гдѣ Лотарь былъ разбитъ, и затѣмъ въ 843 году состоялся знаменитый Верденскій раздѣлъ. По этому раздѣлу Карлъ Лысый получилъ всю страну до Мааса, Людовикъ Нѣмецкій страну до Рейна, а Лотарь прирейнскія области до моря съ одной и до Роны съ другой стороны (Лота-

рингію въ самомъ широкомъ смыслѣ) вмѣстѣ съ Италіей. Наиболѣе удивительно при этомъ то, что согласно договору не возникли три государства, а три брата подѣлили одно большое государство, причемъ за старшимъ остался высшій почетъ.

Лотарь II, сынъ Лотаря, умеръ, не оставивъ наслѣдника; точно также и братъ его, Людовикъ II; и вотъ возникъ вопросъ, кому должно достаться ихъ наслѣдство: восточнымъ или западнымъ Каролингамъ. Карлъ Лысый тотчасъ заявилъ свои притязанія; онъ быстро отправился въ Италію и былъ поддержанъ папою; однако нѣмецкая линія утвердила за собой императорское достоинство и выгнала Карла Лысаго изъ Италіи; внуки послѣдняго въ 879 году отказались отъ своихъ правъ на лотарингское наслѣдство по Рейну и на Италію; все это теперь и было присоединено къ Германіи. Отсюда и ведетъ начало то обстоятельство, что отнынѣ послѣдующіе короли нѣмецкіе были всегда и императорами. Если бы Карлу Лысому удалось осуществить свою идею, французскіе короли сдѣлались бы императорами, а такъ какъ линія Людовика Нѣмецкаго одержала верхъ, и притомъ не только благодаря силѣ оружія, но и благодаря договору, то императорское достоинство осталось у Германіи.

Въ этой борьбѣ между членами Каролингской династіи необычайно окрѣпла власть вельможъ; вѣдь до извѣстной степени ихъ усмотрѣнію было предоставлено, сторону котораго изъ трехъ братьевъ принять, и благодаря этому они изъ роли послушныхъ подданныхъ возвысились до положенія какъ бы защитниковъ. Уже при Каролингахъ мы находимъ слѣды наслѣдственности должностей. Положимъ, мы не въ состояніи рѣшить этого вопроса опредѣленно, но до насъ дошелъ изъ эпохи Карла Лысаго капитулярій, согласно которому короли впредь не должны лишать магнатовъ ихъ „honores“, т. е. не только ихъ почетныхъ должностей, но и ихъ владѣній. Итакъ, въ то время какъ при Карлѣ Великомъ цѣлое являлось всеобъемлющимъ единствомъ, при

его сыновьяхъ и преемникахъ поднялась могучая аристократія въ лицѣ герцоговъ и другихъ вельможъ. Въ то же время и духовенство старалось употребить въ свою пользу упадокъ высшаго свѣтскаго авторитета. При этомъ могучимъ рычагомъ для духовенства послужило одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній, когда-либо созданныхъ человѣческою хитростью, именно поддѣльныя декреталіи, т. е. собраніе по большей части поддѣльныхъ папскихъ декретовъ, въ которыхъ папамъ приписывались права, часто ни на чемъ не основанныя. Но такъ какъ эти декреты повсюду, а также и въ Германіи, признавались за настоящіе, то позднѣйшія притязанія папъ, правда еще не достигнутыя въ IX вѣкѣ, но уже формулированныя, нашли въ этомъ очень сильную опору.

Итакъ, въ силу трехъ обстоятельствъ могущественное единство, основанное Карломъ Великимъ, снова распалось: 1. вслѣдствіе внутреннихъ распрей его преемниковъ; 2. вслѣдствіе возвышенія магнатовъ среди этихъ распрей; 3. вслѣдствіе могучихъ притязаній папъ, заявившихъ теперь о такихъ правахъ, о которыхъ раньше никто и не помышлялъ. Но единство имперіи все еще продолжало существовать, и культура шла полнымъ ходомъ и распространялось въ предѣлахъ, которыхъ раньше никогда не достигала.

Десятая лекція.

(5 октября 1854 г.).

Когда на Западѣ образовалась крупная культурная среда, внезапно появились народы, которые грозили разомъ опрокинуть воздвигнутое съ такими усиліями зданіе. Это были съ одной стороны на сушѣ венгры, съ другой, съ моря—норманны.

Венгры находились въ связи съ угро-финнскимъ племенемъ, изъ котораго вышли прежніе гунны, такъ что они съ нѣкоторымъ подобіемъ права могли заявить

свои притязанія на Венгрію, когда-то занятую Аттилой. Въ то время какъ тогдашній нѣмецкій король Арнульфъ собирался вступить въ борьбу съ велико-моравской державой, венгры захватили послѣднюю, нахлынули на баварскія границы и черезъ тюрингскія и франконскія марки проникли до Лотарингіи. Въ этомъ стѣсненномъ положеніи нѣмецкіе вельможи сознали необходимость большаго единства. Этимъ сознаніемъ вызвано было избраніе Генриха Птицелова изъ Саксонской династіи. На его долю выпало разрѣшеніе въ высшей степени трудной задачи, такъ какъ ему приходилось бороться частью съ венграми и славянами, частью съ норманнами и датчанами, что онъ, однако исполнилъ съ большимъ успѣхомъ. Онъ былъ вообще однимъ изъ крупнѣйшихъ государей тѣхъ временъ. Германское государство при немъ снова было возстановлено, но государемъ теперь былъ тутъ уже не каролингскій имераторъ. Генрихъ заключилъ съ западно-франкскими каролингами нѣчто въ родѣ договора, въ силу котораго за нимъ оставлено было неоспоримое обладаніе восточно-франкскимъ королевствомъ.

Его преемникомъ былъ Оттонъ I, также отличный государь, который съ нѣмецкимъ королевствомъ связалъ императорское достоинство. Именно онъ,—съ согласія ли папы или безъ него, — отправился въ Римъ и тамъ добился своего коронованія императоромъ; это одно изъ важнѣшихъ событій нѣмецкой исторіи.

Здѣсь можно было бы предложить вопросъ: какое право имѣли нѣмецкіе государи на Италію, и не лучше ли было бы, если бы они бросили эту страну? На это надо отвѣтить, что они имѣли на Италію то же право, что и Каролинги, и поэтому нельзя имъ ставить въ упрекъ заявленіе этихъ притязаній на свое право. Съ другой стороны, для развитія нѣмецкаго элемента и въ особенности нѣмецкаго государственнаго устройства чрезвычайно важно было то, что нѣмцы держали въ рукахъ папу; наконецъ, надо признать, что связь съ Италіей оказывала весьма благотворное вліяние на Гер-

манію. Къ тому же съ имперіей связана была идея міровового владычества вообще, и поэтому чрезвычайно важно было, что императорская власть перешла къ Германіи. Это обстоятельство придало, однако, значеніе и всѣмъ нѣмецкимъ князьямъ, такъ какъ, выбирая императора, они тѣмъ самымъ достигли безспорно высшаго положенія, чѣмъ князья всѣхъ другихъ народовъ. Оттону Великому удалось въ 955 году на Лехскомъ полѣ положить конецъ нападеніямъ венгровъ. Послѣ этого они удалились въ свои владѣнія, начали принимать нѣмецкіе обычаи и жить до извѣстной степени вассалами германскихъ императоровъ. И датчанъ онъ вынудилъ признать верховное владычество Германской имперіи.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, какъ изъ побѣды надъ венграми при Генрихѣ I вышло единство Германіи, а при Оттонѣ I возстановленіе имперіи, мы должны теперь бросить взглядъ на норманновъ.

Норманны получили всемірноисторическое значеніе благодаря удивительному сплетенію обстоятельствъ. Мы здѣсь укажемъ только два важнѣйшихъ момента:

1. Язычество, разбитое повсюду въ Германіи и уничтожавшееся съ громадною насильственностью, отодвинулось на крайній сѣверъ и тамъ склонцентрировалось у норманновъ, сохранивъ постоянную тенденцію борьбы съ христіанствомъ.

2. Другимъ важнымъ моментомъ было то, что норманны въ это время отличались передъ всѣми въ мореплаваніи *) и благодаря этому безъ труда могли обезпокоивать самыя отдаленныя прибрежья. Они направляли свои разбойничьи походы къ Эльбѣ, Шельдѣ, къ устьямъ французскихъ рѣкъ и т. д. При Эльбѣ они въ 880 году были разбиты и съ этого времени уже не могли болѣе утвердиться въ Германіи.

Тѣмъ сильнѣе были ихъ нападенія на Францію и Англію; послѣднюю они уже цѣликомъ захватили въ свои

*) Они же раньше другихъ уже въ X вѣкѣ открыли Америку и назвали ее Uinland, т. е. страной вина.

руки, но въ это время были побѣждены Альфредомъ и силою обращены въ христіанство. Эта борьба съ норманнами вообще была господствующимъ явленіемъ въ теченіе цѣлаго столѣтія и имѣла величайшее значеніе, такъ какъ норманны были слишкомъ могущественны для того, чтобы ихъ можно было отстранить отъ участія въ великой семьѣ европейскихъ народовъ. Удачная борьба Генриха Птицелова и Оттона I съ норманнами и датчанами была очень важна еще и въ томъ отношеніи, что способствовала признанію извѣстнаго верховенства Германской имперіи надъ ея сосѣдями.

Если мы обратимъ свое вниманіе на Францію, то увидимъ, что тамошніе и безъ того уже безпомощные Каролинги въ сильнѣйшей степени стѣснены были норманнами, настолько, что въ 911 году Карлъ Простой вынужденъ былъ уступить одну провинцію на сѣверномъ прибрежьѣ Франціи (Нормандію) норманнскому герцогу Роллону. Въ этой борьбѣ особенно усилился домъ нѣкоего графа Роберта, который отличился въ ней болѣе всѣхъ и сталъ родоначальникомъ Капетинговъ. Его преемникъ Эдъ уже въ IX вѣкѣ сдѣлался королемъ; но его домъ не могъ еще утвердиться, и вотъ между Каролингами и этимъ недавно возвысившимся родомъ возникли отношенія, подобныя тѣмъ, какія существуютъ теперь между потомками Наполеона и Бурбонами.

Германскій императоръ, Оттонъ I, въ то время пользовался во Франціи громаднымъ авторитетомъ, и Германская имперія безспорно была тогда могущественнѣйшею въ мірѣ; ея вліяніе простиралось помимо Италіи также на Данію, Польшу, Богемію и Венгрію. Но Германская имперія была велика нетолько экстенсивно, но и интенсивно, потому что она вмѣщала въ себѣ культуру въ разнообразныхъ ея элементахъ и постоянно развивала ее.

Если теперь спросить, какъ произошло то, что Германская имперія не могла удержаться на такой высотѣ, то въ этомъ виновны главнымъ образомъ слѣдующія обстоятельства: 1, то, что Оттонъ II, въ 983 году во

цвѣтѣ лѣтъ внезапно похищенъ былъ смертью и оставилъ сына, находившагося еще въ дѣтскомъ возрастѣ; 2. то, что въ другихъ государствахъ мало-по-малу консолидировались огромныя силы, которыя становились въ извѣстное противорѣчіе съ Германіей, именно Капетинги во Франціи, благодаря Гуго Капету, и господство норманновъ, основанное Вильгельмомъ Завоевателемъ, въ Англіи; 3. то, что германскіе императоры вступили въ борьбу съ папами.

Одиннадцатая лекція.

(6 октября 1854 г.).

До сихъ поръ мы разсмотрѣли три различныхъ ступени міроваго развитія: 1. римскую, съ I по IV вѣкъ, 2. эпоху переселенія народовъ и вторженія германцевъ; а также торжества Ислама надъ Римской имперіей, отъ IV до VIII вѣка; 3. Каролингскую и Германскую имперію.

Германская имперія, какъ мы видѣли, была нѣсколько одностороннимъ продолженіемъ Каролингской монархіи; но въ главномъ она преслѣдовала тѣ же идеи и имѣла тѣ же цѣли, что и Каролингская. Правда, изнутри при Оттонахъ имперія не была такъ могущественна, какъ при Карлѣ Великомъ, такъ какъ въ эту эпоху національности возвысились до большей самостоятельности; но охранительное и цивилизаторское положеніе было у Германской имперіи одинаковое съ Каролингской эпохой; въ послѣднемъ отношеніи имперія усвоила себѣ нѣкоторые элементы изъ Византійской имперіи, вслѣдствіе брака Оттона II съ одной греческой принцессой.

Точно также и отношеніе къ папѣ оставалось то же самое: единеніе между церковью и государствомъ оставалось въ силѣ; элементъ церковный хоть и считался неустранимымъ, однако папы не властвовали надъ государствомъ, скорѣе сами были ему подвластны.

Въ слѣдующихъ событіяхъ, по крайней мѣрѣ, проявилась извѣстная зависимость папства отъ императорской власти: 1. Оттонъ I смѣстилъ папу и велѣлъ избрать другого; 2. Оттонъ III посадилъ на папскій престолъ своего собственнаго учителя Герберта; 3. императоръ Генрихъ III въ 1046 году сразу смѣстилъ трехъ папъ и на ихъ мѣсто посадилъ нѣмца. Онъ былъ вообще однимъ изъ могущественнѣйшихъ государей и умѣлъ подавить всякую оппозицію. Около 1050 года онъ побѣдилъ венгровъ, которые обратились въ христіанство и ввели у себя германское устройство, и сумѣлъ держать поляковъ и датчанъ въ зависимости отъ имперіи. И Капетинги во Франціи были слишкомъ безсильны, чтобы сдѣлать что-нибудь противъ имперіи, хотя послѣдняя и не имѣла при Салическихъ императорахъ той мощи, какъ при Оттонахъ. Таково было положеніе дѣлъ около средины XI столѣтія; отсюда начинается, однако, новая четвертая эпоха, которую мнѣ хотѣлось бы назвать іерархической эпохой.

---

§ 4.

Іерархическая эпоха.

Отъ XI до XIII столѣтія.

Обыкновенно сильно заблуждаются, разсматривая іерархію папства какъ развитіе духовной идеи. Папство создало себѣ настоящее государство и пришло къ этому господству не путемъ развитія доктрины, которая была развита уже и раньше, а путемъ борьбы и войны. Въ этомъ іерархическомъ явленіи и заключается вся исторія вплоть до реформаціи. Здѣсь я хочу разсмотрѣть 1. эмансипацію папства отъ императорской власти; 2. внѣшнія предпріятія папства, крестовые походы; 3. подчиненіе свѣтской власти духовною.

1. Эмансипація папства отъ императорской властм.

Въ X и XI вѣкахъ достигнуто было то, что Европа почти цѣликомъ сдѣлалась христіанской. Однако она не вся примкнула къ римской церкви; ибо какъ разъ къ этой эпохѣ относится соединеніе Руси (при Владимирѣ) съ Константинополемъ, выразившееся въ томъ, что русскіе съ Востока получили христіанство. Отсюда происходитъ коренное противорѣчіе Россіи и Польши: въ первой проявились своеобразный ходъ и полное значеніе восточно-церковнаго развитія, въ силу котораго государь получилъ перевѣсъ надъ церковью. Во второй, напротивъ, развилось западное міросозерцаніе съ его могущественной аристократіей въ церкви и государствѣ. Правда, импульсъ западныхъ народовъ вслѣдствіе этого отдѣленія русской церкви отъ Запада былъ заторможенъ, однако въ этомъ, по моему, нельзя видѣть вреда, такъ какъ благодаря этому устранена была опасность вытѣсненія могущественнаго германскаго элемента въ церкви славянскимъ.

Итакъ, намъ приходится ограничить свои наблюденія кругомъ народовъ, обращенныхъ и цивилизованныхъ Каролингами и императорскою властью; сюда относятся, помимо испанскихъ государствъ, Франція, Англія, Германія, а частью и сѣверныя государства, также Польша и Венгрія.

Здѣсь около половины XI вѣка возгорѣлся знаменитый крупный разладъ между церковью и государствомъ, между имперіей и папствомъ. Въ этомъ спорѣ не слѣдуетъ видѣть несчастіе, ибо онъ слишкомъ глубоко лежитъ въ природѣ вещей, и на этихъ противуположностяхъ созрѣлъ европейскій духъ. Мы не станемъ обвинять папу за то, что онъ достигъ слишкомъ большого значенія, но настолько же мало заслуживаетъ похвалы тотъ, кто хотѣлъ подчиниться ему.

Важнѣйшимъ вопросомъ теперь является слѣдующій: на чемъ основано было верховное господство папской

власти, которое сторонники папства ошибочно признаютъ нормальнымъ и необходимымъ? Господство это покоится на трехъ моментахъ.

1. Какъ мы видѣли выше, церковь уже въ Каролингскую эпоху если и не вполнѣ добилась своихъ цѣлей на почвѣ ложныхъ декреталій, то всетаки формулировала свои притязанія. 2. Германскіе императоры были очень религіозно настроены и сами желали установленія упорядоченной папской власти, чему они и содѣйствовали своимъ сильнымъ вліяніемъ на римскія партіи *). Итакъ, своимъ религіознымъ настроеніемъ они также содѣйствовали тому, чтобы придать папѣ болѣе высокое значеніе. 3. Римская церковь мало-по-малу присвоила себѣ право окончательнаго рѣшенія въ дѣлахъ, которыя прежде обсуждались соборами. Эти послѣдніе потеряли свое прежнее значеніе, которое перешло теперь къ римской іерархіи. Такъ, нпр., ученіе о пресуществленіи хлѣба и вина было установлено римской іерархіей самолично.

Тогда-то во главѣ духовныхъ дѣлъ очутился Гильдебрандъ подъ именемъ Григорія VII. Онъ, съ врожденной ему энергіей, твердо держался мысли, что онъ съ своимъ латеранскимъ синодомъ не только можетъ давать окончательное рѣшеніе по каждому дѣлу, касающемуся церкви, но и что, собственно говоря, церкви принадлежитъ руководительство міромъ; ибо Господь самъ непосредственно создалъ церковь, и то, что противорѣчитъ ей, противно и Богу. Вслѣдствіе такихъ взглядовъ, которыхъ онъ держался, онъ ухватился и за химерическую мысль возвыситься до положенія верховнаго сюзерена всѣхъ государей и требовалъ, чтобы Венгрія, Испанія, Англія и Шотландія были въ зависимости отъ римской церкви. Нельзя отнять у этого папы нѣкоторыхъ правильныхъ взглядовъ, именно относитель-

*) Генрихъ III, между прочимъ, поставилъ папой Льва IX, который былъ склоненъ къ реформѣ и приступилъ къ дѣйствительному проведенію духовной идеи, нисколько не становясь при этомъ во враждебныя отношенія къ императору.

но церковной реформы, однако онъ слишкомъ склонялся къ крайностямъ, которыя и старался проводить со всею рѣшительностью.

При этомъ, однако, возникаетъ вопросъ, было ли папство въ состоянiи одними собственными силами осуществить эти замыслы. На это мы совершенно рѣшительно можемъ дать отрицательный отвѣтъ: папство должно было искать союзниковъ, и гдѣ же иначе оно могло найти ихъ, какъ не среди противниковъ молодого императора Генриха IV?

Главными спорными пунктами между императорской властью и папой были три слѣдующихъ: 1. Долженъ ли императоръ имѣть рѣшительное влiянiе на избранiе папы? 2. Императору ли назначать епископовъ или нѣтъ, и должны ли вообще епископы зависѣть отъ императора? 3. Долженъ ли папа имѣть право судить императора?

Что касается перваго пункта, то уже во времена Юстинiана существовалъ обычай, въ силу котораго при каждомъ избранiи римскаго папы объ этомъ доводили до свѣдѣнiя императора, послѣ чего этотъ послѣднiй отправлялъ своего посла, и затѣмъ подъ давленiемъ императора избирался римскiй епископъ. Избранiе епископовъ, совершавшееся въ то время при участiи народа и римскаго императора, впослѣдствiи было нераздѣльно захвачено въ свои руки высшей римской iерархiей.

И вотъ уже при Генрихѣ IV дѣло должно было рѣшиться. Въ то время и въ церкви было двѣ партiи. Одни изъ нѣмецкихъ епископовъ были настроены больше въ пользу императорскихъ правъ, другiе стояли за папство; тѣ же отношенiя существовали и въ Италiи. Въ Германiи главнѣйшими поборниками того и другого принципа въ средѣ знатнаго духовенства были: Аннонъ Кельнскiй, стоявшiй на сторонѣ папы, и Адальбертъ Бременскiй, болѣе настроенный въ пользу императорской власти. Партiи, окружавшiя малолѣтняго короля,

частью сами содѣйствовали проведенію въ жизнь теоріи независимости римскаго престола.

Для того чтобы отвлечь отъ императора возможно большее число приверженцевъ, папѣ приходилось обратить свое вниманіе главнымъ образомъ на замѣщеніе епископскихъ мѣстъ. А епископы стали могущественными благодаря императору; они служили при дворѣ и завѣдывали въ значительной степени государственными дѣлами; ибо благоустроеннаго свѣтскаго управленія еще не существовало въ то время. На этотъ-то пунктъ папа и направилъ теперь свое первое нападеніе; онъ обвинилъ Генриха IV въ томъ, что тотъ продажею духовныхъ мѣстъ совершилъ преступленіе симоніи. Безъ сомнѣнія, была правда въ томъ, что при замѣщеніи духовныхъ должностей дѣло обстояло не всегда совсѣмъ чисто, и короли для проведенія своихъ цѣлей иногда брали или платили деньги. Но самъ Генрихъ IV едва ли былъ причастенъ этимъ злоупотребленіямъ. Между тѣмъ папа обвинилъ его въ этомъ преступленіи, объявивъ виновниками всѣхъ императорскихъ совѣтниковъ, потребовавъ отъ императора ихъ удаленія и пригрозивъ, въ случаѣ неисполненія этого требованія, объявить самого императора соучастникомъ этого богоненавистнаго преступленія. Тогда нѣкоторые изъ епископовъ, занявшихъ свои мѣста незаконнымъ путемъ, были удалены, но папѣ этого было мало, и онъ продолжалъ настаивать на удаленіи императорскихъ совѣтниковъ. Но въ этомъ пунктѣ императоръ рѣшилъ не уступать, и вотъ начались тѣ знаменитыя осложненія, истинный ходъ которыхъ и до сихъ поръ еще не изслѣдованъ въ достаточной степени.

Къ упомянутой распрѣ, зашедшей уже очень далеко, присоединились и другія недоразумѣнія: настроенные въ пользу императора кардиналы очень досаждали папѣ и получали въ этомъ поддержку со стороны императорскаго двора. Папа былъ этимъ страшно разгнѣванъ и обратился къ императору съ очень рѣзкимъ посланіемъ, въ которомъ онъ порицалъ дурной образъ жизни импе-

ратора и упрекалъ послѣдняго въ совершеніи цѣлаго ряда преступленій, за которыя онъ заслуживаетъ лишенія престола. Императору показалось неслыханнымъ дѣломъ, чтобы папа могъ своимъ осужденіемъ лишить императора власти; онъ сейчасъ же приступилъ къ энергичному отпору противъ такихъ притязаній и созвалъ въ Вормсѣ (1076) соборъ нѣмецкихъ епископовъ, которые считали себя въ правѣ смѣстить папу за взведенныя на него преступленія. Прежде чѣмъ еще папа осуществилъ свою угрозу свергнуть императора, этотъ соборъ объявилъ папу смѣщеннымъ: такой поступокъ, какъ мы видѣли, не былъ безпримѣрнымъ въ исторіи, въ то время какъ, съ другой стороны, смѣщеніе императора папой во всякомъ случаѣ до сихъ поръ было неслыхано. Послы, отправленные императоромъ Генрихомъ IV съ постановленіемъ собора епископовъ, объявили папѣ его смѣщеніе какъ разъ въ тотъ моментъ, когда папа засѣдалъ во главѣ латеранскаго собора. Григорій VII и его соборъ немедленно отлучили императора и объявили ex parte omnipotentis Dei et Sancti Petri (именемъ всемогущаго Бога и св. Петра), что онъ не можетъ болѣе оставаться императоромъ.

Между тѣмъ въ Германіи наступили обстоятельства, которыя дѣлали для Генриха почти невозможнымъ проведеніе его рѣшеній. Дѣло въ томъ, что у императора вышло столкновеніе съ саксонцами и ихъ князьями, причемъ, повидимому, обѣ стороны въ одинаковой степени были правы и виноваты. Саксонцы взбунтовались, и императоръ вынужденъ былъ обратиться въ бѣгство. Правда, позднѣе ему удалось снова подчинить себѣ эту страну и благодаря тому онъ на нѣкоторое время получилъ средства для сопротивленія папѣ; однако многимъ изъ нѣмецкихъ князей, между прочимъ Рудольфу Швабскому, Вельфу и другимъ такое чрезмѣрное усиленіе германскаго императора казалось весьма опаснымъ. Поэтому они отпустили домой взятыхъ въ плѣнъ саксонскихъ вельможъ,—вслѣдствіе чего Саксонія вновь пришла въ сильное броженіе,—а сами соединились съ

папой. На съѣздъ, созванный Генрихомъ въ Майнцѣ, важнѣйшіе нѣмецкіе князья не явились, и съѣздъ не состоялся. Созванный послѣ этого въ Трибурѣ имперскій сеймъ раскололся на два лагеря, императорскій и папскій, которые отправляли свои собранія врозь (одни происходили въ Трибурѣ, другія въ Оппенгеймѣ, лежащемъ противъ Трибура) и представляли такимъ образомъ не единство, а раздвоеніе государства. Главный вопросъ былъ въ томъ, имѣетъ ли папа право отлучать императора, и, такъ какъ германскіе князья не хотѣли признавать этого права, то папа написалъ массу посланій, въ которыхъ опирался на фальшивыя декреталіи, и отправилъ въ Трибуръ собственныхъ легатовъ, которые и имѣли продолжительныя совѣщанія съ благомыслящими нѣмецкими епископами. Въ результатѣ этихъ совѣщаній нѣмецкіе епископы и князья, нисколько не сомнѣваясь въ подлинности декреталій, признали, что папа имѣетъ право отлучить императора, особенно если императоръ осмѣлится оказать сопротивленіе папѣ*).

Это была величайшая побѣда, какую когда-либо одерживало папство. Но вотъ въ Германіи существовало право, въ силу котораго лицо, въ теченіе года и одного дня не избавившееся отъ отлученія, теряетъ и свое свѣтское мѣсто. Поэтому князья потребовали отъ императора, чтобы онъ въ указанный срокъ добился папскаго отпущенія; въ противномъ случаѣ они будутъ вынуждены отказать ему въ повиновеніи. Тогда императоръ обѣщалъ подчиниться папѣ, отправился среди зимы черезъ Альпы, и въ Каноссѣ встрѣтился съ папой, который какъ разъ собирался по приглашенію нѣсколькихъ нѣмецкихъ вельможъ отправиться въ Германію и тамъ содѣйствовать смѣщенію императора. Здѣсь, въ Каноссѣ, Генрихъ IV принесъ требуемое покаяніе, хотя и былъ очень далекъ отъ какого бы то ни было сокру-

*) Дѣло въ томъ, что опираясь на фальшивыя декреталіи, высказывающія это мнѣніе, право отлученія императора папой разсматриваютъ какъ исконное и неоспоримое право папства.

шенія, и папа снялъ съ него отлученіе не къ особенной радости нѣмцевъ.

Этимъ нисколько не разрѣшался однако дальнѣйшій вопросъ о томъ, не совершилъ-ли императоръ преступленій, за которыя онъ заслуживалъ удаленія съ престола, а также другой вопросъ, насколько были фактически обоснованы преступленія, поставленныя въ вину папѣ. Тутъ-то и случилась знаменитая сцена, когда папа освятилъ жертвенный хлѣбъ, раздѣлилъ его на двѣ части и принялъ одну со словами: „если я дѣйствительно совершилъ поставленныя мнѣ въ вину преступленія, то пусть этотъ хлѣбъ уничтожитъ меня съ лица земли; если ты считаешь себя настолько же неповиннымъ въ преступленіяхъ, въ которыхъ тебя обвиняютъ, то прими другую половину". Императоръ отказался послѣдовать примѣру папы, и тогда послѣдній сказалъ нѣмецкимъ князьямъ: „хотя я и снялъ отлученіе съ вашего императора, однако я возвращаю его вамъ еще болѣе виновнымъ, чѣмъ прежде" (culpabilior vobis reddo).

Послѣ того какъ это случилось, императоръ удалился изъ Каноссы, не примирившись съ папой, и вотъ около него собрались всѣ итальянцы. Нѣмецкіе же князья, боясь его гнѣва, отрѣшили его отъ престола.

Такимъ образомъ Григорій достигъ того, чего добивался: 1) папа фактически эмансипировался отъ императора; 2) императоръ не могъ назначать и смѣщать епископовъ по личному усмотрѣнію; 3) папа настоялъ на своемъ правѣ отлучать императора.

Дѣло дошло до войны, во время которой императоръ отправился въ Римъ и прогналъ папу (1084). Григорій бѣжалъ тогда къ норманнамъ и вскорѣ послѣ этого умеръ со словами: morior in exilio, quia justitiam dilexi (умираю въ изгнаніи за то, что любилъ справедливость).

Только преемникъ его Урбанъ II вполнѣ осуществилъ папскія притязанія. Приверженцы Рима въ Германіи, которые были здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Италіи, выставили двухъ соперниковъ Генриху: сначала Рудольфа Рейнфельденскаго, а послѣ его убійства Германа

Люксембургскаго, который и достигъ нѣкотораго вліянія въ сѣверной Германіи. Послѣ того какъ на соборѣ въ Кведлинбургѣ іерархическія притязанія нашли себѣ полное подтвержденіе, папѣ удалось даже привлечь на свою сторону сына Генриха IV, будущаго императора Генриха V. Для того, чтобы значеніе всей династіи не разрушилось окончательно, послѣдній сталъ въ концѣ концовъ во главѣ оппозиціи противъ своего отца, котораго и вынудилъ отказаться отъ престола въ пользу его, Генриха V.

Благодаря этому измѣнилось все положеніе дѣлъ: хотя имперія и не была подавлена, однако она уже не стояла на той безусловной высотѣ, какую занимала она при Оттонахъ и тѣмъ болѣе при Карлѣ Великомъ. Теперь папа игралъ первенствующую роль, императору оставалась второстепенная.

Двѣнадцатая лекція.

(7-го октября 1854 г.)

Главный вопросъ—о томъ, кто въ будущемъ будетъ давать инвеституру епископамъ, все еще оставался нерѣшенымъ. Исходя изъ стремленія освободить отъ вліянія императоровъ не только себя, но и всю іерархію, папы выставили тотъ принципъ, что ни одно духовное лицо не можетъ получить лена отъ свѣтскаго государя.

Съ этимъ стояла въ связи и идея безбрачія, которое уже до этого времени введено было для высшихъ духовныхъ степеней, но только теперь распространено было и на низшія. Запрещая браки въ средѣ духовенства, папы имѣли на своей сторонѣ сочувствіе народа, который, по крайней мѣрѣ въ большей половинѣ Европы, считалъ неженатыхъ священниковъ святыми. Напротивъ того, въ Германіи долгое время никакъ не хотѣли примириться съ целибатомъ. Но папы настойчиво провели его и такимъ образомъ достигли желаннаго успѣха въ

своемъ стремленіи оторвать духовенство отъ всякой связи съ остальнымъ міромъ и сдѣлать изъ него послушное орудіе для исполненія своихъ замысловъ.

Что касается инвеституры, то бо̀льшая часть княжескихъ владѣній перешла къ духовенству, а императоры утверждали, что всякій, владѣющій свѣтскими имѣніями, долженъ получать эти имѣнія въ ленъ отъ императора. Проводя же противуположный принципъ, въ силу котораго духовныя лица оставались владѣтелями своего имущества, не становясь въ ленную зависимость отъ императора, папы значительно ослабляли княжескую власть, такъ какъ она теряла при этомъ одно изъ главнѣйшихъ своихъ правъ. Правда, можно было притти къ мысли о томъ, что духовенство вовсе не должно владѣть свѣтскимъ имуществомъ; къ этой именно мысли и пришелъ папа Пасхалисъ, вполнѣ сойдясь въ этомъ вопросѣ съ Генрихомъ V. Но папа вызвалъ этимъ такой протестъ со стороны духовенства, что вынужденъ былъ отказаться отъ этой мысли и поклясться императору въ томъ, что не отлучитъ его. Слѣдующій папа, Каликстъ, всетаки отлучилъ императора, послѣ чего возникли дальнѣйшія пререканія между обѣими сторонами, пока въ дѣло не вступились нѣмецкіе князья.

Въ 1122 году въ Вормсѣ заключенъ былъ между свѣтской и духовной властью первый крупный конкордатъ, важный въ особенности тѣмъ, что императорская власть обнаружила въ немъ свое чрезвычайное ослабленіе; она не была уже болѣе въ силахъ одна провести дѣло; всѣ князья должны были собраться и выступить въ качествѣ представителей императорской власти. Конкордатъ сохранилъ систему полученія духовенствомъ лена отъ свѣтской власти, съ той только разницей, что въ Италіи посвященіе въ санъ предшествовало полученію лена, а въ Германіи ленъ давался раньше посвященія.

Такъ императорская власть и папство до нѣкоторой степени договорились между собой; но это была уже

не прежняя императорская власть, она много утратила изъ прежняго своего значенія. Это всего ярче обнаружилось въ крестовыхъ походахъ, къ которымъ мы теперь и должны обратиться.

---

2. Крестовые походы.

Уже первый крестовый походъ непосредственно содѣйствовалъ разрѣшенію великой борьбы между Генрихомъ IV и Урбаномъ II, такъ какъ войска, собранныя для военнаго похода къ святымъ мѣстамъ, пущены были въ ходъ, чтобы прогнать изъ Италіи сторонниковъ императора. Но это еще не важнѣйшая сторона дѣла; крестовые походы имѣютъ еще и совершенно другое значеніе. Они затрогиваютъ всѣ общеміровыя отношенія и въ то же время обнаруживаютъ, что вождемъ христіанства на Западѣ является уже не императоръ, а папа.

Если мы представимъ себѣ въ воображеніи тѣ времена, когда Исламъ выступилъ завоевательной силой и захватилъ значительную часть владѣній, относившихся къ Римской имперіи, то невольно явится мысль, что разъ на Западѣ образовалась сильная власть, она должна была бы всю силу, въ ней заключавшуюся употребить на борьбу съ Исламомъ и отвоеваніе захваченныхъ имъ провинцій. Одинъ разъ эта мысль и возникла: Оттонъ III и папа Гербертъ составили планъ отправиться прежде всего въ Африку и отвоевать провинціи, когда-то принадлежавшія Западной Римской имперіи, а оттуда уже завоевать и Сирію. Однако эта мысль не могла быть осуществлена при тогдашихъ обстоятельствахъ.

Что характерно въ крестовыхъ походахъ? Они—крупныя совмѣстныя предпріятія всего Запада противъ Востока. Затѣянное свѣтскимъ главой, такое совмѣстное предпріятіе потребовало бы методическихъ военныхъ дѣйствій, о чемъ въ крестовыхъ походахъ почти не было и рѣчи; они исходили изъ чисто духовной точки зрѣнія,

именно изъ стремленія вернуть святой Гробъ Господень, посѣщеніе котораго паломниками встрѣчало всевозможныя затрудненія со стороны сарацинъ.

Память о томъ, что магометанское государство возникло на развалинахъ римскихъ провинцій, совершенно утратилась. Только притѣсненія паломниковъ мусульманами отзывались на Западѣ, и ожесточеніе противъ этого раздуто было въ яркое пламя благодаря огненному краснорѣчію фантазера-отшельника, Петра изъ Аміена. Его призывъ нашелъ себѣ откликъ въ государствѣ Капетинговъ, гдѣ подъ постояннымъ вліяніемъ живой фантазіи, питаемой поэзіей, жило блестящее рыцарство.

Во главѣ этого движенія сталъ папа; на соборахъ въ Пьяченцѣ и Клермонтѣ онъ призывалъ къ походу противъ невѣрныхъ и, при кликахъ „Deus lo volt", всѣ приняли крестъ. Папа вообще очень охотно присоединялся къ голосу народа, что̀ онъ доказалъ въ вопросѣ о безбрачіи духовенства: такъ поступилъ онъ и теперь. Здѣсь дѣйствовали совмѣстно религіозные, народные и іерархическіе мотивы, и, навѣрное, никогда въ мірѣ не отваживались на предпріятіе болѣе чудесное, чѣмъ первый крестовый походъ. Крестоносцы хотѣли завоевать заморскую страну, не имѣя вовсе морской силы. Поэтому имъ оставалось итти сухимъ путемъ черезъ Константинополь. Тутъ они встрѣтили прежде всего чуждый имъ элементъ въ династіи Комненовъ, которые, разумѣется, боялись этого могущественнаго сборища склонныхъ къ приключеніямъ и честолюбивыхъ паломниковъ. Поэтому безпрепятственный пропускъ былъ имъ разрѣшенъ лишь полѣ торжественнаго съ ихъ стороны обѣщанія, что они передадутъ грекамъ отнятыя у сарацинъ провинціи. И вотъ крестоносцы набросились на сарацинскія владѣнія, послѣ невѣроятныхъ усилій *) захватили въ 1099 году Іерусалимъ и противъ всякаго ожиданія

*) Когда въ Антіохіи мужество крестоносцевъ совершенно пало, ихъ способно было воодушевить на новые подвиги одно только обстоятельство, что найденъ былъ конецъ копья, которымъ пробожденъ былъ бокъ Спасителя.

основали тамъ королевство. Религіозный импульсъ сказался при этомъ въ совмѣщеніи такихъ чертъ, которыя, повидимому, исключаютъ другъ друга: сарацинскіе обитатели завоеваннаго священнаго города избивалась цѣлыми толпами, и по святымъ мѣстамъ потоками лилась кровь; съ другой стороны, когда Готтфриду Бульонскому предложили іерусалимскую корону, онъ отказался отъ нея со словами: „тамъ, гдѣ нашъ Спаситель носилъ терновый вѣнецъ, я не хочу носить корону!“ Удивительная смѣсь фанатизма и самоотверженія. Только утвердившись въ Іерусалимѣ, крестоносцы завоевали морское прибрежье, гдѣ и былъ устроенъ цѣлый рядъ христіанскихъ княжествъ.

Теперь является вопросъ: какъ могли существовать эти новыя государства, оторванныя отъ родной почвы? Это становилось возможнымъ благодаря двумъ обстоятельствамъ: во-1-хъ, тому, что подъ вліяніемъ того же самаго толчка развивалось и морское могущество романскихъ городовъ (Венеціи, Генуи, Барцелоны и др.), которые содѣйствовали непрерывному сообщенію съ Востокомъ; во-2-хъ, выступили рыцарскіе ордена, въ которыхъ выработалась своеобразнѣйшая форма европейскаго дворянскаго строя. Именно на Востокѣ образовались рыцарскіе союзы, которые первоначально не имѣли другой цѣли кромѣ ухода за пилигриммами и охраненія пути христіанскихъ богомольцевъ отъ разбойниковъ — сарацинъ. Эти рыцарскіе союзы (іоанниты и тампліеры) мало-по-малу распространились и по Европѣ, получали многочисленныя приношенія, и скоро къ нимъ въ большомъ числѣ стала стекаться европейская знать, увидѣвшая въ этомъ присоединеніи къ орденамъ особый почетъ.

Такъ городское устройство при самомъ своемъ возникновеніи, а также и вся европейская знать приняли іерархическій видъ, и папа, стоявшій во главѣ крестовыхъ походовъ, вступилъ, благодаря этому, въ союзъ во 1-хъ, съ крупными вассалами, во-2-хъ, со всею знатью, въ-3-хъ, съ городами, въ-4-хъ, со всѣмъ населеніемъ, которое почти ни о чемъ больше не думало, кромѣ кре-

стовыхъ походовъ. Можно сказать, что крестовые походы прежде всего содѣйствовали необычайному росту папскаго могущества.

Однако, положенiе, занятое крестоносцами, оказалось съ самаго начала чрезвычайно непрочнымъ. Они утвердились какъ разъ въ центрѣ сарацинскаго мiра, невдалекѣ отъ Багдада, гдѣ находился халифатъ, и невдалекѣ отъ Египта, гдѣ также было средоточiе магометанской культуры, такъ что крестоносцы очутились приблизительно въ томъ же положенiи, какъ нѣкогда евреи между египтянами и ассирiянами. Если спросить себя, какъ крестоносцамъ вообще удалось стать твердой ногой на Востокѣ, несмотря на такiя неблагопрiятныя обстоятельства, то причина прежде всего въ томъ, что аббасидскiй халифатъ имѣлъ не только противниковъ въ лицѣ испанскихъ омайядовъ, но возникъ еще третiй халифатъ—фатимидовъ, въ Африкѣ, который исходилъ отъ мистической секты, утверждавшей свою связь съ Фатимой, дочерью Магомета. Халифаты фатимидовъ и аббасидовъ находились въ непрерывной войнѣ другъ съ другомъ, и это было политической причиной того, что крестоносцамъ удалось основать до нѣкоторой степени устойчивое государство.

Халифатъ аббасидовъ подвергся наплыву различныхъ народовъ, именно тюркскихъ племенъ. Среди послѣднихъ наибольшее значенiе имѣли сельджуки, въ рукахъ которыхъ и находилась настоящая исполнительная военная власть, послѣ того какъ халифы багдадскiе снизошли на положенiе чисто духовныхъ государей. Если бы крестоносцы сейчасъ же пробрались съ одной стороны въ Египетъ или съ другой — въ Багдадъ, чтобы во-время свергнуть тотъ или другой халифатъ, это бы имъ, вѣроятно, удалось; но этого они не сообразили. Существуютъ извѣстныя историческiя комбинацiи, которыя не по плечу никакой силѣ на землѣ, даже самой умной; становясь на высоту того времени, можно сказать, что разъ оба халифата соединились, крестоносцамъ пришелъ конецъ.

Это вскорѣ и случилось. Сельджукскіе эмиры все больше развивали свое могущество и, наконецъ, Саладинъ покончилъ съ Каирскимъ халифатомъ. При такихъ обстоятельствахъ ни второй, ни третій крестовый походъ (1189) не привели ни къ какому результату; ибо вся Азія соединилась противъ крестоносцевъ. При такихъ условіяхъ Палестина снова была потеряна,—обстоятельство, котораго никакъ не могли забыть на Западѣ. Побужденіе къ предпріятіямъ этого рода продолжало существовать, и вотъ состоялся новый крестовый походъ, который, однако, благодаря нѣкоторымъ случайностямъ (главнымъ образомъ благодаря венеціанцамъ) направился на Константинополь и привелъ къ образованію Латинской имперіи у Босфора. Фридрихъ II Гогенштауфенъ также сдѣлалъ попытку отнять Палестину у сарацинъ, но ничего не добился, кромѣ договора, по которому паломничество въ Іерусалимѣ было поставлено въ болѣе легкія условія. Въ заключеніе Людовикъ Святой французскій предпринялъ походъ на Востокъ и при томъ путемъ, который я считаю наиболѣе правильнымъ, именно черезъ Египетъ, гдѣ, однако, былъ захваченъ въ плѣнъ; впослѣдствіи онъ совершилъ другой походъ, противъ Туниса, во время котораго и погибъ.

Хотя, такимъ образомъ, крестовые походы и не достигли своей прямой цѣли въ силу неметодическаго хода, какой они принимали, тѣмъ не менѣе они имѣли рядъ косвенныхъ послѣдствій величайшаго значенія. Они придали всему Западу непрерывное сознаніе сильнаго единства; они вызвали безостановочное движеніе на Востокъ, способствовали развитію городовъ, рыцарства, усилили сообщеніе съ Востокомъ, и затѣмъ, главнымъ образомъ, дали необычайный перевѣсъ церковному главѣ.

Папамъ, пожалуй, было даже выгоднѣе, что предріятіе противъ Іерусалима не удалось; благодаря этому они имѣли въ рукахъ постоянный поводъ снова и снова приводить Европу въ движеніе для своихъ цѣлей.

Тринадцатая лекція.

(8 октября 1854 г.).

3. Торжество папства надъ свѣтскою властью.

Однимъ изъ главнѣйшихъ представленій, составившихся у меня и вполнѣ истинныхъ, на мой взглядъ, я считаю мысль о томъ, что совокупность христіанскихъ народовъ Европы должно разсматривать какъ нѣчто цѣлое, какъ единое государство; иначе никакъ нельзя правильно понять громаднаго различія, существующаго между западнымъ и восточнымъ міромъ, и великаго сходства—между германскими и романскими народами. Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы разсматривали крестовые походы какъ внѣшнія предпріятія христіанскаго міра, а теперь переходимъ къ внутреннимъ событіемъ въ жизни этой совокупности народовъ; этими внутренними событіями мы считаемъ: отношеніе отдѣльныхъ князей другъ къ другу и къ папѣ.

Какъ мы уже видѣли, между императорской властью и папствомъ заключенъ былъ конкордатъ, и дѣло коекакъ удалось уладить. Въ это время у императорской власти появились весьма достойные представители въ лицѣ Гогенштауфеновъ, находившихся по женской линіи въ родствѣ съ Саліями и являвшихся, въ этомъ смыслѣ, до извѣстной степени преемственными носителями прежней императорской власти. Но съ другой стороны, Штауфены тѣмъ отличались отъ Саліевъ и Оттоновъ, что они съ самаго начала возвысились уже не въ полномъ обладаніи властью, а связанные стремленіями нѣмецкихъ князей къ самостоятельности. Мы, вѣдь, видѣли раньше, какъ борьба императора съ папой не могла быть рѣшена безъ привлеченія къ дѣлу князей. Среди нихъ самымъ могущественнымъ являлся родъ Вельфовъ, въ нижней Германіи, происходившій отъ саксонскаго императора Лотаря, который выдалъ свою дочь за вель-

фа Генриха Гордаго баварскаго. Безъ помощи могущественныхъ вельможъ Фридриху I-му никогда не удалось бы достигнуть императорской короны и утвердить ее за собой; и съ этихъ-то поръ для императоровъ стало вообще невозможнымъ удержаться на тронѣ иначе, какъ путемъ личнаго соглашенія съ князьями. Фридрихъ I вошелъ въ такое соглашеніе съ Генрихомъ Львомъ, и, такъ какъ этотъ могущественнѣйшій князь былъ на его сторонѣ, то и другіе не могли ничего предпринять противъ него; однако отсюда видно, что безусловному авторитету императора пришелъ конецъ.

И вотъ, когда Фридрихъ I сдѣлался императоромъ и пытался возродить идею Германской имперіи, онъ вступилъ въ борьбу съ папой изъ-за нѣкоторыхъ почетныхъ правъ. Папа Адріанъ въ одномъ письмѣ къ императору примѣнилъ къ Германской имперіи выраженіе „beneficium“, чего ни императоръ, ни князья вовсе не намѣрены были допустить. Но главнѣйшая борьба, которою наполнена вся исторія Гогенштауфеновъ, шла изъ-за господства въ Италіи. Дѣло въ томъ, что главныя владѣнія Гогенштауфеновъ лежали въ южной Германіи, и они стремились путемъ соединенія своихъ южногерманскихъ владѣній съ сѣверной Италіей увеличить свое вліяніе въ Италіи вообще. Но при этомъ Гогенштауфены имѣли несчастіе притти въ столкновеніе съ городами въ сѣверной Италіи. Въ этихъ городахъ уже раньше проснулось чувство независимости, происхожденіе котораго можно, пожалуй, объяснить элементами ихъ прежняго устройства. Эти города еще Оттонами были подчинены епископской власти; а когда началась великая борьба между императорами и папами, эти города стремились освободиться и отъ своихъ епископовъ, и отъ императора.

Фридрихъ I, уже отъ природы склонный силой подчинять другихъ своей власти, былъ еще болѣе поддержанъ въ своемъ недовольствѣ противъ этихъ городовъ римскими юристами, которые стремились пробудить въ немъ идеи о древнеримской неограниченной власти (imperium).

Такъ какъ города пытались назначить себѣ собственное правительство и отказывали въ обычныхъ при римскихъ походахъ повинностяхъ, то между ними и Фридрихомъ дѣло дошло до открытой борьбы, въ которой города были побѣждены, а права императора возстановлены съ новою силою. Тогда императоръ захотѣлъ распространить свои права и на среднюю Италію, гдѣ пользовался вліяніемъ папа, а оттуда и на Римъ, и вотъ тутъ-то онъ столкнулся съ папой. Между тѣмъ въ Римѣ произошло спорное избраніе папы, причемъ другъ другу противустояли два кандидата: одинъ—приверженецъ императора, а другой съ болѣе іерархическими симпатіями. Императоръ счелъ себя въ правѣ созвать соборъ и провести на немъ своего кандидата. Этому воспротивился Александръ III, послѣ чего императоръ отправился въ Римъ, прогналъ папу и настоялъ на всемъ томъ, чего добивался. Но въ это время города заключили между собой оборонительный и наступательный союзъ противъ императора и соединились съ папой. Фридрихъ черезъ Альпы вернулся съ своимъ ослабленнымъ войною и болѣзнями войскомъ въ Германію и тамъ снова сталъ снаряжаться къ борьбѣ противъ папства и городовъ; послѣдніе своимъ могуществомъ увеличили силу сопротивленія папства, хотя и не въ достаточной степени *).

Если бы императоръ въ возникшей теперь борьбѣ получилъ изъ Германіи должную подмогу, то онъ, вѣроятно, одержалъ бы верхъ. Однако, въ это время и тамъ вспыхнула борьба между Фридрихомъ и его могущественнѣйшимъ вассаломъ — Генрихомъ Львомъ. Какъ только объ этомъ провѣдали итальянскіе города, они съ удвоеннымъ ожесточеніемъ набросились на императора и разбили его на голову при Леньяно въ 1176 году. Вслѣдствіе этой битвы Фридрихъ долженъ былъ подчиниться папѣ, торжественно заявить о томъ, что въ теченіе 25 лѣтъ своего правленія заблуждался, и просить

*) Въ честь папы Александра III они основали Александрію

у папы прощенія. Я вообще не могу видѣть во Фридрихѣ I-мъ крупнаго политика; онъ, вѣроятно, достигъ бы своей важнѣйшей цѣли—утвержденія независимости императорской власти отъ папства, — если бы цѣной нѣкоторыхъ уступокъ сумѣлъ поладить съ Генрихомъ Львомъ и привлечь на свою сторону итальянскіе города.

Фридрихъ I послѣ этого совершенно бросилъ свою борьбу съ папой и обратилъ все свое вниманіе на Германію; но всетаки его главною мыслью всегда было стремленіе фактически поддержать могущество императорской власти. Съ этой цѣлью онъ заключилъ въ Констанцѣ соглашеніе съ итальянскими городами, въ которомъ права императора и городовъ были приблизительно сравнены, — чтобы быть въ состояніи со всей силой обрушиться на своего ненавистнаго противника Генриха Льва. Въ этой борьбѣ противъ могущественнаго герцога, одновременно владѣвшаго Саксоніей и Баваріей, Фридрихъ получилъ поддержку и отъ остальныхъ нѣмецкихъ князей, которые предпочитали быть подъ властью императора, чѣмъ терпѣть рядомъ съ собой могущественнаго товарища. Имъ удалось совершенно отнять у Генриха Льва Баварію, да и въ нижней Германіи сильно ограничить предѣлы его владѣній. Наконецъ, онъ даже подвергся имперской опалѣ и долженъ былъ совершенно удалиться изъ Германіи. Черезъ это Фридрихъ снова достигъ высокаго вліянія. Но онъ возымѣлъ и другое намѣреніе,—именно захотѣлъ связать Гогенштауфенскій домъ съ норманскимъ княжескимъ родомъ и присвоить себѣ право на наслѣдство Неаполя и Сициліи. Уже Карлъ В. былъ въ Неаполѣ, а Оттоны имѣли возможность совершенно овладѣть имъ. Впослѣдствіи норманны захватили страну; они сначала примкнули къ императору, а потомъ къ папѣ, что оказалось не безъ вліянія на ходъ событій; ибо они достигли значительнаго могущества, вслѣдствіе котораго являлись тяжелымъ бременемъ и греческому императору, принимали живое участіе въ крестовыхъ похо-

дахъ и даже переправились въ Африку. Но династія норманскихъ королей по мужской линіи вымерла, и послѣдній король Неаполя и Сициліи оставилъ послѣ себя только дочь, по имени Констанцію. Ее-то Фридрихъ и обручилъ со своимъ сыномъ, впослѣдствіи императоромъ Генрихомъ VI-мъ. Такимъ образомъ, хотя Фридриху и не удалось сокрушить папу, тѣмъ не мѣнѣе онъ поднялъ значеніе императорской власти и своего рода тѣмъ, что, признавъ авторитетъ папы, устранилъ главнѣйшаго своего противника въ Германіи и присоединилъ къ своему дому Неаполь. Онъ являлся такимъ же достойнымъ представителемъ императорской власти въ XII в., какимъ былъ Генрихъ III въ XI-мъ.

Сынъ его Генрихъ VI, не будучи такимъ идеальнымъ человѣкомъ, какъ отецъ, но обладая въ высокой степени умомъ и талантами, поставилъ себѣ цѣлью дать дальнѣйшее развитіе унаслѣдованному отъ отца могуществу. Путемъ упорной борьбы онъ овладѣлъ Сициліей, пріобрѣлъ господство надъ верхнеитальянскими городами и поставилъ своего сенешаля въ Анконской маркѣ. Въ Римѣ у него были свои чиновники, и сенатъ присягалъ ему въ повиновеніи. Онъ даже возымѣлъ намѣреніе пойти въ Константинополь и присоединить его къ имперіи. Другою излюбленною его мыслью было сдѣлать Германскую имперію наслѣдственною, но это ему не удалось. Съ этой цѣлью онъ добивался провозглашенія сына своимъ преемникомъ, за что онъ, съ своей стороны, давалъ обѣщаніе, навсегда присоединить къ имперіи принадлежавшія его дому владѣнія— Сицилію и Неаполь, а германскимъ князьямъ предоставить извѣстную свободу дѣйствій въ ихъ владѣніяхъ. Если бы ему удалось исполнить это намѣреніе, германскіе князья опустились бы на ступень ниже въ своемъ могуществѣ; ибо независимость отдѣльныхъ князей Германіи находится въ обратномъ отношеніи съ могуществомъ Германіи въ ея цѣломъ. Но какъ будто такова была ужъ судьба, что Германская имперія никогда не могла осуществить свое развитіе. И Генрихъ VI умеръ

посреди этихъ своихъ стремленій, оставивъ сына, еще малолѣтняго, а мѣсто слабаго папы Целестина занялъ Иннокентій III, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ папъ.—Въ Германіи снова поднялись обѣ партіи—Вельфы и Штауфены. Генрихъ Левъ возвратился по смерти Фридриха І-го въ Германію и снова сталъ во главѣ своихъ приверженцевъ. Дѣло дошло до спора при избраніи императора; два претендента стояли другъ противъ друга: Оттонъ, сынъ Генриха Льва, и Филиппъ Гогенштауфенъ.

Папа сейчасъ же удалилъ императорскаго чиновника изъ Рима и снова возстановилъ во всемъ объемѣ папскую власть, утвердивъ свое могущество также и въ Тосканѣ, и упрочилъ свое преобладаніе въ Верхней Италіи. Что касается обоихъ претендентовъ, то онъ пригласилъ ихъ явиться въ Римъ къ суду его престола, чтобы подчиниться здѣсь его рѣшенію. Папа сначала былъ за Оттона, потомъ за Филиппа; когда же вслѣдствіе убійства Филиппа императорскій тронъ освободился, папа снова заявилъ себя сторонникомъ Оттона. Между тѣмъ Оттонъ обручился съ одной дамой изъ дома Гогенштауфеновъ и вовсе не помышлялъ отказаться отъ малѣйшаго изъ притязаній императорской власти. Мало того, онъ даже позволилъ себѣ нѣкоторыя превышенія власти въ Италіи, чѣмъ привелъ папу въ сильнѣйшій гнѣвъ: „poenitet nos fecisse hominem“.—Оттонъ не обладалъ, правда, всей полнотой гогенштауфеновскаго могущества, но въ Италіи за него стояла значительная партія и, что ему придавало еще большее значеніе при его возращеніи въ Германію,— это его отношеніе къ Англіи, на которой мы и должны теперь остановить свое вниманіе.

Въ Англіи въ 1066 году не безъ содѣйствія папы занялъ тронъ Вильгельмъ Завоеватель. Англосаксы были, правда, ревностными папистами, однако успѣла образоваться англосаксонская церковь, которая вступила въ пререканія съ тогдашнимъ папой Александромъ II-мъ. Онъ предложилъ лично Вильгельму отправиться въ Ан-

глію, послѣ чего этотъ послѣдній устроилъ тамъ римскую іерархію и тѣсно примкнулъ къ папѣ. Но такія отношенія не были продолжительны; и норманскіе князья пришли въ столкновеніе съ римской церковью и заключили съ ней конкордатъ. Англо-норманское могущество достигло высокаго значенія благодаря тому, что родъ норманскихъ герцоговъ вымеръ, и на престолъ вступилъ Генрихъ Анжуйскій, прозванный Плантагенетомъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся королей, когда-либо существовавшихъ. Одно внѣшнее обстоятельство также содѣйствовало возрастанію могущества этого короля. Одинъ изъ могущественнѣйшихъ князей Франціи, герцогъ Аквитаніи (Гіени) оставилъ наслѣдницей своей Элеонору, обручившуюся съ Людовикомъ VII французскимъ, который, однако, впослѣдствіи развелся съ нею; послѣ этого она вступила во вторичный бракъ съ Генрихомъ Плантагенетомъ, которому и принесла въ приданое свои богатыя владѣнія. Вслѣдствіе этого непосредственныя владѣнія французскихъ королей сведены были къ очень незначительной части Франціи, именно къ пяти теперешнимъ департаментамъ. Кромѣ того Генрихъ II англійскій присоединилъ къ своему государству Ирландію и, наконецъ, особенно онъ прославился устроеніемъ англійскаго суда на основаніяхъ, существующихъ еще понынѣ. Изъ-за этого онъ вступилъ въ пререканія съ церковной юрисдикціей. Убійствомъ своего бывшаго канцлера Ѳомы Бекета, который отлучилъ его отъ церкви во время этой борьбы, Генрихъ привелъ народъ въ такое волненіе, что вынужденъ былъ просить прощеніе предъ гробницей убіеннаго и подчиниться папѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ отсюда, что въ Англіи между церковью и правительствомъ возникли тѣ же отношенія, какія развились и въ Германіи. Сынъ Генриха II-го возмутился противъ своего отца и въ борьбѣ съ нимъ призвалъ себѣ на помощь своего верховнаго сюзерена, умнаго Филиппа Августа, короля французскаго. Генрихъ II умеръ, сильно огорченный этимъ. Вторымъ

его сыномъ былъ Ричардъ Львиное Сердце, который вначалѣ также былъ въ тѣсномъ союзѣ съ Филиппомъ Августомъ, но потомъ, во время крестоваго похода, поссорился съ нимъ. Вслѣдствіе этого, на обратномъ пути изъ Святой земли онъ попалъ въ плѣнъ; получивъ свободу, онъ былъ убитъ при осадѣ одного замка въ Аквитаніи. Ему наслѣдовалъ младшій братъ, Іоаннъ Безземельный, государь въ высшей степени склонный къ насиліямъ, вѣчно ссорившійся съ своими вассалами; убійствомъ своего племянника Артура, герцога Бретанскаго, Іоаннъ довелъ дѣло до того, что пэры Франціи объявили его лишеннымъ леновъ, которыми онъ владѣлъ во Франціи, послѣ чего Филиппъ Августъ, его верховный сюзеренъ, завоевалъ Нормандію и большую часть англійскихъ владѣній во Франціи. Въ такой нуждѣ Іоаннъ заключилъ союзъ съ Вельфомъ Оттономъ въ Германіи, и оба задумали теперь сообща вступить въ борьбу съ папой и королемъ французскимъ.

Но у Иннокентія III хватило умѣнья справиться съ ними обоими. Поэтому онъ поддерживалъ планъ французскаго короля отправиться въ Англію, чтобы тамъ при помощи недовольныхъ вассаловъ свергнуть Іоанна; а чтобы держать на сторожѣ императора Оттона, онъ отправилъ 18-лѣтняго Гогенштауфена Фридриха II-го (1212) изъ Сициліи въ Германію въ качествѣ претендента на королевскую власть. Послѣдній нашелъ въ Германіи многочисленныхъ приверженцевъ, и такимъ образомъ составилась коалиція изъ папы, французскаго короля и молодого Гогенштауфена Фридриха съ одной, короля англійскаго Іоанна и императора Оттона — съ другой стороны. Въ 1214 году произошла битва при Бувинѣ во Фландріи, при чемъ французскій король одержалъ побѣду.

Съ этого времени папа получилъ рѣшительный перевѣсъ, такъ какъ онъ забралъ въ свои руки всю власть Генриха VI-го; онъ совершенно укротилъ Вельфа и такъ направилъ англійскія дѣла, что Оттонъ не могъ больше разсчитывать на помощь изъ Англіи, а съ другой стороны

Филиппъ французскій сталъ его ближайшимъ союзникомъ. Такимъ образомъ папа получилъ перевѣсъ при помощи удачной комбинаціи политическихъ отношеній и военныхъ успѣховъ, а не благодаря развитію духовной идеи.

Оттонъ потерялъ императорскую корону и былъ ограниченъ очень небольшими владѣніями въ Нижней Саксоніи; Филиппъ Августъ, напротивъ, съ тріумфомъ въѣхалъ въ Парижъ и съ восторгомъ былъ встрѣченъ тамъ французами, въ которыхъ первый разъ со времени капетинговъ пробудилось національное чувство. Въ Англіи, съ пораженіемъ Іоанна, вспыхнуло новое возстаніе бароновъ, которые въ 1215 году принудили короля дать имъ Великую Хартію. Новый императоръ, Фридрихъ II, былъ, правда, тоже Гогенштауфенъ, но не старой школы; ибо независимость императорской короны во всякомъ случаѣ нисколько не выигрывала отъ того, что онъ этой короной обязанъ былъ папѣ. Папа заставилъ молодого государя дать обѣщаніе, что онъ, какъ только у него родится сынъ, тотчасъ же назначитъ его королемъ Сициліи, но при этомъ поставитъ его внѣ всякой связи съ Германіей.

Итакъ, единственнымъ стремленіемъ папъ было воспользоваться Гогенштауфенами для своихъ іерархическихъ цѣлей и держать ихъ въ такомъ безсиліи, чтобы они ничего не могли предпринять противъ папства. Фридрихъ же вовсе не былъ намѣренъ допускать это, а потому и онъ также вступилъ въ борьбу съ прежнимъ своимъ покровителемъ. Для того чтобы провести избраніе своего сына Генриха въ нѣмецкіе короли, онъ даровалъ духовнымъ князьямъ массу правъ; несмотря на это послѣдніе сплотились противъ него, а когда онъ, желая создать духовенству противовѣсъ изъ свѣтскихъ князей, даровалъ и имъ многочисленныя права, онъ совершенно ослабилъ свою нѣмецкую державу.

Въ своей борьбѣ съ папой этотъ императоръ преслѣдовалъ три различныхъ цѣли: во 1-хъ, поддержаніе престижа императорской власти; во 2-хъ, усмиреніе верхне-

итальянскихъ городовъ; въ 3-хъ, господство въ Неаполѣ и Сициліи. Въ этомъ послѣднемъ государствѣ онъ занималъ своеобразное положеніе; тамъ жили еще сарацины, которые были ему такъ же дороги, какъ и христіане, вслѣдствіе чего онъ и былъ заподозрѣнъ въ невѣріи *). Въ Верхней Италіи, гдѣ всего рѣзче враждовали между собой партіи гвельфовъ и гибеллиновъ, онъ воевалъ очень успѣшно и въ 1237 году ему удалось побѣдить ломбардскіе города. Папу Иннокентія IV-го онъ принудилъ къ бѣгству изъ Италіи; въ отвѣтъ на это папа, находясь уже въ Ліонѣ, смѣстилъ и отлучилъ его. Вообще, съ начала XIII столѣтія папы стали еще могущественнѣе благодаря учрежденію нищенствующихъ орденовъ, которые повсюду дѣйствовали въ ихъ пользу.

Въ Германіи заявилъ свои притязанія на престолъ Генрихъ Распе, ландграфъ Тюрингенскій; самъ императоръ былъ разбитъ въ Италіи и погибъ среди всѣхъ этихъ неурядицъ въ 1250 году. Во всѣхъ его владѣніяхъ единолично сталъ властвовать папа. Сынъ Фридриха II, Конрадъ IV, имѣлъ очень мало значенія. Въ Неаполѣ стойко держался Манфредъ, побочный сынъ Фридриха; но папа призвалъ на помощь брата французскаго короля Людовика Святого—Карла Анжуйского, который разбилъ Манфреда и принялъ Неаполь и Сицилію въ ленное владѣніе изъ рукъ папы, такъ что земли эти отнынѣ были оторваны отъ имперіи. Въ Верхней Италіи Иннокентій IV былъ силенъ благодаря партіи гвельфовъ; въ Германіи между собой боролись соперники по королевской власти; французскій король былъ совершенно преданъ папѣ, и такимъ образомъ никто уже не могъ шевельнуться противъ духовной власти. По смерти Манфреда внукъ Фридриха II-го, швабскій герцогъ Конрадинъ, рѣшилъ итти въ Италію и тамъ отвоевать у папы свое наслѣдственное право, но былъ

---

*) Фридрихъ II ввелъ въ Неаполѣ прекрасную администрацію, считающуюся образцомъ для послѣдующаго времени.

разбитъ и подвергся казни. Его смерть знаменуетъ собой конецъ старой имперіи, ибо, хотя онъ самъ и не былъ императоромъ, но принадлежалъ къ тому роду, который всегда стремился поддержать достоинство императорской власти.

Ммѣ остается теперь сказать еще нѣсколько словъ объ общемъ положеніи дѣлъ послѣ этой борьбы духовной и свѣтской власти. Папы господствовали въ Италіи, ибо тамъ въ силу своего права поставили могущественнѣйшаго короля, и эти короли изъ дома Анжу, господвовавшіе въ Неаполѣ, всегда стояли во главѣ партіи гвельфовъ и поддерживали притязанія папы въ Италіи. Въ Германіи наступило междуцарствіе, нѣсколько претендентовъ на престолъ боролись другъ съ другомъ, пока это, наконецъ, не надоѣло папамъ и они не приказали нѣмецкимъ князьямъ выбрать короля. Курфюрсты съѣхались и, главнымъ образомъ духовные изъ нихъ, избрали Рудольфа Габсбургскаго (1273 г.), родоначальника австрійскаго дома, который, будучи обязанъ избраніемъ своимъ папѣ, ограничился внутренними дѣлами Германіи, предоставивъ папѣ императорскія права въ Италіи.

Въ Англіи, которая являлась для римской церкви очень доходной страной, сидѣлъ на тронѣ сынъ Іоанна Безземельнаго—Генрихъ III-й; онъ правилъ при содѣйствіи папскихъ коммиссаровъ, которые въ свою очередь вертѣли имъ по желанію. Во Франціи Капетинги не только были на сторонѣ папъ, но стояли и въ еще болѣе тѣсномъ отношеніи къ нимъ. Господство Капетинговъ распространилось на южную Францію не только въ силу верховнаго леннаго господства, но и вслѣдствіе одной церковной распри. Именно, тамъ возникла секта альбигойцевъ, которая придерживалась религіозныхъ воззрѣній, несогласныхъ съ ученіемъ римской церкви, и находила себѣ поддержку въ графѣ Тулузскомъ. Этотъ былъ отлученъ папой, и король фрацузскій Людовикъ VIII явился исполнителемъ папской опалы. Такъ французская королевсккая власть распространила свое

могущество и на южную часть страны единственно благодаря тому, что приводила въ исполненіе папскіе приказы.

Точно также и въ Испаніи вновь возникшія королевства Арагонское, Кастильское и Португальское были основаны совершено въ идеяхъ крестовыхъ походовъ. Въ то же время въ сѣверной Европѣ распространялся духовный рыцарскій орденъ тевтоновъ, усиліями которыхъ была покорена, обращена въ христіанство и подчинена папскому вліянію страна по ту сторону Вислы,—Пруссія, Курляндія, Лифляндія. И города въ Италіи и Франціи, посылавшіе свои дружины въ крестовые походы подъ знаменемъ Орифламмы, находились подъ духовнымъ вліяніемъ и имѣли даже повсюду своего рода церковное устройство.

Такъ поднялось изъ глубины европейскихъ событій папство, и въ XIII-мъ вѣкѣ совершенно господствовало надъ ними. Искусство и наука всюду были проникнуты и покорены церковными элементами. Въ зодчествѣ получилъ преобладаніе готическій стиль, въ которомъ олицетворялась идея христіанства и который, не принадлежа въ отдѣльности ни одной странѣ, въ сущности можетъ быть названъ стилемъ іерархіи. Тѣ же тенденціи обнаруживаются въ литературѣ. Университеты XI-го и XII-го вѣка были не чѣмъ инымъ, какъ богословскими школами. Хотя самъ папа и не вдавался въ богословскія препирательства, за то въ Парижѣ доминиканцы развивали ученіе о церкви въ совершенно церковномъ смыслѣ; позднѣйшая догматическая форма католицизма создана была писателями этого ордена. Поэзія имѣла, правда, помимо чисто духовнаго еще и другое содержаніе, однако и она вращалась въ той же сферѣ; я напомню сказаніе о Граалѣ,—эту смѣсь старыхъ языческихъ традицій съ христіанскими воззрѣніями. Однимъ словомъ, это соединеніе религіи и власти, священства и рыцарства, поэзіи и искусства представляло одно блестящее, но подавляющее цѣлое, расчлененное, какъ готическій соборъ, на вершинѣ котораго стоялъ, всѣмъ повелѣвая, первосвященникъ.

Четырнадцатая лекція.

(9-го октября 1854 г.).

Въ то время какъ совершалось это въ высшей степени удивительное развитіе Запада, Востокъ впадалъ въ полнѣйшее варварство. За арабами, способными къ культурѣ, слѣдовали турки (сельджуки), а въ XIII вѣкѣ, въ тѣ самые дни, когда вели между собой борьбу Фридрихъ II и Иннокентій IV, въ преддверіи западнаго міра появились монголы. Великій Чингисханъ сплотилъ ихъ въ единое цѣлое, которое являлось непреодолимымъ для остального міра. Они обрушились съ плоскогорій Азіи на всѣ окружающіе народы, одолѣли царство Хорезмъ, калифатъ Багдадскій, Китай, воздвигли на рубежѣ Европы и Азіи Золотую Орду, которая отсюда распространилась на всю Россію и Польшу, и всюду несли съ собой раззоръ и убійство. Здѣсь, такъ сказать осуществился идеалъ варварства; единственный памятникъ, который они воздвигли, состоялъ изъ головъ убитыхъ. При преемникахъ Чингисхана монголы проникли до Нейштадта въ Австріи и Лигница въ Силезіи, гдѣ они, наконецъ, были разбиты на голову. Если бы исконныя поселенія монголовъ были ближе къ Европѣ, такъ что къ границамъ Германіи приливали бы не одни уже крайніе отряды этого народнаго потока, то по всей вѣроятности европейское христіанство погибло бы; ибо императоръ и папа достаточно заняты были взаимными распрями; имъ некогда было сопротивляться монголамъ. Варварство, охватившее въ то время весь Востокъ, царитъ тамъ и понынѣ, и мы здѣсь убѣждаемся на блестящемъ примѣрѣ въ томъ, какъ неосновательно говорить о всеобщемъ прогрессѣ человѣческаго рода. Мы обратимся, однако, снова къ великой совокупности народовъ Запада. Развитіе папства явилось здѣсь очень важнымъ моментомъ, однако очевидно, что этимъ не

завершился процессъ, который могла и должна была еще пережить Европа.

Ни во внѣшнихъ, ни во внутреннихъ дѣлахъ папство не соотвѣтствовало идеѣ о всеобщемъ, господствующемъ въ западномъ мірѣ авторитетѣ. Іерусалимъ и Константинополь были потеряны; Польша и Венгрія попали, если не навсегда, въ руки враговъ. Что касается внутренняго положенія дѣлъ, надо сказать, что папство, въ силу своей до мелочей развитой догмы, своего культа и своихъ церковныхъ притязаній, ложилось очень тяжело на весь европейскій міръ. Стоитъ припомнить только преслѣдованія альбигойцевъ и вальденцевъ, а вѣдь послѣдніе хотѣли только читать библію въ подлинникѣ! Итакъ, папство не въ силахъ было защищать свою европейскую „монархію" отъ внѣшнихъ опасностей, а внутри папство слишкомъ давило ее.

Если мы вернемся дальше къ исходной причинѣ, объясняющей развитіе папскаго мірового владычества, то она лежитъ въ томъ, что европейское общество, которое, какъ мы видѣли, составилось изъ слiянія романскаго и германскаго міра, по природѣ своей склонно было къ іерархическому началу; ибо въ римскомъ быту церковь имѣла величайшее значеніе. Но церковь все-таки не составляла *всего;* въ германскомъ духѣ заложено было безконечное стремленіе къ свободѣ и склонность къ естественному росту, черта, которая не могла на долгое время найти себѣ удовлетвореніе въ іерархическомъ началѣ. Съ другой стороны вѣдь и свѣтская власть представляла нѣчто существующее само по себѣ. Германцы пришли изъ своихъ лѣсовъ для завоеванія Римской имперіи, а не для служенія римской церкви. Они хотѣли принять культуру, а не это служеніе. Такимъ образомъ является вполнѣ естественнымъ, что за этой іерархической эпохой послѣдовала другая, когда развивалось чрезвычайно дѣятельно внутреннее стремленіе романо-германскихъ народовъ, которые мы разглядывали какъ одно живое цѣлое; это развитіе шло не по предначертанной философской программѣ, а вы-

ражалось въ непрерывной разработкѣ основной тенденціи.

§ 5.

Пятый періодъ.

Четырнадцатое и пятнадцатое столѣтія.

Въ эти столѣтія распалось единство государства и церкви.

Папство не могло господствовать, не обнимая всѣхъ сторонъ жизни. Однако достигнуть этого папству не удалось, такъ что даже Данте, не смотря на свою строгую религіозность, боролся противъ идеи исключительнаго господства папства и усвоилъ себѣ идею свѣтскаго государства. Другимъ литературнымъ явленіемъ того же направленія слѣдуетъ признать то собраніе сказаній, изъ котораго впослѣдствіи заимствовали свои разсказы Аріосто, Баярдъ и многіе другіе, именно такъ называемые Royaux de France, прославленіе французской королевской власти, которое возникло изъ чисто свѣтской тенденціи, нисколько не отступая въ то же время отъ христіанскаго единства. Однимъ этимъ, конечно, нельзя было достигнуть рѣшительныхъ результатовъ; однако, наступили другія событія, которыя нанесли папскому могуществу величайшія пораженія. Въ самомъ началѣ XIV столѣтія мы застаемъ папу Бонифація VIII, который если и не лучше другихъ проводилъ, за то наиболѣе сильно формулировалъ папскія притязанія, какъ совокупность всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ правъ; мы застаемъ этого папу въ борьбѣ съ королемъ, которому природный умъ давалъ въ руки средства отдѣлаться отъ папы, именно съ Филиппомъ Красивымъ французскимъ.

Французское королевство усилилось въ союзѣ съ папствомъ. Римская курія поддерживала французовъ въ ихъ борьбѣ съ англичанами; она дала имъ права,

въ силу которыхъ они стали господами южной Франціи; южные французы изъ Марсели были призваны папой въ Италію при Карлѣ Анжуйскомъ; Людовикъ Святой предпринялъ два послѣднихъ крестовыхъ похода и безусловно примкнулъ къ духовнымъ идеямъ, хотя и оказывалъ скорѣе сопротивленіе, чѣмъ повиновеніе безусловнымъ притязаніямъ папства, хорошо сознавая нужды собственнаго государства. Но въ концѣ XIII столѣтія ему наслѣдовалъ внукъ его Филиппъ Красивый, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей новаго времени. Въ проведеніи свѣтской точки зрѣнія онъ совершенно примыкаетъ къ императору Фридриху II-му, тратитъ много денегъ на свои походы въ Англію и получаетъ эти деньги отъ своихъ подданныхъ, но какъ разъ черезъ это приходитъ въ столкновеніе съ папой, вымогательства котораго сильно страдали отъ этого. Въ 1302 году король собираетъ чины и сообща съ ними становится въ оппозицію къ папству. Однако этимъ однимъ онъ не могъ одержать перевѣсъ надъ папой; пришлось употребить насиліе; онъ напалъ на папу, взялъ его въ плѣнъ, отчего папа умеръ въ состояніи, близкомъ къ бѣшенству. Между тѣмъ французскій король не удовольствовался этимъ. Онъ взялся за дѣло лучше германскихъ императоровъ: приказалъ кардиналамъ выбрать папу по своему вкусу и назначилъ ему мѣстопребываніе въ Авиньонѣ, въ южной Франціи. Такъ однимъ неожиданнымъ ударомъ Филиппъ Красивый—не скажу положилъ конецъ папскому авторитету,— но всетаки уничтожилъ самую идею верховнаго авторитета надъ всѣмъ, связанную съ папствомъ.

Филиппъ Красивый вообще далеко не раздѣлялъ духовныхъ воззрѣній прежнихъ вѣковъ и доказалъ это, между прочимъ, тѣмъ, что жестоко расправился съ орденомъ храмовниковъ, хотя и не былъ въ состоянія доказать тѣхъ низостей, которыя онъ имъ ставилъ въ вину.

Изъ этихъ отношеній и возникла къ концу вѣка такъ называемая схизма. Остальныя европейскія державы вовсе не были склонны признавать папу, сидѣвшаго

во Франціи, и помимо избранія французскаго папы состоялось еще избраніе другого, такъ сказать, европейскаго папы, и вся Европа раздѣлилась, признавая различныхъ папъ. Можно сказать, что міровое господство папъ, основанное на единствѣ, распалось само по себѣ, не вслѣдствіе непрерывной борьбы между духовнымъ и мірскимъ началами, а вслѣдствіе противуположности національностей, явившейся результатомъ схизмы.

Вообще теперь совершилось всеобщее распаденіе, и эти столѣтія тѣмъ и замѣчательны, что уже нѣтъ болѣе на лицо ни одного устойчиваго политическаго или духовнаго тѣла. Безъ сомнѣнія справедливо то, что теперь сильнѣе проявились національности и что создавались государственныя устройства, но ни тѣ, ни другія на первыхъ порахъ не могли какъ слѣдуетъ удержаться. Доведя императоровъ до необходимости оставить свои притязанія на Италію, папы тѣмъ самымъ, правда, много посодѣйствовали обособленію національностей, однако окончательно это обособленіе къ этому времени еще не совершилось. Въ 1340 году поднялись англійскіе короли и изъявили свои притязанія на Францію; здѣсь же, напротивъ, утверждали, что королевство наслѣдуется лишь по мужской линіи, и вслѣдствіе этого на престолъ вступилъ домъ Валуа. Это послужило поводомъ къ утомительнымъ войнамъ между Англіей и Франціей, вслѣдствіе которыхъ обѣ націи ослабили другъ друга. Какъ папство не могло утвердить своего единства и имперія—своего авторитета, такъ и націи, какъ таковыя, не могли тогда же развиться до значительнаго могущества.

Въ это время, какъ уже было упомянуто, стали давать различнымъ государствамъ болѣе прочныя государственныя устройства. Эта мысль была вполнѣ естественна. Назрѣвшая теперь потребность покоится на томъ, что до сихъ поръ, при папствѣ, духовенство отдѣльныхъ странъ, очень могущественное и рѣшительное, едва ли не больше держалось папы, чѣмъ своего собственнаго короля, такъ что являлось дѣломъ большой важности тѣснѣе сблизить духовенство

съ королемъ и знатью путемъ національнаго государственнаго устройства. Далѣе, королевская и императорская власть имѣли въ то время еще довольно произвольный характеръ. Такъ, напр., англійскій король по праву могъ позволить себѣ массу вещей, которыя вторгались уже въ область частной жизни. Понятія о собственности также не были еще развиты какъ слѣдуетъ; король Филиппъ Красивый, напр., былъ того мнѣнія, что все чеканенное золото и серебро въ странѣ принадлежитъ ему, и приказывалъ отнимать его тамъ, гдѣ находилъ. Эти обстоятельства давали поводъ приступить мало-по-малу къ упорядоченію организаціи общественной власти.

Прежде всего принялись за дѣло въ Англіи и провели его такъ, что англійское устройство остается образцомъ для всѣхъ временъ. Великая Хартія, введенная при смутныхъ обстоятельствахъ, была первой граматой, признавшей сословныя привилегіи духовенства, дворянства и городовъ. Генрихъ III, правда, не хотѣлъ приводить въ исполненіе всего, что внесено было въ Великую Хартію въ пользу сословій, — именно, онъ не хотѣлъ подчиниться опредѣленію, что сословія, соединившись вмѣстѣ, разрѣшаютъ ему налоги. Только Эдуардъ I призналъ право разрѣшенія налоговъ за англійскими сословіями, среди которыхъ и города имѣли своихъ представителей. А при Эдуардѣ III-мъ дѣло получило практическое значеніе, такъ какъ для войны съ Франціей требовались все новые налоги; это и есть главный пунктъ, на которомъ зиждется весь сословный строй.— Остановившись на Франціи и Англіи, спросимъ себя, были ли онѣ настолько сильны, чтобы образовать дѣйствительно устойчивыя державы. Если присмотрѣться поближе, придется признать, что государственныя учрежденія этихъ странъ никоимъ образомъ не созрѣли еще настолько, чтобы положить конецъ внутреннимъ безпорядкамъ. Ибо сословное устройство само въ себѣ лишено было единства. Главную роль въ немъ играетъ элементъ городовъ, которые посылали тоже своихъ пред-

ставителей. Нѣчто подобное случилось и въ Германіи, гдѣ въ XIV столѣтіи города приняты были въ имперскій сеймъ Людовикомъ Баварскимъ, и гдѣ въ 1344 году также говорили о „parliamentum“.—Старѣйшіе же города имѣли сильно аристократическое устройство; но въ теченіе XIV-го столѣтія цехи проникли въ городскіе совѣты и, благодаря тому, что города имѣли мѣста и право голоса на имперскихъ сеймахъ, въ собранія проникъ демократическій элементъ. Знать стала противиться ему, и между нею и городами дошло до рѣзкихъ столкновеній, которыя охватили также Англію и Францію. Такъ какъ англійскій король придерживался болѣе свободомыслящаго направленія, то симпатіи городовъ были на его сторонѣ, что и имѣло очень значительное вліяніе на Францію. Здѣсь уже въ 1355 году разразились безпорядки, въ современномъ смыслѣ этого слова, во время которыхъ королевская власть попала въ опасное положеніе. Въ самой же Англіи скоро возникли династическіе споры изъ-за престолонаслѣдія между ланкастерскимъ и іоркскимъ домами, такъ что каждая партія собрала около себя собственный парламентъ. Слѣдствіемъ было то, что даже тамъ возникавшія сословныя представительства такъ же мало, какъ и всюду, могли поддержать какой бы то ни былъ порядокъ, такъ что всѣ отношенія чрезвычайно запутались. Это и есть какъ разъ то время, которое создало среднимъ вѣкамъ ихъ худую славу, — когда каждый рыцарь могъ безпрепятственно совершать нападенія изъ стѣнъ своего замка, когда каждый дворянинъ, владѣвшій замкомъ, былъ независимъ *). Дѣлали правда, попытки по мѣрѣ силъ положить конецъ этому безчинію путемъ мѣстныхъ союзовъ, прежде всего союзовъ городовъ. Ибо только въ городахъ, посреди всюду совершаемыхъ насилій, существовалъ еще нѣкоторый порядокъ, который, по крайней мѣрѣ, объединялъ гражданъ.

---

*) Когда, напр., Гогенцоллерны въ началѣ XV-го столѣтія прибыли въ Бранденбургъ, они не встрѣтили здѣсь никакого повиновенія.

Въ эту эпоху всеобщаго разложенія взоры снова обратились къ папѣ, какъ единственному авторитету, который еще признавался почти повсюду. Но къ сожалѣнію рядомъ существовало двое папъ, изъ которыхъ при этомъ каждый всегда имѣлъ своего собственнаго преемника. Какъ положить конецъ такому неустройству? Рѣшились созвать соборы въ Пизѣ, Констанцѣ и Базелѣ. Въ Пизѣ смѣстили обоихъ папъ и посадили новаго; но черезъ это зло еще обострилось, такъ какъ не только новоизбранный папа, но и оба смѣщенныхъ сумѣли удержаться. Въ Констанцѣ, напротивъ, авторитету императора Сигизмунда удалось устранить расколъ и провести новаго папу, Мартина V-го, на которомъ съ тѣхъ поръ и покоилось единство папской власти.

Среди этихъ схизматическихъ тенденцій обнаружились и догматическія отклоненія. Въ Англіи выступилъ Уиклифъ, въ Богеміи Іоаннъ Гусъ, который выставилъ сильно ударяющійся въ абстракцію взглядъ на права церкви. За это свое ученіе онъ былъ вызванъ на Констанцскій соборъ, осужденъ здѣсь и сожженъ. Но этимъ дѣло не кончилось, ибо у Гуса было много приверженцевъ въ Богеміи. Чтобы отомстить за его смерть и распространить его ученіе, они вырвались изъ Богеміи и наводнили значительную часть Германіи отрядами опытной въ военномъ дѣлѣ пѣхоты. Соборъ не могъ съ ними справиться, и когда Сигизмундъ выступилъ исполнителемъ постановленій собора, онъ встрѣтилъ упорнѣйшее сопротивленіе. Нѣмецкія войска неоднократно были разбиты, и рядъ мѣстностей подвергся грабежу, убійствамъ и насиліямъ. Къ счастью гуситы разъединились, такъ какъ дѣло ихъ не имѣло подъ собой твердой почвы: наряду съ религіознымъ характеромъ движеніе носило на себѣ еще національный и соціальный отпечатокъ. Благодаря этому Сигизмунду дали перевести духъ, и на соборѣ въ Базелѣ ему удалось заключить съ гуситами договоръ, въ силу котораго за ними признано было право употребленія чаши при причастіи (отсюда ихъ прозвище — утраквисты), что впослѣдствіи оказало большое вліяніе на реформацію.

Базельскій соборъ, состоявшій по преимуществу изъ докторовъ различныхъ университетовъ, хотѣлъ упорядочить духовное устройство по образцу свѣтскаго; соборъ главнымъ образомъ обратился противъ папства, которое хотѣли ограничить созданіемъ національныхъ церквей. Этотъ соборъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что выставилъ новыя основанія для утвержденія свѣтскихъ правъ противъ папы. Во Франціи эти основанія выработаны были въ прагматическую санкцію; и въ Германіи они были приняты Альбрехтомъ II-мъ австрійскимъ. Если Констанцскій соборъ не могъ устранить догматическихъ распрей, то Базельскій снова вызвалъ рознь между императоромъ и папой именно тѣмъ, что съ большимъ искусствомъ формулировалъ право свѣтской власти противъ папы. Но папство по своей природѣ безгранично, и не могло допустить подобныхъ ограниченій. А такъ какъ императоръ Фридрихъ III проявлялъ мало благосклонности къ синоду, напротивъ гораздо охотнѣе примыкалъ къ папѣ, то, наконецъ, побѣдилъ тотъ папа, который протестовалъ противъ базельскихъ постановленій, именно Николай V-ый. Однако папство не вышло полнымъ побѣдителемъ изъ этой борьбы; во Франціи и Германіи образовались могущественныя партіи, которыя теперь, какъ и прежде, являлись сторонниками постановленій базельскаго собора.

Какъ разъ въ эту эпоху стали надвигаться на Европу турки. Кто могъ подумать о серьезномъ сопротивленіи при вышеописанномъ положеніи дѣлъ? Всѣ существующія власти были такъ слабы, что ни одна не могла защитить самое себя. Турокъ допустили овладѣть Константинополемъ, такъ какъ всѣ попытки объединенія греческихъ и латинскихъ христіанъ потерпѣли неудачу, и греки нерѣдко высказывались, что лучше носить турецкій тюрбанъ, чѣмъ латинскую шапку. Османы покорили Сербію, а въ Венгріи только иногда такимъ выдающимся полководцамъ, какъ Гуніадъ и Матіасъ Корвинъ, удавалось на нѣкоторое время сломить напоръ враговъ.

Но эти событія имѣли и другое, очень важное для развитія Запада послѣдствіе. Когда Константинополь былъ взятъ, греки, принадлежавшіе къ латинской церкви, потянулись въ Италію и внесли новые жизненные элементы въ латинскую, западную культуру. Съ XV-го столѣтія стали болѣе обращаться къ изученію древнихъ, такъ какъ церковь въ догматическомъ отношеніи была слишкомъ строга. Благодаря этому умственное направленіе, отклонявшееся отъ церкви, получило сильный толчекъ. Искусства въ XIV и XV вѣкахъ поддались вѣянію древности, они выходили за предѣлы іерархическихъ интересовъ.

Далѣе, въ срединѣ XV-го вѣка изобрѣтено было книгопечатаніе, которое положило конецъ одностороннему владычеству духовныхъ корпорацій надъ науками, какъ это было до сихъ поръ,—и сосредоточило духъ человѣческій на болѣе высокой идеѣ. Такое же централизующее вліяніе имѣло и изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія, случившееся около этого же времени. Благодаря ему, по преимуществу, мало-по-малу сломлена была независимость владѣльцевъ замковъ и расчищено было мѣсто для идеи о династическомъ государственномъ устройствѣ; все это вліянія, выходящія далеко за предѣлы эпохи. XIV-е и XV-е столѣтія являются безконечно важными потому, что всѣ моменты, господствовавшіе надъ предыдущими эпохами, начинали разлагаться. Іерархическій принципъ уже начинаетъ проявлять свою неспособность къ господству; и высшая свѣтская власть болѣе не въ состояніи обуздать подчиненные элементы; автономія выступаетъ на всѣхъ пунктахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это сообщаетъ людямъ сильное чувство личной самостоятельности, а это чувство въ свою очередь вызываетъ необычайные успѣхи въ области искусствъ и особенно изобрѣтеній въ эти столѣтія. Ни въ одной эпохѣ мы не встрѣчаемъ такой универсальной дѣятельности во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, такого непрерывнаго прогресса въ области нахожденія новыхъ ремеслъ и мелкой торговой дѣятельности; хотя

въ то же время эту эпоху нельзя назвать временемъ развитой блестящей литературы. Далѣе, весьма важно то, что мысль, не скованная болѣе духовными университетами, въ концѣ концовъ пытается проложить себѣ свои пути, и что, наконецъ, и свѣтское просвѣщенiе снова достигаетъ извѣстной самостоятельности, какъ мы это видимъ, напр., въ Италiи, гдѣ республики, подъ управленiемъ своихъ правителей, если и не въ республиканской, то хоть въ монархической формѣ прiобрѣли нѣкоторое значенiе и извѣстное могущество, и образовали центры, изъ которыхъ исходили новые лучи культуры *). Въ связи со всѣми этими стремленiями въ ихъ совокупности стоитъ возникновенiе новаго времени.

Пятнадцатая лекцiя.

(10-го октября 1854 г.).

§ 6.

Эпоха реформацiи и религiозныхъ войнъ.

Отъ конца XV-го до средины XVII-го столѣтiя.

Посреди всеобщей децентрализацiи, наполняющей XIV-е и XV-е столѣтiя, всетаки существовало нѣчто, выходившее за предѣлы ея, именно стремленiе положить конецъ неустройству, которое было связано со всеобщимъ распаденiемъ. Постепенно находили средства противъ этого, не возвращаясь, однако, цѣликомъ къ прежнимъ порядкамъ. Правда, папство одержало верхъ, однако и противуположное начало, съ которымъ столкнулось папство, еще не исчезло изъ мiра, и, сказать по правдѣ, самое культурное обновленiе, проникавшее изъ античнаго мiра въ новое время, такъ на-

*) Упомянутые бѣглецы изъ Константинополя нашли себѣ прiемъ и поддержку у папъ, у королей неаполитанскихъ и у правителей средней и верхней Италiи (такъ, напр., у Медичей).

зываемое возрожденіе—не было однородно іерархическому принципу; оно покоится на совершенно иныхъ идеяхъ и житейскихъ отношеніяхъ. И книгопечатаніе, способствовавшее распространенію среди народа произведеній новаго и древняго времени, рыцарскихъ книгъ, религіозныхъ твореній, особенно Библіи,—книгопечатаніе было весьма способно къ тому, чтобы вызвать броженіе умовъ; горизонтъ, который до сихъ поръ занятъ былъ папствомъ, внезапно расширился. Всеобщая автономія, наступившая въ политическомъ отношеніи, способствовала также извѣстному стремленію добиться и умственной автономіи. Къ этому присоединились, между тѣмъ, еще и другіе моменты, содѣйствовавшіе развитію порядковъ новѣйшихъ вѣковъ; это, главнымъ образомъ, слѣдующіе моменты:

1. Однимъ изъ главнѣйшихъ событій, которыми опредѣлился характеръ новаго времени, были открытія, стоящія въ тѣсной связи съ тѣмъ, что произошло въ средневѣковую эпоху. Фактическимъ противорѣчіемъ, породившимъ эти открытія, была борьба между западными націями и Востокомъ. Испанія все еще находилась въ борьбѣ съ маврами и только въ 1492 году могла побѣдить ихъ окончательно; тоже самое было и въ Португаліи; и въ то время какъ обѣ страны продолжали борьбу съ маврами, онѣ столкнулись въ Африкѣ съ элементомъ, съ которымъ нелегко было справиться. На западномъ прибрежьѣ Африки, такъ гласило сказаніе, правитъ христіанскій государь, котораго надо искать по ту сторону магометанскаго міра: это миѳическая идея, становившаяся въ связь съ остатками несторіанскихъ христіанъ въ Африкѣ. Къ этому присоединилось и другое обстоятельство, именно какъ разъ въ это время сдѣлано было нѣсколько попытокъ обратить въ христіанство монголовъ отдаленнѣйшаго востока, и говорили о существованіи тамъ какого-то мистическаго христіанскаго государства. Португальцы хотѣли отыскать царство священника Іоанна, чтобы въ союзѣ съ нимъ съ тылу напасть на мавровъ. При этихъ по-

искахъ португальцы обогнули мысъ Доброй Надежды и открыли, если и не священника Іоанна, за то Остъ—Индію, гдѣ и основали огромное португальско-остъ-индское государство среди непрерывной борьбы съ магометанами. Это было безконечно важное событіе, такъ какъ теперь міръ представлялся въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ его представляли себѣ на Западѣ до этихъ поръ. Нѣчто подобное привело и Колумба къ открытію Америки. И онъ тоже думалъ, что если будетъ плыть все на западъ, то попадетъ въ Азію, въ страну Caťai, въ Сину, описанную Маркомъ Поломъ, откуда удобнѣе будетъ бороться съ магометанами. Впрочемъ, онъ жилъ въ области духовныхъ помысловъ и не подозрѣвалъ даже существованія огромнаго материка, который какъ бы дѣлитъ пополамъ западный океанъ.

Въ то время какъ Западъ подъ напоромъ турокъ вынужденъ былъ ограничиться самымъ тѣснымъ кругомъ владѣнія, какимъ когда-либо обладалъ,—правда все же кругомъ, полнымъ жизни,—въ это время предъ нимъ открылся новый двойной міръ, на востокѣ и на западѣ, благодаря сказочнымъ предпріятіямъ нѣсколькихъ мореплавателей, которые къ тому же не знали путемъ, чего они добивались, и которыхъ именно эта ограниченность Запада побудила выйти изъ тѣснаго круга. Приставая къ Антильскимъ островамъ, Колумбъ думалъ, что найдетъ тамъ золото и серебро для борьбы съ магометанами и завоеванія Святой Земли. Никогда болѣе великое заблужденіе не вызывало болѣе величественнаго открытія. Испанцы и португальцы во взаимномъ состязаніи объѣхали всю сушу. Уже въ XVI-мъ вѣкѣ пришли къ мысли, что Америка—новый материкъ. Португальцы сдѣлали новыя открытія въ Бразиліи и проникли даже въ сѣв. Америку (Лабрадоръ), благодаря чему догадались, что сѣверная и южная Америка соединены между собою; это ускользнуло отъ вниманія испанцевъ. Между тѣмъ испанцы мало-по-малу овладѣли вновь открытыми странами и принялись за колонизацію, а со временемъ, когда въ Португаліи вымерла царствовавшая династія,

Филиппъ II получилъ и Португалію съ португальскими колоніями, такъ что тогдашніе правители Испаніи въ правѣ были говорить, что въ ихъ владѣніяхъ солнце никогда не заходитъ. Благодаря всему этому для міра открылось новое поприще дѣятельности, но только открылось, ибо испанцы наложили руки на всѣ эти открытыя земли и хотѣли хозяйничать въ нихъ, какъ въ своихъ доменахъ. Колоніи англичанъ и французовъ въ то время были еще незначительны.

Разсматривая эти великія открытія въ свѣтѣ великихъ европейскихъ вопросовъ, спросимъ себя, къ чему они привели: къ ослабленію или усиленію единственно до сихъ поръ властвовавшаго іерархическаго принципа? Они привели къ усиленію этого принципа; ибо хотя черезъ это возникли торговыя сношенія, всетаки захватъ вновь открытыхъ земель произошелъ въ силу авторитета папы, который подарилъ ихъ испанцамъ, и они, равно какъ и португальцы, стремились прежде всего распространить свои церковныя понятія.

2. Второе, что возникало въ это время въ Европѣ, это усиленіе внутренняго могущества княжеской власти. Смута стала ужъ черезчуръ велика, и уже на лицо были элементы къ увеличенію княжеской власти. Различныя обстоятельства способствовали тому, что теперь возникли значительныя государства. Въ исходѣ XV-го столѣтія окрѣпла Англія, послѣ того какъ кровавыя гражданскія войны алой и бѣлой розъ кончились тѣмъ, что Генрихъ Ричмондъ (Генрихъ VII) соединилъ оба дома— Ланкастеръ и Іоркъ, и могъ оставить послѣ себя очень значительную власть. Въ Англіи образовалось сильное королевство.

Еще рѣшительнѣе тотъ же принципъ обнаружился во Франціи, послѣ того какъ французамъ удалось изгнать англичанъ. Здѣсь Карлъ VII-ой основалъ королевство на элементахъ, которые всегда имѣли величайшее значеніе, именно, во-первыхъ, на постоянной арміи, находившейся у него на жалованіи, затѣмъ на постоянномъ обложеніи. Этимъ основаніемъ воспользовался его ум-

ный и беззастѣнчивый сынъ Людовикъ XI-ый для того, чтобы положить конецъ всѣмъ враждебнымъ элементамъ, прежде всего господству Карла Смѣлаго Бургундскаго, потомъ и всѣхъ остальныхъ магнатовъ. То, чего онъ не сдѣлалъ самъ, было довершено при его преемникахъ, какъ слѣдствіе его нововведеній. Вся южная Францiя, которая до сихъ поръ состояла изъ единичныхъ герцогствъ, была соединена съ короной; сверхъ того Бургундія, часть Нидерландовъ, Бретань и т. д.

И въ Испаніи существовали взаимно враждебныя державы; Арагонъ, Кастилія, составленныя изъ множества мелкихъ королевствъ, находились въ состояніи глубокаго внутренняго упадка, такъ что одинъ разъ вельможи государства даже смѣстили короля. Но энергичная Изабелла, сестра Генриха IV-го Кастильскаго, сумѣла водворить порядокъ и обручилась съ могущественнымъ королемъ арагонскимъ Фердинандомъ Католическимъ, такъ что оба эти могущественныхъ государства срослись въ единое цѣлое. Вслѣдствіе этого удалось также завоевать Гренаду, вырвавъ ее изъ рукъ мавровъ,—обстоятельство, которое въ свою очередь выгодно повліяло на великія открытія.

Такъ консолидировались три страны: Англія, Францiя и Испанія. Если спросить теперь, въ какое отношеніе стали онѣ къ папской власти, то на это нельзя прямо отвѣтить, что ихъ возвышеніе было очень опасно папѣ. Конечно, возникновеніе самостоятельныхъ державъ было ущербомъ для того, кто добивался всемірнаго господства; но безусловнаго убытка для папы съ этимъ связано не было, такъ какъ эти короли примыкали къ папству. Францiя, правда, еще держалась привиллегій прагматической санкціи, за то въ Испаніи духовное начало настолько слилось съ началами свѣтской власти, что они не могли быть отдѣлены одно отъ другого. Духовные рыцарскіе ордена съ папскаго соизволенія соединены были съ короной, и папы постоянно представляли королямъ духовные доходы, именно десятину, такъ что

королевская власть не была въ состоянiи стать въ оппозицiю къ папству.

✓3. Третiй моментъ, приводившiй въ движенiе новое столѣтiе и продолжающiй дѣйствовать и понынѣ,—это противуположности европейскихъ державъ въ ихъ внѣшнихъ дѣлахъ. Здѣсь слѣдующимъ образомъ состоялось образованiе своего рода двухъ партiй.

Самою децентрализованною страною изъ всѣхъ являлась несомнѣнно Италiя. Территорiи въ Германiи, правда были еще меньше итальянскихъ, однако первыя признавали всетаки надъ собой императора и чувствовали къ нему нѣкоторое почтенiе; въ Италiи и этого больше не было и тамошнiя государства, при высокомъ внутреннемъ развитiи, во внѣшнемъ отношенiи были всетаки слабы. И вотъ тамъ выработалась система мелкихъ государствъ, изъ которыхъ главнѣйшими были Неаполь, Флоренцiя (средоточiе культуры во время господства Медичей), Миланъ (при Сфорцахъ), Венецiя и папа. Они всегда враждовали другъ съ другомъ и этимъ давали поводъ другимъ крупнымъ державамъ вмѣшиваться въ ихъ внутреннiя распри. Францiя заявляла притязанiя на Неаполь со стороны Анжуйскаго дома, и эти притязанiя удалось осуществить. Но этому противился испанскiй король Фердинандъ Католическiй; онъ захватилъ Неаполь, так что французы могли утвердиться лишь въ Верхней Италiи, гдѣ они, по ихъ словамъ, имѣли также наслѣдственныя права. Результатомъ было то, что за испанцами остался перевѣсъ, чего не случилось бы, если бы не наступила другая крупная европейская комбинацiя.

Карлъ Смѣлый, герцогъ бургундскiй, былъ побѣжденъ и убитъ благодаря союзу Людовика XI-го со швейцарцами. Сама Бургундiя, правда, перешла теперь къ Францiи, но не нидерландскiя ея владѣнiя—Фландрiя, Брабантъ, Голландiя и т. д.; они представляли отдѣльныя провинцiи и послѣ смерти Карла Смѣлаго перешли къ его дочери Марiи. Она была обручена съ Максимилiаномъ I Австрiйскимъ, который, собственно въ Австрiи игралъ

очень незначительную роль, однако довелъ дѣло до того, что германскіе князья избрали его королемъ. Своимъ обрученіемъ съ наслѣдницей Нидерландовъ онъ достигъ совсѣмъ иного положенія въ мірѣ, чѣмъ его предки. Его сынъ Филиппъ обручился съ Іоанной, наслѣдницей Испаніи. Этотъ Филиппъ сдѣлался такимъ образомъ испанскимъ королемъ, и Испанія, могущественнѣйшая составная часть этого крупнаго соединенія, настолько превысила французскую державу, что взяла, наконецъ, верхъ въ итальянскихъ войнахъ. Въ теченіе этой борьбы случилось, что рыцарственный король французскій, Францискъ I, попалъ въ руки Карла V-го испанскаго и, наконецъ, долженъ былъ отказаться отъ притязаній на Италію, хотя у него оставалась въ Италіи сильная партія.

Эта противуположность внѣшнихъ обстоятельствъ содѣйствовала тому, что Европа вообще раздѣлилась на двѣ партіи, изъ коихъ одна была испанская, другая французская. Впрочемъ, антагонизмъ обѣихъ передовыхъ державъ оставлялъ прочимъ государствамъ извѣстную свободу, потому что обѣ были настолько сильны, что ни Испанія не допускала поглощенія какого-нибудь государства Франціей, ни обратно. И для папства это обстоятельство отнюдь не было вредно. Только при конфликтѣ свѣтскихъ державъ папы на самомъ дѣлѣ овладѣли своей церковной областью (особенно при Юліи II); духовный авторитетъ папы, правда, до извѣстной степени терпѣлъ ущербъ оттого, что съ этихъ поръ папа вынужденъ былъ всегда сражаться на той или другой сторонѣ и пересталъ играть на Западѣ роль миротворца. Однако, іерархическій принципъ продолжалъ существовать: папы вступили въ союзъ съ культурой, но за то не терпѣли даже малѣйшихъ отступленій отъ церковной догмы, какъ это пришлось испытать между прочимъ Саванаролѣ, который въ 1498 году былъ сожженъ на кострѣ.

Если послѣ всего этого спросить, съ какой стороны могло исходить универсальное измѣненіе при такомъ

порядкѣ вещей, то надо отвѣтить: единственно съ духовной; ибо со стороны государства нельзя было добраться до папства; слишкомъ оно еще было могущественно. Напротивъ, вслѣдствіе увеличенія свѣтскихъ стремленій папства, въ болѣе глубокихъ умахъ Европы зарождалась оппозиція, которая не разъ уже поднимала голову, однако, до сихъ поръ, всегда была подавляема (Арнольдъ изъ Бресчіи, альбигойцы, вальденцы, Уиклифъ, гуситы, Саванарола). Особенно въ Германіи, гдѣ проявилось болѣе глубокое мистическое пониманіе религіи, теперь обнаружилось отклоненіе въ ученыхъ школахъ: доминиканцы, вообще довольно строго державшіеся папства, не могли удовлетворять требованіямъ вновь возникавшей учености. Чтобы еще гдѣ-нибудь могла обнаружиться оппозиція, объ этомъ въ то время нечего было и думать. Въ Испаніи это было невозможно, ибо король былъ силенъ именно церковью; въ Англіи король былъ слишкомъ для этого политиченъ; король французскій во внѣшнихъ дѣлахъ былъ въ слишкомъ тѣсномъ союзѣ съ папствомъ и не могъ отважиться употребить противъ него свои силы. Единственно въ Германіи это могло случиться.

Какъ уже вскользь было указано, въ Германіи децентрализація въ отношеніи выработки внутреннихъ государственныхъ отношеній была, можетъ быть, не менѣе значительна, чѣмъ въ Италіи; но идея имперіи все еще держалась, отъ нея все еще исходила всякая сила *), безъ императора все еще не могли обойтись.

Въ лицѣ Максимиліана имперія имѣла въ высшей степени умнаго, подвижнаго и предпріимчиваго государя; его домъ былъ самый знаменитый, онъ изъявлялъ притязанія почти на всѣ страны міра; мало бываетъ людей, у которыхъ такъ много фантазіи и странности соединялось бы съ такой энергіей и талантомъ. У Максимиліана была мысль завести въ Германіи луч-

*) Гогенцоллерны получили Бранденбургъ отъ императора.

шіе порядки; но тутъ выступили другъ противъ друга два принципа. Императоръ имѣлъ преимущества, которыхъ не хотѣлъ никому уступить, — онъ былъ верховный судья; а имперскій судъ, имъ учрежденный, оказался продажнымъ, онъ цѣликомъ зависѣлъ отъ императора. Поэтому сословія потребовали другого суда, сословнаго, куда бы каждое имперское сословіе посылало своего засѣдателя. Но императоръ не хотѣлъ согласиться на это, и только послѣ большихъ усилій вышло такъ, что Максимиліанъ, сильно нуждаясь, для своихъ итальянскихъ дѣлъ, въ деньгахъ и, слѣдовательно, въ согласіи имперскихъ чиновъ, въ 1495 году уступилъ ихъ желанію. Но этимъ князья не удовлетворились; они, напротивъ потребовали, чтобы императоръ учредилъ еще сословное управленіе. И этого удалось добиться послѣ большихъ стараній; но князья не могли какъ слѣдуетъ согласиться между собой, и Максимиліанъ снова уничтожилъ имперское правительство. Итакъ, въ Германіи не могло установиться правильнаго порядка, какой установился во всѣхъ остальныхъ странахъ; здѣсь постоянно существовало сильное разногласіе между императоромъ и имперскими князьми. Максимиліанъ думалъ, что при такихъ обстоятельствахъ только съ папской помощью ему удастся достигнуть большаго значенія и потому наитѣснѣйшимъ образомъ соединился съ Римомъ. Сословія не обнаружили никакой склонности къ этому. Вообще въ Германіи въ то время господствовала сильная непріязнь къ папѣ, который былъ еще на половину господиномъ въ имперіи и ввелъ подъ видомъ отпущенія родъ налога, который употреблялся въ Римѣ большею частью для свѣтскихъ цѣлей. Слѣдовательно, оппозиція противъ императора направилась и противъ папы.

Итакъ, въ сословныхъ интересахъ, направленныхъ противъ императора и папы, лежалъ моментъ, въ которомъ могло укорениться новшество. Это вводитъ насъ въ самую глубь внутреннихъ отношеній Германіи; къ тому же присоединилось цѣлое множество мелкихъ ин-

тересовъ и распрей, дѣлавшихъ возможнымъ такой ходъ развитія, какой послѣдовалъ вскорѣ. Первый изъ раздоровъ возникъ между курфюрстомъ Фридрихомъ саксонскимъ и архіепископомъ магдебургскимъ, которому предоставлено было право проповѣдывать отпущеніе въ земляхъ саксонскаго курфюршества. Курфюрстъ съ неудовольствіемъ относился къ этому отливу денегъ его подданныхъ въ Магдебургъ. И въ этотъ-то моментъ приходится возникновеніе той европейской оппозиціи противъ папы, которая утвердилась прочно. Это было едва ли не удивительнѣйшимъ и, можетъ быть, самымъ безразсуднымъ совпаденіемъ мірскихъ интересовъ папы и его духовныхъ притязаній, именно то, что онъ сдѣлалъ отпущеніе духовнымъ налогомъ. Такое пользованіе духовными дарами для мірскихъ цѣлей, очевидно, было крупнымъ злоупотребленіемъ; нѣкоторые князья перехватывали папскихъ агентовъ и отбирали у нихъ собранныя деньги.

Императоръ и его партія тѣмъ не менѣе примкнули къ стремленіямъ папы. Тогда Лютеръ, монахъ—проповѣдникъ изъ Августинскаго ордена, выступилъ противъ злоупотребленій отпущеніемъ. Главною его силой былъ чисто духовный импульсъ. Въ немъ соединялись самыя удивительныя особенности: упорство тюрингенскаго мужика, глубокомысліе германскаго мистика, способности крупнаго профессора, безпримѣрная твердость и умъ, какого, можетъ быть, больше не повторялось въ Германіи. Этотъ незначительный монахъ, профессоръ при самомъ маленькомъ университетѣ въ мірѣ, подданный одного изъ мельчайшихъ князей Германіи, отважился, при поддержкѣ своего государя, стать въ оппозицію императору и папѣ. Это произвело большой шумъ, ибо его нападеніе поразило папство въ самое сердце. Однако можно было бы еще уладить дѣло, если бы въ Римѣ взялись за это умнѣе; но этого не случилось. Лютеръ былъ отлученъ отъ церкви, а затѣмъ императоромъ и имперіей подвергнутъ былъ имперской опалѣ. Однако тѣмъ, что и духовная и свѣтская власть высказались

противъ Лютера, нисколько еще не было подавлено волненіе, произведенное имъ въ Германіи; ни духовная, ни свѣтская власть не были способны къ выполненію этой задачи. Всѣ отношенія были неопредѣленны; императоръ Карлъ V-й передъ своимъ отъѣздомъ долженъ былъ назначить въ имперіи сословное управленіе, въ которомъ засѣдали люди лютеровскихъ убѣжденій. Но регентство не могло провести и своихъ плановъ о возстановленіи порядка въ имперіи, о таможенномъ объединеніи Германіи и т. д. Тутъ вспыхнуло крестьянское возстаніе. Причиной его было то, что вслѣдствіе попытокъ прочнѣе объединить имперію усилены были налоги, и свѣтскіе и духовные государи притѣсняли крестьянъ. Мистическія идеи давно уже были распространены въ этихъ кругахъ, и поэтому нисколько не было удивительно, если по такому поводу вспыхнуло пламя возмущенія. Крестьянское возстаніе заключало въ себѣ крайнія послѣдствія и грозило опрокинуть весь существующій порядокъ вещей въ Германіи. Свергали не однѣ иконы; Томасъ Мюнцеръ, вождь крестьянъ, хотѣлъ истребить всѣхъ князей и устроить совершенно новый міръ. Германія на три четверти была уже объята крестьянскимъ мятежомъ. Что касается отношенія Лютера къ крестьянскому возстанію, надо отдать ему справедливость: онъ уже съ самаго начала не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ этимъ дѣломъ; напротивъ, вслѣдствіе радикальнаго движенія онъ подвергся даже опасности быть убитымъ, такъ какъ отправился, несмотря на лежавшую на немъ имперскую опалу, въ Виттенбергъ, гдѣ также произошли безпорядки, и въ теченіе восьми дней проповѣдовалъ тамъ противъ этого безчинія. Присоединись Лютеръ къ этому движенію, и онъ самъ, и его ученіе погибли бы.

Новопоявившееся ученіе получило и догматическое обоснованіе трудами очень крупнаго таланта, именно Меланхтона; оно явилось народу въ свѣтѣ спасенія, такъ какъ всѣ сознавали, что не все могло быть приведено въ прежнее состояніе; и въ особенности возста-

новленіе церковнаго авторитета въ его полномъ объемѣ было невозможно. Правительство, являвшееся въ это время представителямъ отсутствовавшаго императора, сначала не знало, что дѣлать въ этомъ затруднительномъ положеніи; потомъ оно допустило введеніе этого отступленія отъ религіи въ отдѣльныхъ странахъ, такъ что дѣло получило какъ бы законный видъ. Послѣ этого въ 1529 и 1530 годахъ произведена была реформа, т. е. отмѣнено много такого, что прежде существовало, и протестантскій духъ началъ распространяться, особенно въ сѣверной Германіи.

Куда же было направлено стремленіе Лютера? Оно обнимало главнымъ образомъ два пункта: во-1-хъ, оно выступало противъ того ученія, на которомъ покоилась католическая іерархія, именно, будто бы развитіе божественныхъ идей лежитъ непосредственно въ рѣшеніи папъ и постановленіяхъ соборовъ. Въ противность этому Лютеръ утверждалъ, что іерархія уклонилась отъ Священнаго Писанія; во-2-хъ, Лютеръ хотѣлъ оставить неприкосновеннымъ все, что соединимо съ Библіей, даже не возставалъ безусловно противъ традиціи; еще менѣе имѣлъ онъ въ виду вводить новую религію, которую онъ силою разума могъ бы создать самъ изъ божественнаго первоисточника. Лютеръ по природѣ своей вообще былъ реформаторомъ *); онъ былъ далекъ отъ мысли дать мѣсто республиканскому началу въ церкви; онъ не хотѣлъ реализировать Библію, а только уничтожить противорѣчіе съ Библіей.

Онъ и Меланхтонъ сообща создали новое ученіе, которое довольно тѣсно примыкало къ католицизму. Моментомъ, когда католицизмъ и протестантизмъ совпадали, было составленіе аугсбургскаго вѣроисповѣданія; здѣсь обѣ партіи были такъ близки другъ къ другу, какъ

*) Лютеру и въ голову не приходило съ начала основывать церковь; такому толкованію своего дѣла онъ всегда противился. Онъ говорилъ также, что хотѣлъ бы составить церковь изъ всѣхъ вѣрующихъ, но что онъ не находитъ христіанъ. Такъ онъ и остался при убѣжденіи, что церковь есть религіозный институтъ, дѣйствующій свыше.

никогда больше; только въ вопросѣ объ евхаристіи партіи держались различнаго мнѣнія. Мало того, папа Климентъ VII въ 1532 году былъ даже очень склоненъ принять аугсбургское исповѣданіе; онъ представилъ его римскимъ богословамъ, которые объявили, что кое-что въ немъ правильно. кое съ чѣмъ можно было бы согласиться, еще кое о чемъ можно всетаки говорить, хотя оно и стоитъ въ противорѣчіи съ католическимъ ученіемъ. Итакъ, въ этой начальной постановкѣ дѣла вовсе не заключалось неизбѣжной необходимости для раскола. Я вовсе не хочу утверждать, что требованія протестантовъ были совершенны; однако, самое дѣло, именно выставленіе противоположной догмы и противоположнаго глубоко христіанскаго религіознаго убѣжденія, — самое это дѣло было въ высшей степени необходимо, и это сдѣлано было такъ умѣренно и разумно, что съ этихъ поръ ничего не было столь податливаго и столь близкаго къ католичеству, какъ аугсбургское исповѣданіе.

Итакъ, вкратцѣ ученіе Лютера было, во-1-хъ, протестомъ противъ іерархической системы; во-2-хъ, протестомъ противъ всѣхъ формъ и служеній, развившихся за послѣднія столѣтія и противорѣчившихъ, по мнѣнію Лютера, Священному Писанію.

Крупнымъ фактомъ является то, что это ученіе не только было провозглашено, но и при самомъ своемъ возникновеніи настолько слилось съ государственнымъ принципомъ въ Германіи, что разрывъ становился уже болѣе невозможнымъ. Ученіе съ самаго начала высказалось противъ монашескихъ обѣтовъ; небольшіе монастыри были конфискованы, и германскіе территоріальные князья получили нѣкоторую силу, примкнувъ къ новому ученію.

Вырожденіемъ Лютерова ученія былъ анабаптизмъ, враждебный мірской власти. Но Лютеръ изо всѣхъ силъ противился этому ученію, и вслѣдствіе этого государство до нѣкоторой степени опиралось на Лютера; ибо до этого времени не было еще ученаго, который бы

такъ отчетливо и свободно, безъ всякой духовной примѣси, выразилъ идею верховной власти, какъ это сдѣлалъ Лютеръ. Этимъ онъ далъ новое основаніе для развитія мірского начала.

Первую крупную борьбу новому ученію пришлось выдержать съ крупнѣйшимъ и умнѣйшимъ государемъ того времени, именно съ императоромъ Карломъ V-мъ, который, впрочемъ, тоже лелѣялъ мысль произвести реформу правительственнымъ путемъ и съ помощью протестантовъ обновить императорскую власть; но такъ какъ протестантизмъ представлялъ собою сословный принципъ, то Карлъ перессорился съ германскими князьями, и дѣло дошло до борьбы между обѣими сторонами, борьбы, въ которой императоръ въ концѣ концовъ чуть было не попалъ въ плѣнъ. Мысль императора направлена была къ возстановленію всемірной церковной имперіи, но для этого онъ не былъ достаточно силенъ. Новое ученіе, неблагосклонное къ этому плану, успѣло уже пустить слишкомъ глубокіе корни и нашло себѣ, особенно въ сѣв. Германіи, слишкомъ сильную поддержку для того, чтобы Карлъ могъ справиться съ этимъ движеніемъ.

Владѣя Индіей и имѣя къ своимъ услугамъ тамошнее золото и серебро, Карлъ былъ въ силахъ сдѣлать многое, но у него былъ и могущественный противникъ въ лицѣ Франциска I-го французскаго и его преемника Генриха II-го. Они не хотѣли господства императора въ Германіи. Такъ же мало хотѣлъ этого и папа, ибо онъ страшился сочетанія имперской и церковной идеи; ревностный папа Павелъ III, созвавшій Тридентскій соборъ, стоялъ даже за то, чтобы императоръ Карлъ не подавлялъ протестантовъ; точно также поступилъ и папа Юлій III-й. Всѣ эти элементы дѣйствовали сообща, чтобы дать протестантизму надежно утвердиться. Карлъ V-й долженъ былъ отказаться отъ Германіи, а его братъ Фердинандъ пошелъ на заключеніе религіознаго мира съ протестантскими сословіями (1555). Смыслъ этого мира былъ тотъ, что теперь протестантизмъ въ существую-

щемъ видѣ признанъ былъ въ Германской имперіи, и протестантскіе князья стали пользоваться въ имперіи тѣми же правами, что и католическіе. Такъ произошло то, что къ концу XVI вѣка Германія на $^9/_{10}$ стала протестантской страной, и протестантизмъ нашелъ доступъ даже въ Баварію и Австрію. Въ Австріи Максимиліанъ II, одинъ изъ крупнѣйшихъ германскихъ императоровъ новаго времени, человѣкъ тонкаго ума и большой мягкости, въ душѣ склонялся къ протестантизму, и австрійскія наслѣдственныя земли цѣликомъ обратились въ протестантизмъ. Даже во владѣніяхъ духовныхъ князей значительное большинство предано было лютеранскому исповѣданію. Но дворянство еще держалось католичества, ибо въ его рукахъ находились капитулы и монастыри.

Теперь протестантскій элементъ проникъ и въ остальныя страны. Данія и Швеція стали совершенно протестантскими; земля нѣмецкаго ордена Пруссія была страннымъ образомъ одною изъ первыхъ, перешедшихъ къ новому ученію; въ Польшѣ и въ Венгріи лютеранство также нашло себѣ почву. Между тѣмъ возникла еще другая форма протестантизма, именно кальвинизмъ, который гораздо больше лютеранства отклоняется отъ традиціи и который принялъ въ себя также больше республиканскихъ принциповъ, такъ какъ его средоточіемъ была Женева; его цѣлью было создать соотвѣтствовавшее первымъ вѣкамъ нашей эры христіанство. Эта французская форма протестантизма распространилась главнымъ образомъ въ Нидерландахъ, Англіи и Франціи.

Въ Англіи новое ученіе совершенно срослось съ идеей роялизма и государства. Затѣмъ явился кальвинизмъ въ видѣ момента догматическаго и придалъ извѣстную устойчивость уже принятой въ Англіи схизмѣ. Въ Шотландіи кальвинизмъ съ своими республиканскими симпатіями имѣлъ всего болѣе успѣха, да и во Франціи гугеноты скоро образовали могущественную партію. Если бы протестантизмъ одержалъ верхъ въ этой послѣдней странѣ, то онъ властвовалъ бы надъ всѣмъ міромъ. Пото-

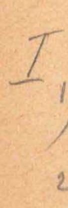
му-то и представляетъ такой высокій интересъ борьба, которую Екатеринѣ Медичи и ея приверженцамъ пришлось вести съ вождями гугенотовъ. Сверхъ того протестантизмъ въ то время сильно былъ распространенъ также и въ Италіи и Испаніи, такъ что теперь можетъ быть поставленъ вопросъ, было ли бы желательно для Европы, чтобы протестантизмъ сталъ вполнѣ господствующимъ.

Мнѣ не хотѣлось бы отвѣчать на этотъ вопросъ безусловно утвердительно. Для Германіи, во всякомъ случаѣ, было бы лучше всего, если бы одна и та же религія господствовала во всѣхъ германскихъ государствахъ и могло бы сохраниться единство имперіи, къ чему и клонилось дѣло. Удивительнымъ въ XVI в. было то, что протестанты не хотѣли устранить іерархію, но имѣли въ виду оставить ее подъ формой свѣтскихъ избирательныхъ княжествъ, изъявъ изъ ея сферы только духовныя полномочія. Этотъ способъ секуляризаціи поддержалъ бы государсвенное единство, если бы протестантизмъ совершенно овладѣлъ Германіей, какъ онъ овладѣлъ Англіей. Этимъ были бы устранены тридцатилѣтняя война и безконечное кровопролитіе.

Шестнадцатая лекція.

(11-го октября 1854 г.).

Если спросятъ, почему протестантизмъ не одержалъ полной побѣды, то прежде всего на это придется возразить, что уже въ самой догматической его постановкѣ есть моментъ, который дѣлалъ всеобщее его распространеніе невозможнымъ; ибо ученіе съ самаго начала раздѣлилось на нѣсколько партій, которыя противодѣйствовали другъ другу. Сюда присоединяется еще и то, что съ полнѣйшимъ устраненіемъ изъ богослуженія части, дѣйствующей на воображеніе, изъ обряда исчезло нѣчто такое, что, можетъ быть, заслуживало сохраненія. Наконецъ, можно сказать, что



протестантизмъ, возникши въ Швейцаріи и Германіи, повидимому гораздо менѣе подходитъ южнымъ націямъ, вообще странамъ менѣе культурнымъ. Другой вопросъ, и на него мы можемъ отвѣтить съ большею опредѣленностью, слѣдующій: если уже въ самомъ протестантизмѣ заключались моменты, которые дѣлали полнѣйшую побѣду можетъ быть невозможной, да даже и несовсѣмъ желательной, то не способствовали ли еще и внѣшнія обстоятельства тому, что онъ не достигъ полнаго господства? Этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что внѣшніе элементы, съ которыми пришлось бороться протестантизму, были настолько сильны, что его побѣда была почти невозможной. Элементы, боровшіеся противъ него, прежде всего были свѣтскіе. Наибольшее сопротивленіе протестантизмъ встрѣтилъ со стороны испанскихъ королей. Въ Испаніи королевская власть основывалась на тѣснѣйшей связи съ іерархіей; мало того, всѣ житейскія отношенія были проникнуты іерархическими принципами; то же направленіе господствовало въ Неаполѣ и Сициліи. А это были какъ разъ міровыя державы, владѣвшія въ то время наибольшимъ количествомъ денегъ: рудники Потози давали при Филиппѣ II очень высокій доходъ. Такъ какъ въ то время господствовала система вербовки войскъ и много значило, кто можетъ оплачивать наибольшее количество солдатъ, то Испанія со своей „солдатеской“ (пѣхотой) получила перевѣсъ надъ всякой другой милиціей въ мірѣ. Это войско закалялось главнымъ образомъ въ испанскихъ войнахъ противъ Франціи, и его знаменитѣйшими вождями были Гонзальво Кордовскій, Лейва, Альба, Фарнезе, Спинола *). Такимъ образомъ для протестантизма чрезвычайно опаснымъ обстоятельствомъ было именно то, что здѣсь господствовалъ государь, католикъ по убѣжденію и по своимъ стремленіямъ, который притомъ одинъ изъ

*) Испанцы славились своимъ умѣньемъ штурмовать крѣпости, нѣмцы—лучшею пѣхотою, а итальянцы—лучшими полководцами.

всѣхъ европейскихъ государей былъ въ состоянiи содержать могучую армiю и платить субсидiи.

Вторая враждебная сила, выступившая противъ протестантизма, сосредоточивалась въ городѣ Парижѣ. Въ то время какъ этотъ городъ прiобрѣлъ громадную силу и влiянiе вслѣдствiе развитiя французской монархiи, возвысилась и Сорбонна, университетъ, завѣдывавшiй назначенiями на всѣ духовныя мѣста и строже всѣхъ державшiйся католическаго ученiя. Сорбонна и увидѣла въ надвигавшемся протестантизмѣ естественнаго противника и всѣми средствами стремилась къ его уничтоженiю.

Третiй враждебный элементъ протестантизмъ встрѣтилъ въ приспособляемости католическаго ученiя. Лютеръ напалъ на такой пунктъ ученiя, который не былъ еще вполнѣ разрѣшенъ, но который всетаки волновалъ цѣлое столѣтiе, именно на ученiе объ оправданiи вѣрою. Католическая партiя высказывалась за необходимость разрѣшенiя спорнаго вопроса соборомъ, и вотъ состоялся Тридентскiй соборъ, который и рѣшилъ поднятые протестантизмомъ вопросы въ такомъ смыслѣ, что система католической церки снова приведена была въ согласiе съ Священнымъ Писанiемъ, и позднѣйшiй католицизмъ подвергся значительному влiянiю протестантской догмы въ томъ отношенiи, что онъ, хотя и возставалъ противъ протестантизма, однако поступалъ совершенно такимъ же образомъ, какъ послѣднiй *).

Если католическая догма этимъ показала большую гибкость и приняла формы, какихъ требовало время, то съ другой стороны и iерархiя обнаружила необычайную устойчивость; она нашла даже новую опору въ iезуитахъ, которыхъ можно разсматривать какъ четвертую враждебную протестантамъ силу. Въ тѣ времена съ

*) Знаменитый католическiй богословъ Мелеръ въ этомъ отношенiи крайне несправедливъ къ протестантизму, принимая въ своей защитѣ католической догмы, что установленiе основныхъ положенiй вѣры, какъ они утверждены были Тридентскимъ соборомъ, состоялось уже раньше, чего во всякомъ случаѣ не было.

именемъ папы соединялось старое іерархическое уваженіе, которое въ то время было гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь, и выраженіемъ этого уваженія явились новые ордена. Когда папство подверглось нападкамъ, въ защиту его образовался союзъ монаховъ въ противовѣсъ протестантизму; для распространенія своихъ ученій этотъ союзъ пользовался, однако, тѣми же средствами, что и протестанты, именно проповѣдью и преподаваніемъ. Эти іезуиты сдѣлали многое и въ ученой области, хотя и сильно отставали въ истинной свободѣ изслѣдованія и дѣйствительной геніальности.

И сами папы стали больше сдерживаться въ своей частной и общественной жизни; они жили проще и строже и тратили доходы, получаемые ими съ католическихъ странъ, уже не на личныя предпріятія, а на войны, которыя велись для поддержанія католической религіи. Такимъ образомъ созрѣла очень сильная оппозиція противъ наступавшаго протестантизма, такъ что враждебная реформаціи партія могла помышлять объ окончательномъ подавленіи всего дѣла; въ результатѣ— борьба, совершенно поглощающая вторую половину XVI-го и первую половину XVII-го вѣка. Такъ дѣло дошло до кровавыхъ религіозныхъ войнъ этого періода; ихъ было главнымъ образомъ двѣ: нидерландско-французская и тридцатилѣтняя.

Нидерландско-французская война получила свое начало изъ возстанія Нидерландовъ противъ Филиппа II-го испанскаго. Главной причиной, возбудившей сопротивленіе этихъ провинцій, были не споры изъ-за десятины или изъ-за нѣкоторыхъ налоговъ, а религія. Нидерландцы во время возстанія получали поддержку отъ Франціи и Англіи, которымъ повсюду распространявшееся испанское могущество давно уже мозолило глаза. Тогда Филиппъ II вознамѣрился разомъ напасть на всѣхъ трехъ своихъ противниковъ. Съ этою цѣлью онъ отправилъ Александра Фарнезе въ Нидерланды, чтобы сильной рукой удержать валлонскія провинціи и оттуда уже дальше наступать на враговъ. Послѣ того какъ принцъ

Оранскій былъ казненъ, католическій принципъ снова восторжествовалъ, и утвердившійся вновь испанскій элементъ теперь съ силою проникалъ въ бельгійскія провинціи.

Теперь-то, думалъ Филиппъ, насталъ настоящій моментъ напасть на Францію, гдѣ могущественная партія Гизовъ враждебно была настроена противъ короля, который не былъ такимъ строгимъ католикомъ, какъ это нужно было Гизамъ. Точно также Филиппъ испанскій хотѣлъ приняться и за могущественную Англію, причемъ онъ разсчитывалъ на помощь англійскихъ католиковъ и партіи Стюартовъ. Съ этой цѣлью онъ въ 1588 году сдѣлалъ знаменитую попытку съ армадой, но попытка окончилась несчастливо.

Сопротивленіе, встрѣченное Филиппомъ въ его намѣреніи покорить себѣ эти три страны, являлось не столько результатомъ усилій нѣмецкихъ князей, сколько послѣдствіемъ 1) твердости королевы англійской Елизаветы; 2) возвышенія Генриха IV Наваррскаго; 3) развитія англійскаго морского могущества.

Генрихъ IV былъ „гугенотъ“, какъ называли во Франціи протестантовъ; его мать и бабка были рѣшительно протестантами; его страна—Наварра наполовину была французскою, наполовину испанскою; его мать Іоанна обратила свою страну въ протестанство, и сынъ ея Генрихъ сражался во главѣ французскихъ гугенотовъ. Но впослѣдствіи онъ былъ принужденъ для достиженія французскаго престола обратиться въ католичество. Несмотря на это, ревностные приверженцы католицизма и слышать объ немъ не хотѣли и имъ удалось устроить собраніе государственныхъ чиновъ, на которомъ они выказали довольно сильное стремленіе провозгласить королевой одну испанскую принцессу. Наряду съ этой строго католической партіей и гугенотами существовала, однако, умѣренная католическая партія. Генрихъ IV, какъ уже выше было упомянуто, перешелъ въ католицизмъ, однако, при всемъ томъ, былъ очень умѣреннымъ и постоянно склоннымъ оказывать защиту сво-

имъ прежнимъ единовѣрцамъ. Его природный противникъ, Филиппъ II испанскій, принужденъ былъ заключить миръ и съ нимъ, Генрихомъ, когда англичане отняли у Филиппа Кадиксъ. Въ концѣ концовъ его преемникъ долженъ былъ признать независимость Нидерландовъ.

Вторая крупная война была нѣмецкая тридцатилѣтняя. Въ Германіи, какъ мы уже видѣли, протестантизмъ получилъ широкое распространеніе; но послѣ того какъ состоялся Тридентскій соборъ, и Испанцы одержали перевѣсъ въ Нидерландахъ, германскіе князья, духовные по преимуществу, рѣшили подавить протестантизмъ въ своихъ владѣніяхъ. На этомъ настаивалъ и папа Сикстъ V, и духовные князья начали повсюду проводить контрреформацію. Первымъ шагомъ ихъ былъ тотъ, что они не давали у себя должностей дворянамъ протестантскаго вѣроисповѣданія, — это понудило многихъ протестантовъ снова обратиться къ католической вѣрѣ; далѣе они не допускали протестантовъ въ совѣтъ своего города. Тѣ же противореформаціонныя стремленія обнаружились и въ Австріи, которая въ большей своей части стала уже протестантской страной, и гдѣ католическая религія теперь снова вводилась съ величайшей энергіей и насиліемъ. Теперь спорнымъ являлся уже вопросъ о государственномъ устройствѣ, послѣ того какъ благодаря религіозному миру установлена была законнымъ порядкомъ извѣстная равномѣрность между обоими исповѣданіями. Противъ этого возстали іезуиты и объявили, что религіозный миръ не связываетъ. Императорская и имперская власть, можно сказать, были сведены на нѣтъ, и потому чины пытались добиться своихъ правъ путемъ союзовъ (Унія и Лига). Ежеминутно можно было ждать начала войны въ Германіи.

Первый поводъ къ тому обнаружился въ Богеміи, гдѣ императоръ Матіасъ хотѣлъ отнять у протестантскихъ чиновъ уступки, дарованныя имъ и засвидѣтельствованныя королевскими граматами и иными способами. Но богемцы вспомнили теперь, что еще немного

времени тому назадъ они составляли независимое государство, и что австрійскій домъ господствуетъ надъ ними очень недавно. Они объявили, что ихъ договоръ съ императоромъ Фердинандомъ расторгнутъ, и считали себя совершенно въ правѣ избрать другого государя. Вмѣстѣ съ остальными протестантскими князьями они обратили свои взоры на Фридриха Пфальцскаго, который былъ женатъ на дочери короля Іакова I англійскаго. Все находилось въ величайшемъ волненіи, когда богемцы предложили корону Фридриху. Послѣ продолжительнаго колебанія онъ ее принялъ, ибо полагалъ, что существуетъ крупная европейская комбинація, на которую можно опереться.

На дѣлѣ было далеко не такъ; даже сами протестанты поддерживали его не энергично, и потому курфюрсту баварскому Максимиліану I, который умѣлъ осуществлять всѣ свои планы, удалось послѣ битвы при Бѣлой Горѣ свергнуть новоизбраннаго императора и принудить его къ бѣгству. Послѣ этого Австрія начала изо всѣхъ силъ проводить въ Богеміи обратную реформу, и такимъ образомъ католицизмъ сталъ одерживать верхъ въ Германіи и распространяться часъ отъ часу сильнѣе. Императоръ передалъ курфюршество Пфальцское Баваріи и этимъ совершенно привязалъ ее къ себѣ. Могущество Баваріи въ то время покоилось на томъ, что Максимиліанъ окруженъ былъ нѣсколькими духовными государями, которые повиновались ему. Такъ мало-по-малу совершенно покорена была верхняя Германія, затѣмъ Пфальцъ; послѣ этого театръ войны перенесенъ былъ въ нижнюю Германію; датскій король, пришедшій на помощь протестантамъ, былъ разбитъ; австрійцы собрали войско подъ начальствомъ Валленштейна, герцогъ мекленбургскій вынужденъ былъ бѣжать, и тогда-то серьезно стали готовиться къ возстановленію католицизма въ сѣв. Германіи. Съ этой цѣлью задумали было вернуть церкви цѣликомъ прежнія духовныя владѣнія. Для этого изданъ былъ эдиктъ „о возстановленіи“, который вызвалъ на цѣлыя столѣтія расколъ между сѣ-

верной и южной Германіей. Населеніе сѣв. Германіи сознавало, что его религія обречена на гибель, и надо было ожидать побѣды католической реставраціи, если бы не вступила въ дѣло новая европейская комбинація.

Именно, Австрія находилась въ то же время въ связи съ Испаніей, и вотъ французы не хотѣли допустить широкаго развитія этого испанско-австрійскаго могущества. Кардиналъ Ришелье, боровшійся съ гугенотами во Франціи, пытался поддержать протестантизмъ въ Германіи, вступилъ въ договоръ съ шведскимъ королемъ и пригласилъ его явиться въ Германію, причемъ самъ помогалъ ему деньгами. Шведскій король Густавъ Адольфъ, которому въ собственномъ государствѣ угрожала сильная католическая партія, переправился въ Германію, сбилъ съ позиціи Тилли, послѣ того какъ Валленштейнъ очутился уже во враждѣ съ германскими князьями, и снова измѣнилъ все, что успѣли сдѣлать въ сѣв. Германіи въ противуреформаціонномъ духѣ. Впрочемъ, сами сѣверные германскіе князья принимали Густава Адольфа безъ большой охоты, но это не помѣшало великому государю пробраться до Мюнхена. Правда, Австрія снова отправила въ походъ Валленштейна, и Густавъ Адольфъ былъ убитъ, однако ни та, ни другая партія не оказалась настолько сильной, чтобы добиться рѣшительнаго перевѣса надъ своимъ противникомъ.

Такимъ образомъ кровопролитіе въ Германіи сдѣлалось ужаснымъ, и изъ-за вопроса о томъ, имѣть ли римской іерархіи вліяніе въ Германіи, изъ-за нѣсколькихъ незначительныхъ догматическихъ разногласій, культура Германіи подвергалась уничтоженію; а эта культура достигла было значительнаго развитія: культура XIV и XV вѣковъ продолжала развиваться въ XVI и XVII. Только въ 1648 году окончена была эта опустошительная война; результатомъ ея было лишь то, что Германія потеряла цвѣтущія провинціи и вмѣсто нихъ ей осталась лишь пустынная страна. Лучшій результатъ этой продолжительной войны выпалъ на долю Франціи, получившей Альзасъ, Брейзахъ, Филиппсбургъ и т. д.;

въ то же время шведы утвердились на Балтійскомъ морѣ. Главная причина бѣдствія заключалась въ томъ, что религіозный миръ не былъ признанъ императоромъ, а фанатизмъ настолько владѣлъ умами, что люди видѣли заслугу передъ Господомъ во взаимномъ избіеніи. Такъ стряслось надъ нами великое національное несчастіе, отъ котораго мы съ съ 1648 года понемногу успѣли оправиться. Шведовъ мы благополучно выжили изъ Германіи; Альзасъ, правда, еще находится въ рукахъ французовъ.

Въ общемъ результатъ этой борьбы всетаки былъ тотъ, что протестантизмъ не могъ быть подчиненъ. Западный міръ съ тѣхъ поръ раздѣлился на двѣ партіи. Тѣмъ не менѣе онъ все еще оставался единымъ, какъ дерево, разрастающееся на два ствола; только это единство теперь основывалось уже больше не на папствѣ, а на общности учрежденій и культуры и на взаимодѣйствіи романо-германскихъ націй. Область послѣднихъ до извѣстной степени расширилась, такъ какъ западная культура стала оказывать крупное вліяніе на Россію. Въ новѣйшее же время даже и различіе исповѣданій не раздѣляетъ другъ отъ друга западно-европейскіе народы; и особенно въ Германіи стремленіе смягчить различіе исповѣданій увѣнчалось успѣхомъ.

Изъ разговора по поводу прочитаннаго.

Сужденіе о курфюрстѣ Максимиліанѣ I: главная точка зрѣнія этого государя была невѣрна, даже не соотвѣтствовала баварскимъ интересамъ. Его миссіей вовсе не было распространеніе католицизма, какъ онъ думалъ. Его побочная цѣль—ослабить боковую линію своего дома—было крайне мелочна. Если бы Максимиліанъ соединился съ Фридрихомъ Пфальцскимъ, то, вѣроятно, династія Виттельсбаховъ возвысилась бы. Но онъ слишкомъ слушался іезуитовъ, и голова его всегда занята была приключеніями. Что было ему въ пріобрѣтеніи верхняго Пфальца, который и безъ того уже принадлежалъ его

дому? Рейнскаго Пфальца онъ всетаки не добился. Присоединись онъ къ Фридриху Пфальцскому, а это онъ могъ сдѣлать, не становясь протестантомъ,—Австрія не пріобрѣла бы такого чрезмѣрнаго могущества.

Семнадцатая лекція.

(12-го октября 1854 г.).

§ 7.

Эпоха возникновенія и развитія великихъ державъ.

(XVII и XVIII столѣтія).

Литература въ XVI и даже еще въ началѣ XVII вѣка носила сильно богословскую окраску. Не было другой эпохи, когда догма и вообще церковныя институціи такъ тѣсно сплетались съ государствомъ, какъ именно тогда. Принципъ церкви сдѣлался преобладающимъ въ каждомъ государствѣ; ибо, хотя значительное число государствъ порвало связи съ римскимъ престоломъ, за то каждое изъ нихъ съ величайшей ревностью привязывалось къ своему собственному исповѣданію, которое и становилось для него закономъ. Такъ жизнь и литература получили совершенно церковный отпечатокъ.

Во второй половинѣ XVII столѣтія это измѣнилось. Стали больше обращаться къ тенденціи XV столѣтія, именно къ философіи и естественнымъ наукамъ, которыя оттѣснены были на задній планъ богословскими спорами *). Однимъ словомъ, человѣческій духъ снова принялъ направленіе, болѣе отклоняющееся отъ богословія, болѣе свободный и безусловный взглядъ на сущность вещей. Нѣчто подобное произошло и внутри государствъ, которыя посреди крупныхъ религіозныхъ

---

*) Еще въ XVII вѣкѣ папой былъ осужденъ Галилей за то, что преподавалъ систему Коперника.

столкновеній возрождались изъ самихъ себя, послѣ того какъ было замѣчено, что подавить протестантовъ невозможно. Вообще, послѣ того какъ религіозная сторона выработалась до извѣстной степени, человѣческія силы начали двигаться больше въ сторону государства, въ связи съ свѣтскимъ направленіемъ, которое приняли науки вообще.

Изъ государствъ, прежде боровшихся другъ съ другомъ, главнѣйшимъ была Испанія. Это государство поставило главною цѣлью своихъ стремленій развитіе и поддержаніе католицизма, и весьма удивительно то явленіе, какъ старая Испанія мало-по-малу распадается сама собой, послѣ того какъ основное ея стремленіе потерпѣло неудачу. Во второй половинѣ XVII вѣка Испанія вовсе обезсилѣла, а та часть огромной испанской монархіи, которая съ такими огромными усиліями оторвалась отъ господствующей страны, именно Голландія, стала гораздо могущественнѣе старой монархіи потому, что сдѣлала меркантильныя и торговыя стремленія главнымъ моментомъ своей государственной жизни. Мы видѣли, правда, какъ и для Испаніи громадное значеніе имѣло обладаніе Америкой; но промышленность, равно и торговля не были дѣломъ испанцевъ; они предоставляли это другимъ.

Въ этомъ-то дѣлѣ голландцы и заняли ихъ мѣсто. Небольшая страна, состоявшая всего изъ немногихъ провинцій, расположенныхъ сносно, но во всякомъ случаѣ не черезчуръ выгодно въ торговомъ отношеніи, сразу заняла блестящее и значительное положеніе въ европейскомъ совѣтѣ. Судьбѣ угодно было, чтобы здѣсь сосредоточилась вся міровая торговля. Голландцы захватили въ свои руки все мореплаваніе, они заняли мѣсто португальцевъ въ Остъ-Индіи, плавали на крайній сѣверъ на ловлю сельдей и китовъ; они же открыли и Новую Голландію. До этого времени индійскія пряности шли черезъ Египетъ; теперь голландцы везли ихъ кругомъ Африки, черезъ Гибралтарскій проливъ въ Средиземное море и въ Египетъ.

Неизмѣримыя богатства, наживаемыя путемъ торговли, голландцы тратили на укрѣпленіе своей страны и на свои политическія цѣли. Однако весьма любопытно, что Голландія не надолго могла быть призвана къ руководящей міровой роли, такъ какъ ей для этого не хватало существеннаго условія, именно обширной территоріи.

Измѣненіе общаго направленія, такимъ образомъ, какъ уже было замѣчено, сказалось въ томъ, что испанская монархія, несмотря на всю свою величину, всетаки должна была отступить передъ небольшой провинціей, отъ нея же отпавшей. Всѣ силы Испаніи, особенно литература во второй половинѣ XVII столѣтія, получили богословское направленіе; не достигнувъ своей цѣли, онѣ перестали быть дѣятельными. Напротивъ, Голландія, впервые представившая собой стремленія новаго времени, получила величайшее значеніе на міровой сценѣ. Уже изъ этого противупоставленія мы видимъ, что пробудились новыя вѣянія, направленныя къ тому, чтобы развивать могущество отдѣльныхъ государствъ на данной исторической основѣ. Тутъ-то и выступаетъ прежде всего, во второй половинѣ XVII вѣка, та великая держава, которой должна была уступить Испанія,— именно Франція.

Франція развила монархію такъ, какъ этого никогда еще не было въ Европѣ. Правда, уже Капетинги дѣлали къ тому попытки, но только въ этомъ столѣтіи могущество королевской власти достигло высшаго своего расцвѣта. По религіи Франція оставалась католической; но разница между французскимъ и испанскимъ католицизмомъ та, что Франція была католической только изнутри, да и то *пока* терпимо относилась къ протестантамъ, за то во внѣшней политикѣ протестантизмъ многократно получалъ даже отъ нея поддержку. Идея французской монархіи, возникшая уже въ предшествовавшіе вѣка, теперь во время 30-ти-лѣтней войны получила могущественное осуществленіе благодаря тому, что во главѣ государства очутился человѣкъ, ко-

тораго можно считать главнѣйшимъ основателемъ монархіи, если и не въ Европѣ, то по крайней мѣрѣ во Франціи. Въ то время правилъ Людовикъ XIII, государь, который предавался больше механическимъ военнымъ упражненіямъ и, хотя имѣлъ высокое представленіе о принадлежавшей ему власти, не былъ способенъ лично пріобрѣсти ее и удержать за собой, а передалъ ее своему первому министру, кардиналу Ришелье. Ришелье и создалъ идею королевской власти, въ которой онъ видѣлъ божественное установленіе. Онъ примѣнялъ понятіе „Божіею милостію" въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и съ извѣстной богословской строгостью, и подвергалъ уничтоженію все, что только подходило слишкомъ близко къ королевской власти или противорѣчило ей.

Когда вспыхнула 30-тилѣтняя война, Ришелье, подобно прежнимъ королямъ, обратилъ свои нападенія на Австрію; а чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ, онъ соединился съ протестантами въ Германіи, и не только съ ними одними, но и съ англичанами. Во Франціи же, напротивъ, ему удалось уничтожить протестантизмъ, какъ политическую силу, чѣмъ протестанты остальныхъ государствъ, даже и Англіи съ Голландіей, оставались весьма довольны, ибо, не усилься во Франціи королевская власть (а это было невозможно до тѣхъ поръ, пока гугеноты имѣли еще въ странѣ свои собственныя укрѣпленія), Франція не могла бы помогать имъ. Здѣсь видно, какъ измѣнились времена: протестанты изъ политическихъ соображеній допускали притѣсненіе своихъ единовѣрцевъ, такъ какъ протестантскому міру въ эту минуту нужна была сильная Франція противъ испанско-католическаго преобладанія.

Ришелье обладалъ той удачей, которую имѣли всѣ великіе люди,—ему удавалось путемъ непосредственнаго чутья схватывать въ многознаменательной эпохѣ тѣ моменты, которые были необходимы для проведенія его плана. Онъ же создалъ и французскую литературу въ ея характеристическомъ образѣ, — онъ основалъ фран-

цузскую академію, которая сначала состояла изъ протестантовъ и католиковъ.

Именно, нѣсколько частныхъ лицъ собирались вмѣстѣ, занимались въ своихъ кругахъ литературой, читали другъ другу свои работы, стремились правильно писать и говорить на родномъ языкѣ, который находился въ состояніи роста, и т. д. Ришелье, самъ прекрасно писавшій на французскомъ языкѣ, услыхалъ объ этомъ и превратилъ въ національное учрежденіе то, что до этого времени имѣло лишь случайное существованіе. Ришелье собиралъ вокругъ себя и поэтовъ; Корнель въ одномъ изъ своихъ произведеній говоритъ, положимъ, съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, что онъ обязанъ Ришелье всѣмъ. Содержа въ своемъ дворцѣ собственный театръ, куда допускался широкій кругъ придворной публики, кардиналъ оказалъ существенное содѣйствіе развитію французскаго сценическаго искусства.

Власть, созданную во Франціи кардиналомъ Ришелье, продолжалъ развивать Мазарини, питомецъ Ришелье, человѣкъ выдающихся дипломатическихъ способностей, догматикъ власти, сумѣвшій, благодаря своей ловкости, сдѣлать Людовика XIV настоящимъ французскимъ королемъ. Для Германіи онъ былъ, однако, въ высшей степени опасенъ и вреденъ, ибо онъ устроилъ Вестфальскій миръ, по которому Германія утратила нѣсколько провинцій. Дѣло его рукъ и Пиренейскій миръ, по которому испанцы должны были оставить укрѣпленную свою позицію на нижнемъ Рейнѣ. Относительно Ришелье остается сомнительнымъ, были ли у него планы расширенія границъ Франціи, но что Мазарини и руководимая имъ французская королева преслѣдовали эту мысль, которую потомъ и привели въ исполненіе,—это не подлежитъ сомнѣнію.

Пиренейскій миръ, помимо расширенія французскаго могущества, принесъ и другіе результаты. По этому миру Филиппъ IV, король испанскій, согласился выдать свою дочь Терезу за короля французскаго; это бракъ

всемірно-историческій, ибо хотя Филиппъ и имѣлъ сына, по имени Карла, однако послѣдній былъ весьма несчастнымъ созданіемъ, умеръ въ раннемъ возрастѣ и не оставилъ послѣ себя наслѣдниковъ. Тогда французскій король заявилъ притязанія на Испанію, какъ на свое наслѣдство, и потому-то до нашихъ дней испанскіе короли родомъ Бурбоны, такъ какъ Людовикъ XIV посадилъ на испанскій престолъ своего внука, дѣти котораго и властвовали не надъ одной только Испаніей, а и надъ Неаполемъ.

Когда Мазарини умеръ, Людовикъ XIV сталъ вполнѣ самодержавнымъ, ибо до этого времени министръ былъ королемъ, а король лишь придворнымъ своего министра, такъ что король, прежде чѣмъ идти къ Мазарини, справлялся каждый разъ, не слишкомъ ли тотъ занятъ; если отвѣтъ былъ утвердительный, то посѣщеніе откладывалось. Мазарини никогда не провожалъ также короля внизъ по лѣстницѣ.

Людовикъ XIV, какъ онъ ни великъ, является всетаки лишь продолжателемъ идей обоихъ министровъ, Ришелье и Мазарини. Первымъ самостоятельнымъ шагомъ Людовика было устройство новаго управленія, которое въ основѣ своей противорѣчило прежнему. Прежде всего Людовикъ принялъ въ министерство всѣхъ лицъ, работавшихъ вмѣстѣ съ Мазарини; среди нихъ значительнѣйшимъ былъ Кольберъ. У него впервые родилась мысль, что не надо предоставлять развитіе торговыхъ сношеній случайности или такимъ обстоятельствамъ, какимъ обязаны были этому развитію голландцы, а нужно, чтобы государство само взяло это дѣло въ свои руки и развивало его. Кольберъ и былъ родоначальникомъ запретительной или меркантильной системы, основанной на стремленіи не допускать на внутренніе рынки издѣлій и производствъ чужихъ народовъ, а напротивъ наводнять рынки другихъ государствъ своими продуктами.

Тѣ отрасли труда, которыя во Франціи не успѣли окончательно притти въ упадокъ, Кольберъ думалъ вли-

яніемъ сверху поднять на такую высоту, чтобы вся промышленность Европы сосредоточена была во Франціи *). Страннымъ образомъ это предпріятіе удалось, можетъ быть потому, что французы какъ разъ въ ремеслахъ обладаютъ талантомъ изобрѣтать то, что всѣмъ нравится; они уже и тогда вносили въ свои издѣлія тотъ духъ, который и понынѣ создаетъ моду.

Какъ разъ такимъ же образомъ поступалъ Кольберъ и съ торговыми компаніями, которыя возникли раньше изъ добровольнаго соединенія торговыхъ людей въ общества; Кольберъ и это дѣло взялъ въ руки государства; онъ приказывалъ чиновникамъ страны брать акціи и подносилъ ихъ королю въ доказательство почтенія. Гдѣ такой образъ дѣйствій не противорѣчилъ прямо природѣ вещей, онъ имѣлъ хорошій успѣхъ, напр. въ Остъ-Индіи, гдѣ французы имѣли крупныя колоніи; также въ Левантѣ, гдѣ французы забрали въ свои руки всю торговлю итальянцевъ.

Подобнымъ образомъ мало-по-малу преобразовано было все государство, реформированы были юстиція и военное дѣло **), создано было управленіе, которое проникало все. Короче, все сосредоточилось въ одной личности, такъ что знаменитое изреченіе „государство—это я"—здѣсь во всякомъ случаѣ имѣло смыслъ, такъ какъ развитіе государства дѣйствительно исходило отъ его главы. Своей организаціей финансоваго управленія Людовикъ XIV добился того, что имѣлъ всегда въ своемъ распоряженіи деньги, чего не было у его предшественниковъ; денежныя средства, между прочимъ, давали ему возможность производить огромныя постройки, которыя нисколько не вызывали обремененія населенія. Однимъ словомъ, его царствованіе — одно изъ самыхъ грандіозныхъ явленій. Его распоряженія не были дѣломъ одного насилія; народъ былъ ими очень доволенъ,

---

*) Систематическое проведеніе такихъ мѣръ поэтому и носило впослѣдствіи названіе кольбертизма.

**) Все наше военное устройство идетъ отъ Людовика XIV; онъ изобрѣлъ форму, отъ него происходятъ названія военныхъ чиновъ и т. д.

онъ самъ желалъ имѣть сильнаго короля, и если бы Людовикъ XIV не перешелъ мѣры, то онъ явился бы однимъ изъ крупнѣйшихъ людей всѣхъ временъ.

Теперь, думалъ онъ, настало время осуществить свои притязанія на Испанію и притомъ не потому только, что онъ хотѣлъ пріобрѣсти испанскія провинціи, а главнымъ образомъ съ точки зрѣнія огражденія Франціи границами, которыя онъ считалъ необходимыми. Ему казалось, что Парижъ слишкомъ близко находится отъ Голландіи; поэтому онъ стремился пріобрѣсти нѣсколько крѣпостей, чтобы укрѣпить сѣверную границу. Затѣмъ ему хотѣлось получить Лотарингію, и онъ получилъ ее. Наконецъ, онъ задумалъ пріобрѣсти и Франшконте, которымъ до сихъ поръ владѣли испанцы. Онъ не былъ, такимъ образомъ, завоевателелемъ à tort et à travers, а хотѣлъ, какъ уже сказано, добыть для своего государства крѣпкія границы и въ этомъ отношеніи онъ пріобрѣлъ себѣ неизмѣримыя заслуги передъ Франціей. Остальная же Европа нужна была ему лишь для того, чтобы побѣждать ее. Людовикъ добивался такого могущества, чтобы каждый переносилъ все, что бы онъ ни дѣлалъ, и этой цѣли онъ достигъ на довольно продолжительное время.

Онъ отнялъ у испанцевъ провинціи, какія хотѣлъ, онъ унизилъ значеніе Голландіи, а когда императоръ и имперія (въ союзѣ съ Испаніей) приняли сторону голландцевъ, онъ обратился и противъ нихъ, вступивъ въ союзъ со шведами. Благодаря этому ему открыта была дорога въ пограничныя имперскія владѣнія, и онъ въ мирное время врасплохъ захватилъ Страсбургъ. Дальше на основаніи имъ самимъ для себя созданнаго воображаемаго государственнаго права, въ силу котораго онъ объявилъ рейнскій Пфальцъ леннымъ владѣніемъ Франціи,—Людовикъ приступилъ къ тѣмъ знаменитымъ „возсоединеніямъ“, которыя запятнали навсегда въ исторіи его имя.

Такъ Людовикъ XIV властно орудовалъ въ цѣлой Европѣ. Въ этомъ-то и заключается огромная опасность

всякой чисто личной власти, которой никто не можетъ противиться: человѣкъ теряетъ способность держать самого себя въ уздѣ. И Людовикъ XIV не умѣлъ этого дѣлать, а шелъ туда, куда его влекли его интересы. Отсюда исходила и ужасная мѣра—отмѣна Нантскаго эдикта, — на которомъ покоилась религіозная свобода французскихъ протестантовъ; этимъ онъ удалилъ послѣднихъ изъ своего государства. Протестанты же все еще имѣли громное значеніе во Франціи; даже Ришелье съ религіозной точки зрѣнія относился терпимо къ нимъ, хотя и отнялъ у нихъ особыя политическія права; Людовикъ же думалъ, что ему надо быть вполнѣ католическимъ королемъ. Правда, католицизмъ онъ понималъ такъ: онъ безусловно принималъ догму католицизма, но духовенство должно было дѣйствовать такъ, какъ онъ того хотѣлъ. Изъ-за этого онъ вступилъ въ споръ съ папой и возстановилъ основанныя на постановленіяхъ Базельскаго собора галликанскія статьи, которыми объявлялась полнѣйшая независимость государства отъ римскаго престола. Впрочемъ, какъ уже было сказано, король стремился дать католическому ученію полное господство, и когда попытка добровольнаго обращенія протестантовъ не удалась, Людовикъ началъ дѣйствовать насиліемъ, и вотъ въ полной мѣрѣ стали примѣмѣняться драгонады. Многіе изъ протестантовъ нашли возможность эмигрировать, что было совершенно противъ намѣреній короля; они распространили французскую промышленность и въ другихъ странахъ и, куда ни проникали, всюду создавали самую дурную славу своему притѣснителю.

Послѣ различныхъ войнъ Людовику удалось достигнуть другой своей цѣли, именно ввести королемъ въ Испанію своего внука Филиппа V анжуйскаго, потомки котораго—графъ Монтемолэнъ—и понынѣ изъявляютъ свои притязанія на испанскій тронъ. Съ другой стороны отъ брата Людовика XIV происходили герцоги Орлеанскіе; сынъ этого брата и былъ пресловутый регентъ, правившій послѣ Людовика XIV.

Филиппъ V былъ женатъ на итальянкѣ Елизаветѣ Фарнезе, сынъ которой былъ герцогомъ Пармскимъ, а потомъ властителемъ Неаполя и Сицилiи. Въ то же время Лотарингiя стала наслѣдственной землей Австрiи по боковой линiи, и впослѣдствiи была промѣнена на Тоскану; а такъ какъ и Миланъ изъ испанскаго наслѣдства перешелъ въ австрiйское, то можно сказать, что Австрiя и Бурбоны до нѣкоторой степени подѣлили между собой господство въ Италiи. Вообще бурбонское владычество въ южной Европѣ было могущественнымъ элементомъ во всеобщей исторiи. Бурбоны стремились пустить въ дѣло испанскiй флотъ, и франко-испанская морская сила въ XVIII вѣкѣ, хотя и съ усилiями, могла противустоять Англiи. Въ то время морское преобладанiе было главнѣйшимъ предметомъ всеобщей борьбы, исходъ которой, правда, былъ тотъ, что вся франко-испанская морская сила была уничтожена.

Итакъ, вышеописаннымъ способомъ, благодаря Людовику XIV, Францiя превратилась въ удивительно-стройное цѣлое; это старое романо-германское государство, принявшее, однако, совершенно монархическую форму.

Изъ разговора по поводу прочитаннаго.

Людовикъ XIV былъ прекрасный дѣлецъ; онъ работалъ ежедневно въ своихъ совѣтахъ, которыхъ учредилъ нѣсколько: одинъ для финансовъ, другой для церковныхъ дѣлъ, третiй для юстицiи и т. д. Съ тремя министрами, главнымъ образомъ, онъ работалъ ежедневно: Кольберомъ, Лiонномъ и Летеллье; знаменитый военный министръ Лувуа былъ сыномъ Летеллье. Всѣ они были совершенно преданы королю и вообще были вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Когда же король работалъ въ какой-либо отрасли дѣлъ, напр., по дѣламъ юстицiи или финансовъ, то часто призывались къ дѣлу и другiе высшiе государственные чиновники. Сначала думали, что король неохотно будетъ заниматься дѣлами; но скоро онъ замѣтилъ, что дѣла ему удаются, началъ входить

во вкусъ и считалъ занятіе за удовольствіе. Исторіей и вообще литературой онъ занимался немного; за то о самовластіи и усердіи въ дѣлахъ имѣлъ прямо высокія представленія. Министры его безпрестанно ссорились другъ съ другомъ, и все общество раскололось на двѣ партіи — приверженцевъ Летеллье и Кольбера. Король постоянно стремился лишь къ тому, чтобы оставить за собой перевѣсъ и дѣлилъ свое довѣріе равномѣрно между всѣми. Что касается его отношеній къ m-me Мэнтенонъ, то, можетъ быть, они не были безнравственными. Его девизомъ было: „моя слава и благо Франціи“.— Правда, здѣсь есть что-то эгоистическое, но всетаки Людовикъ XIV былъ великимъ человѣкомъ.

Восемнадцатая лекція.

(Утромъ 13 окт. 1854 г.).

Мы разсмотримъ теперь происхожденіе, взаимное отношеніе и политическія особенности и остальныхъ великихъ державъ, образованіе которыхъ приходится на вторую половину XVII и первыя три четверти XVIII столѣтія. Основная тенденція этой эпохи является очень опредѣленной; она отличается отъ прежнихъ военно-монархическимъ направленіямъ.

Къ системѣ Людовика XIV примкнуло развитіе остальныхъ великихъ державъ. Англія была первою страною, достигшей прочнаго положенія въ борьбѣ съ притязаніями Людовика на всемірную монархію. Это укрѣпленіе исходило изъ основанія, совершенно противуположнаго Франціи. Французская основа — монархическая *); напротивъ, въ Англіи принципъ самоуправленія изстари былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ на континентѣ. Система

*) Людовикъ XIV имѣлъ о монархіи приблизительно то же представленіе, что и Шеллингъ, представленіе, по которому государь долженъ руководить государствомъ. Но при выполненіи этой идеи Людовикъ приступилъ къ дѣлу настолько односторонне, что причинилъ крупный вредъ дѣлу монархіи.

парламентаризма установилась въ XIII и XIV вѣкахъ гораздо прочнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Правда, въ различныхъ раздорахъ изъ-за короны, возникавшихъ между претендентами и примыкавшими къ нимъ партіями, парламентъ не могъ ставить своихъ рѣшеній; но онъ примыкалъ всегда къ партіи, одерживавшей верхъ, такъ что, напр., и Генрихъ VII изъ дома Тюдоровъ укрѣпился на тронѣ при помощи парламента.

Такъ и церковная реформа, въ сущности, осуществлена была дѣйствіями парламента, а не проповѣдью или общенароднымъ движеніемъ, какъ въ Германіи. Напротивъ, такое движеніе въ Англіи прямо-таки подавлялось, и проповѣдникамъ предписывалось, какъ надо проповѣдывать, такъ какъ народу не полагается отклоняться отъ опредѣленной религіи, пока король и парламентъ стоятъ за нее. Эти два фактора въ союзѣ со сплоченнымъ духовенствомъ и проводили шагъ за шагомъ реформу. Парламентъ не хотѣлъ больше признавать никакой силы, находящейся внѣ Англіи и оказывающей давленіе на нее, и, по соглашенію съ духовенствомъ, которое угрозами и обѣщаніями Генриха VIII большею частію привлечено было на его сторону, объявилъ короля главою церкви. Такъ произошло то, что во всемъ остальномъ весь церковный порядокъ продолжалъ существовать, несмотря на это измѣненіе; ибо сначала произошелъ лишь расколъ, а потомъ уже англиканская церковь сдѣлалась протестантской, причемъ сохранила всѣ свои учрежденія, за исключеніемъ монастырей. Это обстоятельство было для Англіи безконечно важно; ибо черезъ это разъ навсегда отрѣзанъ былъ путь ко всякимъ внутреннимъ раздорамъ; допускалось лишь то, что предписывало это непрерывно само себя реформировавшее духовенство. При Эдуардѣ VI оно стало протестантскимъ, при Маріи Тюдоръ оно снова обратилось къ католицизму; при Елизаветѣ, наслѣдственныя права которой оспаривались папой, духовенство снова перешло къ англиканской церкви, и вотъ эта королева издала оба основныхъ закона, на которыхъ покоится церковь Англіи: актъ о

верховенствѣ, въ силу котораго король признается главой церкви, и актъ объ единообразіи, по которому каждый обязанъ подчиняться государственной религіи.

Совершенно противуположнымъ образомъ развивались обстоятельства въ Германіи, гдѣ по самой природѣ дѣла являлось невозможнымъ, чтобы одинъ государь сталъ во главѣ духовныхъ дѣлъ. Объ Англіи же можно сказать, что ей, въ политическомъ отношеніи, достались лучшіе плоды протестантизма; ибо, во-первыхъ, она освободилась отъ папы, и во-вторыхъ, она приблизилась къ протестантскому принципу, не вдаваясь въ раздоры, которые такъ долго приводили въ волненіе континентъ. Король, парламентъ и духовенство дѣйствовали всегда вмѣстѣ въ этомъ направленіи.

Елизавета побѣдоносно защищала Англію противъ Филиппа Испанскаго, оказавъ сопротивленіе великой армадѣ,—и вотъ на престолъ вступилъ шотландскій королевскій домъ Стюартовъ. Они тоже обратились въ протестантизмъ, потому что Іаковъ I, сынъ Маріи Стюартъ, независимо отъ извѣстныхъ католическихъ симпатій, въ общемъ всетаки долженъ считаться приверженцемъ протестантской церкви. Въ Шотландіи, гдѣ протестантизмъ введенъ былъ въ строго-кальвинистическомъ видѣ, Іаковъ хотѣлъ ввести форму, подобную той, какая господствовала въ Англіи. Но шотландцы не хотѣли допустить этого, и онъ черезъ это вступилъ съ ними во всяческія пререканія. Съ другой стороны онъ навлекъ на себя недовольство своихъ англійскихъ подданныхъ тѣмъ, что стремился жить въ добромъ согласіи съ Испаніей, съ которой Елизавета всегда вела войну. Это привело его къ раздору съ парламентомъ, такъ что вообще ни въ Англіи, ни въ Шотландіи онъ не былъ такимъ полновластнымъ хозяиномъ страны, какъ Елизавета. Впрочемъ, онъ сумѣлъ еще подавить сопротивленіе.

Ему наслѣдовалъ сынъ его Карлъ I, человѣкъ болѣе честный, чѣмъ Іаковъ, который однако тоже хотѣлъ преслѣдовать собственную политику, въ проти-

ворѣчіи съ парламентомъ. У него были различпые любимцы; наконецъ, онъ взялъ себѣ въ супруги католичку, вслѣдствіе чего также вступилъ въ пререканіе съ парламентомъ, такъ что въ 1630 году рѣшилъ управлять безъ парламента, заявивъ, что созваніе парламента основано на простомъ обычаѣ и совершенно зависитъ отъ королевской милости. Этимъ, слѣдовательно, открывалась возможность борьбы между прерогативами королевской власти и притязаніями парламента. Сверхъ того въ королѣ было извѣстное внутреннее противорѣчіе, если и не настоящая борьба, между притязаніями короля, какъ главы церкви, и притязаніями, которыя могла, заявить церковь во имя своей самостоятельности —такъ какъ вѣдь въ церкви есть что-то такое, что не хочетъ подчиняться управленію. Къ этому присоединилась еще распря между Англіей и Шотландіей, которыя обѣ имѣли различное церковное устройство,—(шотландская церковь была какъ бы создана снизу, въ болѣе демократическомъ духѣ), и всетаки должны были существовать подъ управленіемъ одного короля. Карлъ I и захотѣлъ теперь пустить въ ходъ противъ парламента королевскія прерогативы, въ то время какъ въ церковномъ управленіи онъ поощрялъ направленіе, которое больше приближалось къ старой католической іерархіи, хотя самъ онъ и не былъ католикомъ. Въ этой борьбѣ парламентъ выставилъ теоретическое утвержденіе, котораго король не хотѣлъ признавать, именно, что парламентскія притязанія такъ же обоснованы правомъ, какъ и королевскія. Если обдумать, какіе глубокіе корни пустило въ народѣ это учрежденіе и какъ трудно вообще ограничивать права, идущія изъ старины, то станетъ понятной вся грандіозность борьбы, которую пришлось вести Карлу I, тѣмъ болѣе, что Ришелье подстрекалъ въ Англіи противниковъ короля. Этимъ-то и было вызвано то ужасное столкновеніе, которое въ Англіи носитъ названіе возмущенія (rebellion).

Англійская революція состоитъ изъ четырехъ періодовъ: 1) возмущенія; 2) введенія республики и господ-

ства Кромуэля; 3) реставраціи и вызванной ею борьбы; 4) окончательнаго переворота 1688 года.

Въ 1637 году Карлъ I сдѣлалъ попытку ввести въ Шотландіи англійскую литургію, что совершенно шло въ разрѣзъ съ шотландскимъ церковнымъ устройствомъ. Шотландцы возстали изъ-за этого, получая тайную поддержку отъ французовъ. Королю пришлось прежде всего стараться привлечь на свою сторону англичанъ, чтобы заручиться ихъ поддержкой противъ шотландцевъ. И дѣйствительно, онъ составилъ войско противъ Шотландіи и съ этимъ войскомъ добился нѣкоторыхъ успѣховъ; однако, прежде чѣмъ дѣло дошло до битвы, состоялось примиреніе, вслѣдствіе котораго шотландцы пошли домой и предложили королю соглашеніе. Англичане, съ своей стороны, увидѣли въ этихъ волненіяхъ удобный случай снова обзавестись парламентомъ, и Карлъ I дѣйствительно созвалъ его въ 1640 году.—Когда же онъ снова распустилъ его за его оппозицію, онъ вынужденъ былъ созвать въ томъ же году другой парламентъ, получившій впослѣдствіи наименованіе Долгаго. Какъ только собрался этотъ парламентъ, всѣ крайнія протестантскія идеи нашли себѣ тамъ многочисленныхъ представителей. Рядомъ съ такими, которые были довольны англійскою церковью, но не поведеніемъ короля, стояли другіе, требовавшіе болѣе свободнаго развитія протестантизма, въ особенности приверженцы протестантской реформы, которые связались съ шотландцами. Все это настолько приводило въ броженіе англійскій парламентъ, что уже въ 1641 году дѣло дошло до непримиримаго раздора между королемъ и парламентомъ и затѣмъ до гражданской войны.

Сначала король сдѣлалъ попытку ограничить старыя права парламента и притомъ не совсѣмъ законнымъ путемъ. Я не скажу, чтобы онъ былъ вовсе неправъ, поступая такимъ образомъ, что бы онъ прямо-таки нарушилъ этимъ англійскіе законы, ибо въ послѣднихъ было еще много неопредѣленнаго; но во всякомъ случаѣ ясно, что онъ стремился настолько развить свои преро-

гативы, что роялистическая форма получила бы перевѣсъ. Тогда парламентъ зашелъ такъ далеко въ своихъ требованіяхъ, что старое государственное устройство не могло уже продолжать своего существованія: парламентъ захотѣлъ лишить королевскую власть всѣхъ присущихъ ей по традиціи правъ, въ концѣ концовъ даже права безусловнаго верховнаго начальства надъ милиціей. Король до извѣстной степени уступилъ; съ одной стороны онъ ушелъ слишкомъ далеко въ своихъ требованіяхъ, съ другой—слишкомъ далеко въ своей уступчивости. Обѣ стороны собрали войска и сразились нѣсколько разъ. Король имѣлъ на своей сторонѣ дворянство и часть тѣхъ, которые стояли за старую форму правленія; за парламентъ были всѣ, склонявшіеся къ демократическому образу мыслей. Однако войну нельзя было рѣшить такимъ путемъ; ни король, ни парламентъ не одерживали рѣшительнаго перевѣса.

Тогда въ парламентской арміи развилась новая партія — индепендентовъ, которые не хотѣли признавать даже пресвитеріанской церковной реформы и вообще ничего слышать не хотѣли о королѣ. Парламентъ и король спорили изъ того, какія права должны принадлежать королю; до сихъ поръ и парламентъ хотѣлъ только придать англійской конституціи болѣе демократическое направленіе; партія индепендентовъ, напротивъ, хотѣла отнять у церковнаго и свѣтскаго короля всякія права и устроить прямо-таки республику. Эта именно партія и сообщила новый подъемъ духа парламентской арміи, и то, что не могло быть произведено усиліями этой арміи самой по себѣ, пока въ ней господствовали пресвитеріане, то случилось теперь, когда индепенденты получили перевѣсъ. Разница между веденіемъ войны у пресвитеріанъ и индепендентовъ состоитъ въ томъ, что у первыхъ проповѣдники иногда являлись очень дѣятельными въ походахъ и иногда даже указывали, какъ надо вести походъ, въ то время какъ у индепендетовъ сами офицеры были проповѣдниками и прямо-таки читали проповѣди передъ собранными батальонами.

Во главѣ ихъ сталъ Оливеръ Кромуэль, относительно котораго до сихъ поръ еще не рѣшено, былъ ли онъ притворщикомъ или дѣйствительно серьезно относился къ своей религіи. Ему удалось не только разогнать парламентъ, но и предать короля смертной казни,—неслыханное событіе, какого до сихъ поръ еще не было въ европейской исторіи. Правда, отдѣльныхъ государей убивали при различныхъ обстоятельствахъ, но королевская власть до сихъ поръ стояла неприкосновенною въ полной своей святости и достоинствѣ; не было примѣра, чтобъ какая-нибудь корпорація осмѣлилась осудить и обезглавить короля. Поэтому Кромуэль съ полнымъ правомъ называется отцомъ иллояльности. Впрочемъ, нося званіе Протектора Англіи, онъ совершенно погрузился въ торговые и морскіе интересы Англіи, побѣдилъ голландцевъ, завоевалъ Ямайку, началъ снова войну съ Испаніей и вообще преслѣдовалъ необычайную политику, принесшую пользу англичанамъ. Но съ внутренними дѣлами и онъ никогда не могъ справиться; и онъ путемъ опыта узналъ, что при содѣйствіи парламента ему править невозможно, и послѣ четырехкратнаго созыва и роспуска парламента онъ, наконецъ, вынужденъ былъ обратиться къ чисто-военному управленію. Нація скоро была утомлена этимъ, и такъ какъ сыну Кромуэля управленіе пришлось вовсе не по плечу, то всюду проснулось стремленіе вернуть вновь законную власть. Насколько мало чувство законности потухло въ англійскомъ народѣ, особенно показываетъ то обстоятельство, что одержало верхъ мнѣніе тѣхъ, которые желали вернуть на тронъ изъ изгнанія короля безъ всякихъ ограниченій его власти какими бы то ни было условіями.

Итакъ англійское королевское достоинство возстановлено было въ той самой формѣ, въ какой оно существовало и раньше,—истинное несчастіе для Карла II, такъ какъ въ англійскомъ государственномъ устройствѣ было еще очень много неопредѣленнаго. Если мы соберемъ обстоятельства, которыми Карлъ II мало-по-малу

поставленъ былъ въ невыносимое положеніе, то это, главнымъ образомъ, были слѣдующія: 1) его стремленіе перейти въ католицизмъ; именно, сознавая, что ему не удастся развить до полнаго могущества королевскую власть въ Англіи, такъ какъ англійская церковь не привыкла слѣпо слѣдовать за своимъ главой,—онъ рѣшилъ подобно Людовику XIV править при содѣйствіи католицизма; 2) его стремленіе сдѣлать королевскую власть независимой отъ парламента; 3) дурной образъ жизни и господство при его дворѣ фаворитокъ; 4) постоянная недостача въ деньгахъ; 5) необходимость занимать деньги извнѣ. Среди всѣхъ этихъ обстоятельствъ онъ не могъ помѣшать парламенту, вопреки своему желанію, придать исключительное значеніе протестантизму; послѣдняго сдѣлано было преобладаніе важнѣйшимъ государственнымъ закономъ—въ Testact'ѣ, въ силу котораго никто не могъ занимать государственной должности, если не далъ предварительно присяги не признавать ученія о пресуществленіи.

Но вотъ еще при жизни Карла II возникъ вопросъ, можетъ ли этотъ законъ быть примѣненъ и къ королю; и такимъ образомъ къ концу XVII вѣка образовались двѣ партіи—виговъ и тори, изъ которыхъ первые стояли больше на сторонѣ парламента, а вторые больше на сторонѣ короля и могущественной церковной власти, хотя обѣ партіи объединялись тѣмъ, что желали сохраненія государственнаго устройства. Партія виговъ, стремившаяся провести мнѣніе, что наслѣдникъ престола долженъ быть протестантомъ, въ первый моментъ была побѣждена, и братъ Карла II занялъ престолъ подъ именемъ Іакова II, хотя былъ католикомъ и не скрывалъ своего католицизма.

Теперь только политическіе вопросы были поставлены ребромъ. Въ то время какъ одни придерживались взгляда, что католицизмъ Іакова долженъ остаться частнымъ дѣломъ и не оказывать на государственныя дѣла ни малѣйшаго вліянія, Іаковъ II поставилъ себѣ жизненной задачей возстановленіе католицизма въ Англіи и

думалъ такимъ путемъ лучше всего справиться съ парламентомъ. Предварительно Іаковъ задумалъ въ противовѣсъ Testact'у провести актъ о терпимости, — стремленіе само по себѣ вполнѣ разумное, но прямо противорѣчившее англійскимъ законамъ; а такъ какъ онъ сомнѣвался, удастся ли ему провести этотъ законъ въ парламентѣ, онъ объявилъ, что право освобождать подданныхъ отъ исполненія законовъ принадлежитъ королевской власти, и что только отъ него одного зависитъ изъять изъ дѣйствія Testact'а своихъ окружающихъ, офицеровъ арміи и государственныхъ чиновниковъ, которые хотѣли быть католиками. Обсужденіе вопроса, — имѣетъ ли король это право, привело въ сильное броженіе духовенство, парламентъ и вообще всю страну. Между тѣмъ гроза, вѣроятно, разразилась бы не съ такой силой, если бы къ этому не присоединились внѣшнія обстоятельства.

Въ то время Людовикъ XIV былъ настолько могущественъ, что вся остальная Европа несла его иго. У него существовалъ съ Карломъ II союзъ, или, лучше сказать, Англія, запутавшаяся во внутреннихъ распряхъ, должна была допускать захваты Франціи на континентѣ. И Іаковъ II поддерживалъ союзъ съ Людовикомъ XIV, хотя парламентъ совершенно не одобрялъ этого.

Среди же всѣхъ соперниковъ Людовика XIV не было ни одного значительнаго, кромѣ Вильгельма III, штатгальтера голландскаго. Послѣдній составилъ во всей Европѣ оппозиціонную партію для сопротивленія французскому королю. И въ Англіи у него была большая партія, которая состояла не изъ однихъ демократическихъ элементовъ. Всѣ благоразумные люди въ Англіи опасались, какъ бы король своими мѣрами не возмутилъ опять революціонныхъ массъ, которыя вызваны были на поверхность господствомъ Кромуэля; поэтому Іаковъ II имѣлъ противъ себя главнымъ образомъ и аристократію. Такимъ образомъ то, что называется революціей во Франціи и Англіи, двѣ противоложныя

другъ другу вещи: французская революція была во всякомъ случаѣ народною, англійская по своей природѣ была аристократическою; она имѣла смыслъ въ самомъ основаніи своемъ отличный отъ идей новой революціи: ея цѣлью было воспрепятствовать всеобщему движенію, какое потомъ осуществилось во Франціи. Это и является главной причиной, извиняющей революцію.

Между голландскимъ штатгальтеромъ, принцемъ Вильгельмомъ III оранскимъ, и англійскими магнатами начаты были переговоры, которые имѣли цѣлью смѣщеніе короля и призваніе этого принца,—и привели, наконецъ, къ тому, что Вильгельмъ III. приглашенъ былъ явиться въ Англію. Онъ самъ не могъ имѣть на Англію никакихъ притязяній, но его жена была дочерью короля Іакова II, а такъ какъ послѣдній не имѣлъ сыновей, то она по англійскимъ законамъ имѣла права на престолъ. Вильгельмъ и понялъ, что если онъ отправится въ Англію и вступитъ въ союзъ съ аристократіей, то можетъ разсчитывать стать королемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ получитъ силу для настойчиваго сопротивленія своему врагу, Людовику XIV. Такимъ образомъ ясно, что не протестантская точка зрѣнія была преобладающею, а точка зрѣнія внѣшней политики, а также и спаснаго его положенія, въ которое должны были попасть Вильгельмъ и его жена, если бы англійскій король былъ прогнанъ народомъ.

Итакъ, Вильгельмъ III не хотѣлъ вызвать народнаго возстанія, а напротивъ хотѣлъ обезпечить отъ всякихъ противодѣйствующихъ элементовъ то государственное устройство, которое создано было реставраціей. Со стороны Людовика XIV было совершено непонятнымъ упущеніемъ, что онъ провѣдалъ объ этой комбинаціи, направленной къ его гибели, только тогда, когда для него было уже слишкомъ поздно. Самымъ удивительнымъ въ этомъ дѣлѣ является сверхъ этого и то, что папа Иннокентій XI ничего не имѣлъ противъ отправленія въ Англію великаго протестанта. И нѣмецкіе князья, особенно князья сѣверные, не безъ удовольствія глядѣли

на эту перемѣну; бранденбургскія войска отправились даже въ Нидерланды, чтобы защитить ихъ отъ возможныхъ со стороны Франціи нападеній.

Вильгельмъ переправился въ Англію въ 1688 году, въ то самое время, когда войска Людовика XIV нагрянули на Пфальцъ и произвели тамъ ужасное опустошеніе. Іаковъ II не имѣлъ мужества сопротивляться; онъ бѣжалъ, когда увидѣлъ, что всѣ отпали отъ него. Никто не препятствовалъ его бѣгству; противникамъ ничто не было пріятнѣе этого его шага. Когда Вильгельмъ прибылъ въ Англію, сейчасъ же созванъ былъ парламентъ, который и постановилъ, что въ Англіи не можетъ быть другого короля, кромѣ протестантскаго. Что касается престолонаслѣдія, то вначалѣ думали сдѣлать королевой жену Вильгельма; но когда Вильгельмъ объявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ отправится домой, его признали королемъ. Все это происшествіе является чрезвычайно важнымъ. Смерть Карла I была дѣломъ фанатической партіи; а это возмущеніе явилось дѣломъ всего англійскаго государства въ его цѣломъ, и вотъ почему оно оказалось устойчивымъ въ своихъ результатахъ.

Въ Англіи одна партія держалась мнѣнія, что король самымъ своимъ бѣгствомъ implicite отказался отъ престола: это взглядъ торійской партіи. Напротивъ того, партія виговъ утверждала, что король своимъ образомъ дѣйствій нарушилъ договоръ съ націей и этимъ навлекъ на себя сверженіе съ трона. Обѣ эти точки зрѣнія противорѣчили другъ другу, но такъ какъ ихъ нельзя было примирить, то обѣ онѣ и были приняты въ актъ; такимъ образомъ обѣ партіи принимали участіе въ этомъ дѣлѣ.

Такъ въ Англіи получилъ значеніе совершенно иной принципъ, чѣмъ во Франціи. Тамъ—абсолютная монархія; тутъ — король, избранный парламентомъ и ни шага не смѣющій сдѣлать безъ него.

И вотъ сейчасъ же началась война съ Людовикомъ XIV, который хотѣлъ снова водворить въ Англіи Іакова II. Но французы были разбиты, и съ этого момента

могущество Англіи получило огромный толчекъ. Людовикъ XIV долженъ былъ по Рисвикскому миру 1697 года признать законность притязаній Вильгельма. Такъ создалась другая міровая держава съ своеобразнымъ характеромъ.

Англичане обратились теперь къ отысканію наслѣдника, который притомъ долженъ былъ быть протестантомъ. За Вильгельмомъ III и Маріей слѣдовала Анна, дочь Іакова II, отпавшая отъ своего отца. Когда она скончалась въ 1714 году, на англійскій престолъ вступилъ Ганноверскій домъ, вслѣдствіе своихъ родственныхъ связей съ Пфальцемъ; именно, Софія, дочь Фридриха V пфальцскаго и Елизаветы Стюартъ была замужемъ за курфюрстомъ ганноверскимъ, и потому перенесла свои наслѣдственныя права въ Пфальцѣ на Ганноверскій домъ, послѣ того какъ вымерло прямое мужское потомство. Ганноверскій домъ возведенъ былъ на тронъ усиліями партіи виговъ, тогда какъ тори все больше отстаивали дѣло якобитовъ.

Этому обстоятельству и надо приписать господство вигскихъ принциповъ при Георгѣ I и II, т. е. до 1760 г. Въ теченіе всего этого времени собственно царила олигархія, которая правила Великобританніей, Ирландіей и Америкой, ведя непрерывную борьбу съ приверженцами претендентовъ. Наконецъ, правительству удалось окончательно справиться съ якобитами, а когда сталъ царствовать Георгъ III, и торійское направленіе снова подняло голову *).

Чѣмъ болѣе ослаблялась королевская власть во Франціи въ эпоху регентства и Людовика XV, тѣмъ большее значеніе въ мірѣ получили парламентскіе принципы, господствовавшіе въ Англіи.

*) Внучка Георга—теперешняя англійская королева Викторія, на правленіе которой сложился каламбуръ: одно-де имя ея свидѣтельствуетъ, что она одновременно хочетъ принадлежать къ обѣимъ партіямъ: „Виг—тори“.

Разговоръ.

Король Максимиліанъ: Можно ли сказать что Стюарты надѣлали такихъ ошибокъ, за которыя ихъ судьба явилась вполнѣ заслуженной расплатой?

Ранке: Карлъ I былъ лучше того, чѣмъ его обыкновенно изображаютъ; онъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, представленіе о королевской власти; главною его ошибкой было то, что онъ слишкомъ много колебался. Объ Іаковѣ II, напротивъ, надо сказать, что онъ совершенно не понялъ своего положенія и самъ вызвалъ свое паденіе. Если бы онъ не задумалъ сдѣлать католицизмъ всеобщей религіей въ Англіи, что вовсе не было его задачей, если бы онъ оставилъ неприкосновенными англійскіе законы до тѣхъ поръ, пока пришло бы время отмѣнить testact, то онъ, можетъ быть, сохранилъ бы за собой тронъ. Карлъ II былъ гораздо ниже въ нравственномъ отношеніи, гораздо менѣе надеженъ и притомъ не имѣлъ даже самаго отдаленнаго представленія о королевской власти, по сравненію съ Карломъ I; однако и онъ не такъ дуренъ, какъ его изображаютъ. Если его упрекаютъ за то, что онъ душой и тѣломъ продался Людовику XIV и бралъ отъ него деньги, то вѣдь этотъ упрекъ въ одинаковой степени падаетъ и на парламентъ, даже и на самыхъ ярыхъ демократовъ въ Англіи. Жажда наслажденій было самой выдающейся ошибкой Карла II.

Король Максимиліанъ: Можно ли порицать задачу, которую поставилъ себѣ Карлъ I?

Ранке: Да, и онъ преслѣдовалъ ложную цѣль: ему не слѣдовало править безъ парламента и обходить, такимъ образомъ, законный порядокъ вещей. Впрочемъ, онъ не пошелъ такъ далеко, какъ Іаковъ II; онъ не хотѣлъ измѣнять религію своей страны, не имѣлъ въ виду и полнаго уничтоженія парламента, а хотѣлъ только выставить созваніе парламента актомъ монаршей милости. Въ позднѣйшее время онъ былъ даже склоненъ признать права парламента, но было уже поздно. Впрочемъ,

Карлъ I въ послѣдніе свои часы и передъ судьями держался съ большею твердостью, чѣмъ Людовикъ XVI французскій. Карлъ I спросилъ судей: отъ чьего имени собрались вы здѣсь? И когда они отвѣчали ему: отъ имени націи, онъ возразилъ: докажите мнѣ, дайте мнѣ прецедентъ, что палата общинъ представляетъ націю! Людовикъ XVI, напротивъ, призналъ своихъ судей. У него не было полнаго сознанія достоинства королевской власти, и онъ не былъ такимъ глубокимъ человѣкомъ, какъ Карлъ I.

Второй державой, возвысившейся путемъ оппозиціи Франціи, была Россія. Это государство основано было скандинавскими выходцами, затѣмъ подвергалось нашествію монголовъ; въ XV и XVI столѣтіяхъ великіе князья сильно способствовали особожденію России отъ татарскаго ига. Иванъ Васильевичъ, государь чрезвычайно жестокій, побѣдилъ татаръ и взялъ Казань. Такъ возникло могущество русской державы,. но къ концу XVI вѣка прекратился домъ Рюрика. Послѣ смуты вступилъ на престолъ, въ 1613 г., домъ Романовыхъ. Россія уже очень рано вступила въ сношенія съ Западомъ; но пока здѣсь надо всѣмъ господствовало папство, всякое вліяніе Запада на Россію связано было съ представленіемъ, что русскіе должны перейти изъ греческой церкви въ латинскую. Вотъ почему было чрезвычайно важно, что во времена Петра Великаго папство уже не господствовало такъ всецѣло въ западной Европѣ; теперь такой государь, какъ царь Петръ, могъ перенести изъ Европы элементы матеріальной культуры, ни на іоту не насилуя религіозныхъ убѣжденій своего народа обращеніемъ къ другой религіи. Петръ I былъ одной изъ самыхъ энергичныхъ натуръ, когда-либо существовавшихъ; правда, онъ былъ совершенный варваръ, но способный къ культурѣ. Въ своихъ стремленіяхъ возвысить могущество Россіи онъ встрѣтилъ значительнаго противника въ лицѣ Швеціи. Швеція, благодаря союзу съ

Франціей, достигла на сѣверѣ громаднаго вліянія; впослѣдствіи она пріобрѣла значительное вліяніе и въ Польшѣ, но вотъ и Франція захотѣла утвердиться здѣсь и дать странѣ короля. Однако другія державы воспротивились этому и провели избраніе на польскій королевскій престолъ курфюрста саксонскаго Августа, который возымѣлъ несчастное намѣреніе измѣнить свою вѣру и находился въ постоянной борьбѣ съ королемъ шведскимъ. Тогда появился Карлъ XII, который самъ по себѣ вовсе не былъ склоненъ начинать войну, но мало-по-малу вынужденъ былъ къ тому, такъ какъ другіе хотѣли напасть на него. Съ этой цѣлью царь Петръ, не хотѣвшій больше терпѣть преобладанія Швеціи, заключилъ союзъ съ королями датскимъ и польскимъ. Отсюда и возникла такъ называемая Сѣверная война, въ теченіе которой царю удалось Полтавской побѣдой 1709 года создать полную независимость и могущественное положеніе Россіи Справившись со Швеціей, Петръ Великій пришелъ въ столкновеніе съ Польшей. Курфюрстъ Августъ былъ прогнанъ, а на его мѣсто посаженъ Станиславъ Лещинскій. Русскіе снова водворили саксонскаго курфюрста и достигли этимъ полнѣйшаго перевѣса въ Польшѣ. Наконецъ, царю удалось, въ союзѣ съ Пруссіей, побѣдить шведскаго короля, возвратившагося изъ Турціи, такъ что благодаря этой рѣшительной побѣдѣ надъ Швеціей и нѣкоторымъ менѣе значительнымъ успѣхамъ въ Турціи, Россія заняла очень важное положеніе на Сѣверѣ.

Если мы захотимъ разобрать элементы рускаго могущества, то придется назвать слѣдующіе: 1) славянскую національность, по характеру болѣе склонную къ монархіи и преданности, чѣмъ германская; 2) греческую церковь, которая въ силу своего рода традиціи была болѣе предана монархическому началу, чѣмъ какая-нибудь другая; 3) современную культуру, которую Петръ Великій ввелъ въ Россію лишь постольку, поскольку она содѣйствовала матеріальному благу его подданныхъ. Для него важно было создать лишь флотъ и дис-

циплинированную армію; напротивъ, о всемъ относящемся къ міру идей, у него не было и рѣчи; да къ этому русскіе вовсе и не были способны; такъ внутренній нравственный прогрессъ и не коснулся націи; 4) къ этому присоединяется четвертый моментъ — побѣда Петра надъ шведами въ Сѣверную войну, въ которой намѣреніе шведовъ побѣдить юную Россію совершенно потерпѣло крушеніе; 5) побѣда надъ Польшей является дальнѣйшимъ элементомъ развитія Россіи: Россія прогнала оттуда французскаго претендента Станислава Лещинскаго и помогла утвердить на престолѣ курфюрста Саксонскаго, ставленника антифранцузской партіи; 6) наконецъ, надо упомянуть здѣсь побѣдоносное движеніе Россіи противъ Турціи.

Если Петръ Великій въ своихъ походахъ противъ Турціи и не имѣлъ полной удачи, а при Прутѣ потерпѣлъ даже пораженіе отъ нихъ, то всетаки народности, до тѣхъ поръ покорявшіяся туркамъ, теперь почувствовали могущество царя, который до этого времени игралъ очень незначительную роль. Особенно при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ ея генералъ, нѣмецъ Мюннихъ, въ Молдавіи и Валахіи нанесъ туркамъ первыя пораженія. Въ это-то время турецкіе христіане начали сильнѣе сознавать свою силу. Впрочемъ, Петръ Великій очень удачно боролся и съ персами и вообще успѣлъ пріобрѣсти значительное вліяніе въ Азіи. То, что прибавили къ этому послѣдующіе императоры, является скорѣе послѣдствіемъ стремленій Петра Великаго.

Намъ остается теперь сдѣлать очеркъ возвышенія обѣихъ нѣмецкихъ державъ, и прежде всего Австрійской монархіи. Въ то время какъ Франція, благодаря Бурбонамъ, развила власть, охватывавшую всю южную Европу, власть, въ которой воплощалась романская монархія; въ то время какъ Англія въ противовѣсъ этой силѣ выставила необычайную морскую силу, въ которой выразился протестантскій принципъ,—въ это время и въ Россіи поднялась великая держава, славянская по

своей природѣ, на себѣ самой покоющаяся, непобѣдимая своею національною силою,—держава, съ которой со времени Петра Великаго Европѣ постоянно приходится считаться. Между обоими этими могущественными континентальными государствами находилась Германская имперія, и вотъ теперь является вопросъ: какъ держалась Германія по отношенію къ тѣмъ тремъ державамъ, которыя стояли тогда въ извѣстной оппозиціи другъ другу?

Самымъ важнымъ является то, что Австрія, на моментъ развитія которой мы теперь должны бросить краткій взглядъ, въ то время уже вполнѣ сформировалась. Правда, уже и въ болѣе раннее время, въ эпоху реформаціи, Австрія имѣла уже не малое значеніе; но императорская власть была слаба, а обладаніе наслѣдственными землями не было надежно: сюда проникли протестанты, когда австрійскій домъ пытался проводить свои католизирующія тенденціи. Можно было бы предполагать, что при Максимиліанѣ II Австрія могла развиваться и въ духѣ сословно-протестантской монархіи; но такъ какъ его преемники были рѣшительными католиками, то возникшая впослѣдствіи борьба была неизбѣжна. Правда, черезъ это Австрія подверглась величайшей опасности: сли бы Фридриху Пфальцскому удалось утвердиться въ Богеміи, австрійскому могуществу пришелъ бы конецъ. Поэтому-то и являлось важнѣйшей задачей справиться во что бы то ни стало съ протестантскимъ элементомъ въ Австріи. Это удалось сдѣлать дому Габсбурговъ; въ 30-тилѣтней войнѣ Австрія уже получила наслѣдственныя земли въ полную власть; протестанты были изгнаны отсюда. Это могущество Австріи усугублялось еще и тѣмъ, что и въ военномъ отношеніи она достигла большой силы, между тѣмъ какъ въ началѣ такъ же мало можно было думать о военномъ значеніи Австріи, какъ и о политическомъ. Военнымъ могуществомъ своимъ Австрія обязана была главнымъ образомъ валленштейновской арміи,

изъ элементовъ которой впослѣдствіи образовалась императорская армія.

2) Другой причиной сильнаго возвышенія Австріи были захваты и войны Людовика XIV, вслѣдствіе которыхъ германскіе князья гораздо тѣснѣе примкнули къ Австріи, ища въ ней защиты противъ Франціи, такъ что императорская власть во второй половинѣ XVII вѣка стала гораздо сильнѣе прежняго, хотя ей и не удалось осуществить свою основную тенденцію, именно католизацію.

3) Ко всему этому присоединились еще турецкія войны; опасность съ этой стороны все еще была значительна, тѣмъ болѣе, что венгерцы были постоянно готовы къ возстанію. Леопольдъ I все время велъ войну противъ турокъ и хотѣлъ осуществить свои монархическія идеи и въ Венгріи, которая пользовалась поддержкой Франціи и Турціи въ борьбѣ съ императоромъ. Такъ случилось, что еще въ 1683 году турки въ союзѣ съ Тэкэли и недовольными изъ венгровъ могли проникнуть вплоть до Австріи. Австрія пропала бы, если бы нѣмцы не пришли ей на помощь. Около Австріи образовался союзъ противъ турокъ, въ которомъ приняли участіе и многіе изъ нѣмецкихъ князей, особенно баварцы. Эти нѣмцы больше всего дѣйствовали въ австрійской арміи, и такъ мало-по-малу у турокъ отняты были Офенъ, Пештъ, Гранъ, и императору, наконецъ, удалось справиться съ этими варварами, своими наслѣдственными врагами, и съ ихъ союзниками—венграми. Поляки, русскіе и венеціанцы теперь тоже напали на турокъ, такъ что австрійцы разсчитывали уже въ короткое время явиться передъ самымъ Константинополемъ. Хотя сдѣлать это имъ не удалось, однако по Карловицкому миру 1699 года турки должны были оставить Венгрію, благодаря чему монархія получила значительное вліяніе и въ этомъ направленіи. Правда, превращеніе Венгріи въ наслѣдственную монархію не удалось императору, напротивъ, онъ долженъ былъ признать за венграми ихъ привилегіи, чтобы только они пошли на войну съ турками.


Тогда вспыхнула война за испанское наслѣдство. Мо-

жетъ быть Австріи и удалось бы осуществить свои справедливыя притязанія, если бы монархія могла быть раздѣлена между двумя лицами; но императоръ Іосифъ I умеръ, и Карлу VI одному досталась власть. Тѣмъ не менѣе Австрія пріобрѣла значительную часть изъ наслѣдства, сначала Неаполь и Сицилію, потомъ Миланъ и принадлежавшіе прежде Испаніи Нидерланды (1713 г.). Только благодаря этому могущество Австріи достигло полнаго развитія. Я считаю большимъ счастьемъ для Австріи, что она унаслѣдовала Испанскую монархію не въ полномъ ея составѣ; ибо въ этомъ случаѣ она не была бы въ состояніи составить единую монархію. Даже потеря Неаполя и Сициліи не послужила во вредъ Австріи, такъ какъ въ противномъ случаѣ австрійскія тенденціи пріобрѣли бы слишкомъ большой просторъ. Напротивъ, обладаніе Миланомъ было для Австріи необычайно важно, такъ какъ онъ близокъ къ центру монархіи, а удержаніе за собой Нидерландовъ *) придало Австріи съ другой стороны перевѣсъ надъ остальными державами.

Въ этомъ постепенномъ развитіи могущества нельзя не признать нѣкотораго духа, который дѣйствуетъ въ католическомъ и монархическомъ направленіи отъ ступени къ ступени по опредѣленному принципу, а также и игры счастья. Австрія связана съ Германіей, но Германія оказала Австріи гораздо болѣе услугъ, чѣмъ обратно. Изъ-за Нидерландовъ Австрія, правда, находилась въ постоянной борьбѣ съ Франціей; но такъ какъ Австрія уже не владѣетъ болѣе Нидерландами, то отпадаетъ и это яблоко раздора, и союзъ между обѣими державами теперь является болѣ возможнымъ, чѣмъ прежде, потому что у Австріи съ Франціей теперь только одинъ общій пунктъ, гдѣ сталкиваются ихъ интересы, именно Италія.

Но Австріи предстояло еще перенести огромную опас-

*) Впослѣдствіи Австрія не желала больше обладанія Нидерландами, и во время революціонной войны любимымъ планомъ министра Тугута было отдать Нидерланды въ обмѣнъ на Баварію; ибо исконнымъ стремленіемъ Австріи было округлить свои владѣнія и централизоваться.

ную войну за австрійское наслѣдство. Правда, наслѣдованіе престола принцессой совершенно противорѣчило германскому праву; но такъ какъ могущество Австріи достигло такихъ размѣровъ, не хотѣли допускать распаденія монархіи. Марія Терезія вступила на престолъ, и, когда война за австрійское наслѣдство благополучно окончилась, за домомъ Габсбурговъ послѣдовала гораздо болѣе предпріимчивая династія Лотарингская *).

Такъ развивалось то необычайное вліяніе Австріи, которое простирается на Италію, Германію и Востокъ. Географическое положеніе Австріи заключаетъ въ себѣ что-то необычайное, къ тому же Австрія состоитъ изъ различныхъ національностей, такъ что можетъ быть рѣчь лишь о могуществѣ, но не о національности этого цѣлаго. Въ 1848 году Австрія казалась на краю гибели, но теперь она стоитъ могущественнѣе, чѣмъ когда-либо.

Разговоръ.

Король Максимиліанъ. Мнѣ часто приходилось слышать мнѣніе, что для Россіи было вовсе невыгодно то, что Петръ Великій сдѣлалъ изъ нея европейскую державу; нѣкоторые думаютъ, что остаться азіатской державой гораздо болѣ соотвѣтствовало бы интересамъ Россіи.

Ранке. Такъ какъ дѣло было въ пересадкѣ культуры въ Россію, то подобное стремленіе было бы безсмысленнымъ. Что же, развѣ Петру слѣдовало допустить Карла XII одержать верхъ и отдать Польшу въ руки Швеціи? Вся Россія, какъ она существуетъ теперь, покоится на перечисленныхъ мною моментахъ. Петръ Великій не имѣлъ другого выбора; чтобы возвеличить Россію, онъ долженъ былъ сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ Если бы онъ обратился къ Азіи, тогда Россія какъ разъ и осталась бы варварскимъ государствомъ.

*) Лотарингія косвенно являлась также недурнымъ пріобрѣтеніемъ; ибо черезъ нее присоединена была Тоскана въ качествѣ побочнаго наслѣдства Австріи.

Король Максимиліанъ. Способенъ ли былъ Петръ на такія соображенія?

Ранке. Петръ былъ варваръ, но въ то же время и геній, полный энергіи и великихъ мыслей, какъ мы это видимъ отчасти изъ его дневника. Онъ вполнѣ сознавалъ основную свою цѣль, что Россія должна стать міровой державой. Балтійское море прежде принадлежало Германіи, Голландіи и Швеціи; Россія была отрѣзана отъ него; Петръ Великій поставилъ ее въ сообщеніе съ этимъ моремъ. Но его взоры обращены были и на Черное и Каспійское моря, и на покореніе Польши и Турціи, причемъ онъ вполнѣ представлялъ себѣ будущее положеніе Россіи. Теперешній государь заботится о томъ, чтобы удержать Россію на ея настоящей высотѣ.

Девятнадцатая лекція.

(13 октября 1854 г., вечеромъ).

Характеризуя вкратцѣ монархіи, очеркъ которыхъ мы сдѣлали, намъ придется сказать, что онѣ главнымъ образомъ стоятъ на древней исторической почвѣ, которую заняли романо-германскія племена; придется прибавить еще и то, что этотъ западно-христіанскій міръ до извѣстной степени расширился тѣмъ, что принялъ въ свой кругъ и Россію, гдѣ тенденція западныхъ народовъ оказала необычайное вліяніе на матеріальную культуру. Съ одной стороны на югѣ Европы стояла великая Бурбонская монархія, съ другой Англія — повелительница морей; противъ нихъ—Россія, въ центрѣ стараго свѣта, занимая огромный европейско-азіатскій материкъ; и всѣ эти державы могущественно вліяли другъ на друга и приходили въ движеніе другъ противъ друга. Разумѣется, это оказывало значительное воздѣйствіе не только на Австрію, но и на остальную Германію. Здѣсь, какъ разъ въ Австріи, монархическо-католическій элементъ снова усилился; казалось, что императоръ снова сдѣлался могущественнѣйшимъ государемъ въ Германіи.

Тогда-то въ противовѣсъ австрійскому началу выступило прусское.

По существу своему Бранденбургъ, на которомъ основано было прусское могущество, былъ въ высшей степени слабъ, настолько слабъ, что франконскія княжества Ансбахъ и Байрейтъ цѣнились выше и имъ отдавали предпочтеніе передъ Бранденбургомъ, когда князьямъ приходилось выбирать между этими владѣніями. Благодаря чему же Бранденбургъ достигъ прежде всего извѣстной матеріальной сплоченности? На это намъ приходится отвѣтить: благодаря реформаціи. Бранденбургъ былъ необычайно раздробленъ вслѣдствіе массы епископствъ и другихъ духовныхъ привилегій, которыя если и не были уничтожены реформаціей, то всетаки были подчинены. Курфюрстамъ бранденбургскимъ удалось (и въ этомъ отношеніи они ближе стоятъ къ англичанамъ, чѣмъ къ нѣмцамъ) ввести въ своей странѣ реформацію безъ значительнаго напряженія, въ союзѣ съ епископами. Черезъ это Бранденбугъ, правда, достигъ большой сплоченности, но всетаки даже и на сѣверѣ Германіи онъ еще не игралъ первой роли, и стоялъ по своему политическому значенію приблизительно наравнѣ съ Саксоніей, съ политикой которой онъ нерѣдко и шелъ рука объ руку.

Послѣ этого Бранденбургъ расширился сильнѣе, благодаря соединенію на востокѣ съ Пруссіей, а на западѣ съ Клеве и относящимися къ послѣднему землями; это соединеніе состоялось въ концѣ XVI вѣка путемъ родственныхъ связей. Въ Пруссіи, этомъ старинномъ орденскомъ владѣніи, въ эпоху реформаціи магистромъ Тевтонскаго ордена былъ Альбрехтъ. Онъ хотѣлъ перейти въ лютеранское вѣроисповѣданіе, но могъ сдѣлать это не иначе, какъ поставивъ страну подъ покровительство Польши. Семья Альбрехта (франконская отрасль Гогенцоллерновъ) пріобрѣла извѣстныя наслѣдственныя права на Клеве и стояла, съ другой стороны, въ тѣснѣйшей связи съ Гогенцоллернами, своими родственниками въ Бранденбургѣ. Вслѣдствіе этого послѣдніе, по прекра-

щеніи рода прусскихъ герцоговъ, получили во владѣніе не только герцогство Пруссію, но и Клеве, такъ что бранденбургскій курфюршескій домъ съ одной стороны простиралъ свои владѣнія на востокъ, съ другой на западъ, съ одной стороны пришелъ въ соприкосновеніе съ Польшей, Россіей и Швеціей, съ другой—съ западной Германіей и Франціей. Императору это было вовсе не по душѣ; онъ охотно превратилъ бы Пруссію снова въ орденское владѣніе, но на это у него не было силы.

Послѣ такихъ приготовленій выступилъ Фридрихъ Вильгельмъ, Великій Курфюрстъ. Онъ находился въ величайшей опасности между шведами, занявшими Померанію, на которую Бранденбургъ имѣлъ давнія притязанія, и французами, императоромъ и остальными имперскими чинами. Но онъ былъ храбръ и ловокъ и, между прочимъ, имѣлъ принципъ — никогда не быть нейтральнымъ, а постоянно примыкать къ той или другой сторонѣ. Онъ сумѣлъ, правда уступивъ Швеціи переднюю Померанію, пріобрѣсти нѣсколько большихъ имперскихъ епископствъ, именно Магдебургъ, Минденъ и нѣсколько другихъ, такъ что могъ теперь изъ своего маркграфства Бранденбургскаго распространиться на среднюю Германію и вмѣстѣ съ тѣмъ тверже удерживать Клеве. Войдя въ соглашеніе съ Пфальцъ—Нейбургомъ, который вмѣстѣ съ нимъ имѣлъ притязанія на Клеве, курфюрстъ достигъ значительнаго могущества въ средней части верхней Германіи, и теперь Бранденбургъ растянулся на необычайное протяженіе, такъ что тремя своими составными частями—Восточной Пруссіей, Бранденбургомъ съ Магдебургомъ и т. д., и наконецъ, Клеве съ нѣкоторыми участками въ Вестфаліи — этими тремя частями Бранденбургъ тянулся отъ Балтійскаго моря вплоть до Франціи. Это придало Бранденбургской державѣ такое значеніе, что она представляла наряду съ Австріей могущественнѣйшее государство въ Германіи. Свое вліяніе Великій Курфюрстъ прежде всего обнаружилъ въ восточномъ конфликтѣ. Тамъ шли не прекращавшіяся распри между Польшей и Швеціей, Карлъ X Густавъ въ



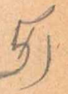
1656 году побѣдоносно проникъ въ Польшу, и Фридрихъ Вильгельмъ, благодаря своему принципу—становиться то на одну, то на другую сторону, добился сначала отъ Швеціи, а потомъ отъ Польши признанія суверенитета герцогства Пруссіи, гдѣ онъ выставилъ з ачительную силу. Это обстоятельство имѣло величайшее значеніе для государя Бранденбурга; ибо всѣ остальные нѣмецкіе князья не были суверенными и находились подъ властью императора. Впослѣдствіи онъ выбилъ шведовъ изъ Помераніи и Пруссіи и одерживалъ самыя блестящія побѣды съ помощью своей прекрасно-организованной бранденбургской милиціи. Правда, по Нимвегенскому миру ему пришлось опять вернуть шведамъ отнятыя у нихъ владѣнія, чего Курфюрстъ никогда не могъ простить императору, по настоянію котораго это было сдѣлано, однако его слава и военное значеніе, которое онъ придалъ своей арміи, далеко превысили значеніе этого завоеванія.



Великому Курфюрсту наслѣдовалъ его сынъ Фридрихъ I, государь, больше любившій церемоніи, но всетаки искусный политикъ. Его честолюбіе направлено было къ тому, чтобы изъ простого герцога стать королемъ въ ряду главныхъ европейскихъ государей. Скоро къ тому представился случай, которымъ онъ искусно воспользовался. Императоръ Леопольдъ для осуществленія своихъ притязаній на испанское наслѣдство нуждался въ крѣпкой поддержкѣ, и ее-то ему оказалъ Фридрихъ, прежде чѣмъ еще Англія или другая какая нибудь держава стали на сторону императора, за что и получилъ отъ императора позволеніе короноваться прусскимъ королемъ. Это не ставило Бранденбургъ въ болѣе независимое положеніе, чѣмъ прежде, во всетаки придавало Пруссіи болѣе высокое значеніе въ глазахъ Европы. Своимъ участіемъ въ войнѣ за испанское наслѣдство Фридрихъ I пріобрѣлъ клочекъ изъ этого наслѣдства, именно Обергельдернъ, благодаря чему онъ сильнѣе упрочилъ свое могущество на западѣ Германіи. Политика бранденбургскихъ государей въ это время не

стояла въ абсолютномъ противорѣчіи съ Австріей: напротивъ, иногда они пользовались императорскимъ авторитетомъ, чтобы заручиться чѣмъ-нибудь, иногда же они становились въ оппозицію къ этому авторитету.

Фридриху наслѣдовалъ Фридрихъ Вильгельмъ I, государь, ничего не хотѣвшій знать объ образованности, которою отличался его отецъ, и цѣнившій могущество только для могущества, вовсе не заботясь о внѣшнемъ блескѣ. Онъ отмѣнилъ все, что устроилъ его отецъ, и каждый грошъ тратилъ на армію. Для увеличенія послѣдней придворная жизнь доведена была до минимальныхъ издержекъ, за то выставлена была боевая армія, которую для такой страны приходилось считать прямо огромной. Отецъ его оставилъ ему самое большее армію въ 30000 человѣкъ, которую онъ за 27 лѣтъ своего правленія увеличилъ до числа свыше 80000, въ то время какъ огромная Австрія содержала армію едва ли болѣе, чѣмъ въ 100000 человѣкъ. Чтобы такое напряженіе было по силамъ, Фридрихъ Вильгельмъ долженъ былъ дать странѣ хорошую организацію, и онъ это сдѣлалъ. Кромѣ того ему удалось отнять у Швеціи большую часть Помераніи, главнымъ образомъ благодаря тому, что Россія побѣдила Карла XII шведскаго. Пруссію связывала съ Россіей обоюдная вражда къ Швеціи и Польшѣ; ибо если бы оба эти государства оставались въ прежнемъ своемъ могущественномъ положеніи, Пруссія никогда не достигла бы того значенія, какое она имѣла уже въ то время. Но по принципу своему Пруссія и Россія противуположны другъ другу; ибо Пруссія германское, а Россія—славянское государство. Таково было положеніе дѣла до середины XVIII вѣка. Тутъ случилось, что король Фридрихъ Вельгельмъ I, несмотря на то, что жена его происходила изъ ганноверскаго дома, въ распрѣ, возникшей между Австріей и Англіей, сталъ на сторону императора, который опасался со стороны Пруссіи нападенія на Силезію и потому употреблялъ всевозможныя усилія для привлеченія Фридриха Вильгельма на свою сторону. Императоръ въ



тайномъ трактатѣ обѣщалъ королю свое императорское содѣйствіе для полученія Юлиха и Берга, которые вскорѣ должны были стать выморочными владѣніями и на которые Пруссія имѣла притязанія по праву наслѣдованія земель Клеве. Этимъ достигнуто было то, что Фридрихъ Вильгельмъ внезапно сталъ ревностнымъ приверженцемъ императора, и, когда дѣло дошло до войны между императоромъ и французами, онъ даже отправилъ своего кронпринца для оказанія помощи императору. Изъ-за конфликта между Англіей и Австріей онъ поссорился даже съ собственнымъ сыномъ. Именно, королева и старшіе дѣти стремились устроить двойной бракъ: съ одной стороны—прусскаго кронпринца, будущаго Фридриха II, съ одной англійской принцессой, а съ другой—старшей сестры Фридриха съ однимъ изъ англійскихъ принцевъ. Король былъ противъ такого союза, такъ какъ боялся англійскаго вліянія, а когда его сынъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ этомъ направленіи, онъ велѣлъ схватить его, хотѣлъ даже предать его казни, и все это въ угоду Австріи. Послѣ того какъ Фридрихъ Вильгельмъ такъ много сдѣлалъ для Австріи и разорвалъ прежній свой союзъ, императоръ всетаки счелъ позволительнымъ въ послѣдующихъ обстоятельствахъ совершенно игнорировать Пруссію; дѣло о Бергѣ приняло совершенно другой оборотъ. Это привело стараго короля въ ужасный гнѣвъ, именно противъ императора; когда онъ вполнѣ распозналъ причиненную ему несправедливость, онъ произнесъ, указывая на своего сына Фридриха: „вотъ кто отомститъ потомъ за меня!“ *).

*) Хотя Фридрихъ Вильгельмъ не жилъ въ добромъ согласіи съ кронпринцемъ, всетаки онъ не могъ не замѣтить, что во Фридрихѣ были задатки могучаго таланта; но онъ хотѣлъ сдѣлать изъ сына только солдата, заставлялъ его вести кондуитные списки и исполнять мельчайшія служебныя обязанности; онъ хотѣлъ также воспитать въ немъ тѣ религіозныя понятія, которыя были у него самого, въ то время какъ Фридрихъ преданъ былъ кальвинистскому ученію во всей его строгости. Хотя принцъ и подвергался суровому обращенію своего отца, однако всетаки можно утверждать, что это было для него счастьемъ; ибо въ противномъ случаѣ онъ, вѣроятно, не отличался бы тѣми военными и другими доблестями, которыми онъ впослѣдствіи прославился.

Тогда случилось одновременно два обстоятельства величайшей важности, именно смерть Фридриха Вильгельма, въ маѣ, и смерть Карла VI, въ октябрѣ 1740 года. Фридрихъ только что началъ свое правленіе и уже проявилъ свои монаршескія способности. Когда онъ увидѣлъ передъ собой огромную армію и не зналъ, что съ ней дѣлать, смерть императора открыла ему желанное поле дѣятельности. Престолонаслѣдіе въ Австріи было спорно: правда, императоръ провелъ свою прагматическую санкцію, въ силу которой наслѣдницей являлась его дочь съ своимъ лотарингскимъ супругомъ; однако, хотя большинство государей Европы гарантировало эту санкцію, всетаки непосредственно за смертью Карла VI выступило нѣсколько претендентовъ, изъ числа которыхъ Карлъ Альбрехтъ баварскій безъ сомнѣнія могъ имѣть ближайшія притязанія по древнему нѣмецкому праву. Это-то и предусмотрѣлъ Фридрихъ II, а также и то, что Франція также проявитъ большую склонность сыграть роль въ предстоящемъ конфликтѣ и использовать войну или прямо для бурбонскихъ интересовъ или инымъ способомъ. Пруссія сама имѣла предъявить Австріи нѣкоторыя притязанія. Одинъ изъ прежнихъ бранденбургскихъ государей правилъ въ Іегерндорфѣ, но во время тридцатилѣтней войны выгнанъ былъ оттуда Австріей. Уже великій курфюрстъ требовалъ вознагражденія за это, а также за нѣкоторыя другія владѣнія—Лигницъ, Бригъ, Волау въ Силезіи, которыя относились еще къ старому пястовскому наслѣдству,— но провалился съ своими притязаніями, и такимъ образомъ въ Гогенцоллернскомъ домѣ создалось что-то въ родѣ традиціи, будто Австрія обошла Пруссію въ законныхъ ея притязаніяхъ. И вотъ Фридрихъ сталъ совѣщаться съ своимъ министромъ фонъ-Подевильсомъ и генераломъ Шверином, вторгнуться ли ему въ Силезію уже зимою 1740—1741 года или выжидать дольше. Первое мнѣніе одержало верхъ; еще въ декабрѣ онъ двинулся въ Силезію и завладѣлъ ею, возбудивъ необычайное вниманіе Европы, причемъ для Фридриха особенно благопріятно

было то обстоятельство, что города съ преобладающимъ протестантскимъ населеніемъ встрѣчали его какъ своего избавителя. Правда, страну эту легче было завоевать чѣмъ удержать за собой. Фридрихъ II хлопоталъ о томъ, чтобы курфюрстъ баварскій выступилъ въ походъ противъ Австріи и чтобы французы поддержали его въ этомъ; Фридрихъ призналъ курфюрста богемскимъ королемъ и содѣйствовалъ его избранію въ германскіе императоры *). Но могъ ли Фридрихъ допустить, чтобы Баварія завоевала всю Австрію? Этого онъ вовсе не хотѣлъ и потребовалъ, во время одного свиданія съ австрійскимъ генераломъ Нейппергомъ, чтобы ему уступлена была Силезія, взамѣнъ чего онъ обѣщалъ бросить французовъ въ Германіи на произволъ судьбы. При этомъ онъ не хотѣлъ, однако, паденія Карла Альбрехта, а хлопоталъ о томъ, чтобы тотъ остался императоромъ; ибо планъ Фридриха направленъ былъ къ тому, чтобы основать Германскую имперію на соединеніи германскихъ князей, отъ которыхъ императоръ долженъ былъ нѣкоторымъ образомъ быть въ зависимости; Австрія должна была при этомъ имѣть столько же значенія, сколько и остальные государи, но не больше. Этой идеи онъ не могъ осуществить; какъ только Австрія снова почувствовала себя сильнѣе, начались новыя войны, и Фридрихъ II поставленъ былъ въ очень большое затрудненіе благодаря силамъ, которыя Марія Терезія призвала изъ Венгріи, а также благодаря успѣхамъ, которые дѣлала англійская такъ называемая прагматическая армія при Георгѣ II. Фридрихъ долженъ былъ изъявить согласіе на то, чтобы Францъ I, супругъ Маріи Терезіи, сдѣлался германскимъ императоромъ и Австрія получила свое прежнее господствующее положеніе.

Впрочемъ пріобрѣтеніемъ Силезіи Фридрихъ увеличилъ свои владѣнія почти на цѣлую треть и, опираясь на

*) Баварія страдала въ то время отъ величайшей финансовой нужды и въ военномъ отношеніи вовсе не была организована.

свою храбрую и увѣнчанную славою армію, могъ выступать въ качествѣ независимаго европейскаго государя. Вся остальная Европа не хотѣла терпѣть этого, и дѣло кончилось Семилѣтней войной, въ которой Франція вступила въ союзъ съ Австріей и Россіей противъ Пруссіи. Это была отчаянная, но геройская борьба: нѣсколько разъ Фридрихъ былъ близокъ къ тому, чтобы лишить себя жизни. Эта могучая коалиція противъ Пруссіи составилась слѣдующимъ образомъ: Франція хотѣла обращаться съ Пруссіей, какъ съ вассальнымъ государствомъ, и принудить ее къ войнѣ съ Англіей, а когда Фридрихъ на это не хотѣлъ согласиться, то онъ страшно разгнѣвалъ этимъ Людовика XV, который съ этихъ поръ называлъ Фридриха мятежникомъ и, несмотря на собственный дурной образъ жизни, прикрывался въ борьбѣ съ Фридрихомъ требованіями религіи. Подобнымъ же поводомъ руководилась и Елизавета, императрица русская, которая вмѣстѣ съ тѣмъ жила, какъ Мессалина. Марія Терезія, женщина вообще благочестивая и честная, воспользовалась нерасположеніемъ католическаго духовенства къ Фридриху въ своихъ видахъ, такъ что все соединилось для того, чтобы опрокинуть Фридриха.

Однако и самъ Фридрихъ не могъ выступить строгимъ протестантомъ, такъ какъ среди его подданныхъ было много католиковъ; онъ и выработалъ свою терпимость въ систему, довольно—таки уклонявшуюся отъ господствовавшихъ въ то время понятій, причемъ онъ совершенно абстрагировалъ отъ христіанства; однако, онъ вѣрилъ въ единаго Бога и не отрицалъ безсмертія души*). Онъ былъ безспорно крупнѣйшимъ политикомъ, какого только имѣла когда-либо Пруссія, я считаю его даже величайшимъ политикомъ, какого произвела Германія, такъ какъ онъ жилъ въ центрѣ событій, предвидѣлъ приближеніе бурь и всегда принималъ вѣрныя мѣры.

---

*) При смерти своей сестры онъ воскликнулъ: „какое счастье, если я снова увижу ее“.

Но вотъ въ 1768 году разразилась война Россіи съ Турціей; къ этому присоединились усилившіяся осложненія въ Польшѣ, которыя, наконецъ, привели къ тому, что Россія, Австрія и Пруссія согласились на томъ, чтобы каждая изъ этихъ державъ завладѣла частью Польши. Черезъ это прусская монархія пріобрѣла еще большее значеніе; но центръ тяжести ея все еще лежалъ на востокѣ, особенно въ Бранденбургѣ, и войны Фридриха направлены были единственно къ тому, чтобы закрѣпить за собой эти главныя провинціи; онъ допустилъ то, что отдаленная Пруссія въ Семилѣтнюю войну была отнята у него Россіей: для защиты своихъ рейнскихъ владѣній онъ тоже ничего не дѣлалъ; однимъ словомъ, онъ сосредоточилъ свои операціи на небольшомъ пространствѣ.

Такъ возвысилась Пруссія; она часто была въ союзѣ съ Австріей и послѣдней обязана даже своимъ королевскимъ достоинствомъ, какъ мы это видѣли выше, однако главныя пріобрѣтенія Пруссіи всетаки сдѣланы были скорѣе противъ желанія Австріи. Основной принципъ, на которомъ зиждется Пруссія, совершенно иной, чѣмъ австрійскій принципъ. Главные результаты дѣятельности Фридриха, которыми Пруссія обязана преимущественно ему,—это европейская независимость, образцово поставленное военное дѣло, очень сильная, энергичная администрація, которая не имѣетъ себѣ равной въ мірѣ. Къ этому присоединяется еще хорошее географическое положеніе, въ которомъ особенно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ то, что Австрія была не слишкомъ близко къ центру монархіи. Въ Германіи Пруссія и Австрія необходимо должны были дѣйствовать другъ противъ друга: Австрія все стремилась усилить императорскую власть и расширить свои владѣнія, Фридрихъ, напротивъ, непрерывно стремился къ ослабленію императорской власти и усиленію князей. Такъ, когда императоръ Іосифъ II-й хотѣлъ присоединить къ себѣ Баварію, составился союзъ князей, въ которомъ Фридрихъ хотѣлъ построить единство Германіи на соединеніи князей съ зависимымъ отъ нихъ императоромъ во главѣ, какъ онъ уже давно это проэктировалъ.

Такъ мало-по-малу образовались эти пять независимыхъ державъ, которыя всѣ основаны на нѣсколько различныхъ принципахъ: 1. Францiя—на католическомъ и монархическомъ принципѣ, соединенномъ еще съ iерархическими тенденцiями,—принципѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и романскимъ. 2. Англiя на германско-морскомъ и парламентскомъ принципѣ. 3. Россiя на славяно-греческомъ принципѣ, соединенномъ съ стремленiемъ присвоить себѣ въ матерiальномъ отношенiи культуру Запада; 4. Австрiя на принципѣ католицизма, монархiи и германизма; 5. Пруссiя на принципѣ германизма, протестантизма, милитаризма и администрацiи. Такъ всѣ эти державы одинаково выросли на деревѣ Европы. Австрiя возвышалась постепенно больше благодаря постоянной и послѣдовательной политикѣ, чѣмъ благодаря великимъ государямъ; Россiя, такъ сказать, сразу, благодаря одному великому генiю; Пруссiя благодаря предварительнымъ трудамъ нѣкоторыхъ очень значительныхъ государей и таланту и усилiямъ одного великаго короля; Англiя—благодаря парламенту; Францiя—благодаря Людовику XIV и послѣдующему влiянiю его государственнаго управленiя.

Такъ въ срединѣ XVIII вѣка установились эти великiя державы, которыя можно сравнить со столькими же небесными тѣлами, непрерывно движущимися вмѣстѣ и рядомъ другъ съ другомъ, то въ извѣстномъ соединенiи, то въ извѣстномъ уклоненiи другъ отъ друга. Въ эту эпоху онѣ никогда не были солидарны, онѣ постоянно двигались самостоятельно по собственнымъ внутреннимъ побужденiямъ, что вообще является основнымъ принципомъ всякой великой державы,—на время она можетъ вступить въ союзъ съ другой, что неоднократно и случалось въ то время, когда каждая изъ этихъ державъ искала себѣ союзниковъ *), но великая держава

*) Фридрихъ II-й говорилъ, что онъ никогда не можетъ обойтись безъ союза, и послѣ Семилѣтней войны наиболѣе подходящей для этого державой онъ считалъ Россiю.

никогда не должна подчиняться тенденціямъ другой. Однако изображенныя здѣсь событія еще не были послѣднимъ словомъ всемірной исторіи, и мы опять подходимъ къ новой эпохѣ, эпохѣ революціи.

§ 8.

Эпоха революціи.

Для того чтобы охарактеризовать эту эпоху, когда получила господство революціонная тенденція, я буду различать нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ ея: 1. образованіе монархической тенденціи; 2. сѣверо-американскую революцію; 3. французскую революцію; 4. міровую державу Наполеона; 5. конституціонную эпоху послѣ Наполеона.

1. Образованіе монархической тенденціи.

Можно сказать, что во второй половинѣ XVIII вѣка монархическія тенденціи всецѣло господствовали въ Европѣ. Европа въ сущности и состояла изъ вышепоименованныхъ великихъ державъ, которыя сами въ себѣ заключали уже значительную монархическую силу; чѣмъ рѣшительнѣе монархія осуществлялась, тѣмъ сильнѣе становился ея авторитетъ и могущество. Постановка монархіи Фридриха II дала толчекъ всѣмъ другимъ государствамъ къ болѣе прочной консолидаціи въ монархическомъ духѣ. Монархическая тенденція, проявившаяся въ Пруссіи наиболѣе рѣшительнымъ образомъ, скоро оказала свое воздѣйствіе и на Австрію, гдѣ Марія Терезія ввела административныя учрежденія, слѣдуя прусскому образцу. Ей наслѣдовалъ Іосифъ II, который съ величайшей энергіей стремился провести монархическіе принципы и сталъ изъ-за этого во враждебныя отношенія ко всѣмъ своимъ землямъ. Іосифъ II-й никогда не обладалъ достаточнымъ терпѣніемъ, чтобы основательно ознакомиться съ дѣломъ, и, не имѣя твердыхъ основъ, онъ

очертя голову отдался философскимъ идеямъ своего вѣка, въ которыхъ видѣлъ идеалъ для міра. Въ результатѣ его провинціи одна за другой возстали противъ него.

Та же монархическая тенденція обнаружилась и въ Даніи, гдѣ ее проводилъ Струэнзее, въ Швеціи, гдѣ Густавъ III произвелъ революцію съ цѣлью сверженія аристократіи. Та же тенденція дѣйствовала и въ южной Европѣ. Она была въ тѣсной связи съ духомъ тогдашней литературы. Именно, философское направленіе французской литературы пережило въ своемъ развитіи нѣсколько фазъ. Съ самаго начала оно стало въ оппозицію съ іерархическо-аристократическими принципами; но оно оставалось пока строго монархическимъ; оно вѣрило въ улучшеніе всего черезъ монархію; это направленіе въ началѣ было не атеистическимъ, а деистическимъ; Вольтеръ утверждалъ, что священники—противники монархіи, а философы—ея друзья. Это и было то направленіе литературы, къ которому примкнули Фридрихъ II, Густавъ III, Екатерина II. Однако и въ западной и романской части Европы сказалось вліяніе этой такъ называемой философіи, и результатомъ этого вліянія явилась рѣзкая вражда къ іезуитамъ.

Какъ мы уже вскользь указали, и бурбонскіе дворы стремились упрочить свое положеніе, а потому не хотѣли больше терпѣть той тѣсной связи съ Римомъ, посредниками которой являлись главнымъ образомъ іезуиты. Только во Франціи, гдѣ правительство было плохо и дѣйствовали партіи, дѣло не дошло до такого энергичнаго проявленія силы, какъ въ другихъ мѣстахъ; такъ какъ партіи захватили дѣло въ свои руки, оно шло впередъ лишь толчками. Здѣсь другъ противъ друга стояли двѣ партіи, — философская и католическая, религіозная. Первая формулировала свои обвиненія противъ іезуитовъ. Орденъ этотъ необычайно распространился и во Франціи, и такъ какъ онъ уже не могъ болѣе съ прежней силой преслѣдовать прямую свою цѣль, борьбу съ протестантизмомъ, то онъ захватилъ въ свои руки дѣло преподаванія. Однимъ изъ главныхъ

обвинительныхъ пунктовъ противъ іезуитовъ была также цвѣтущая торговля, которую они вели во всѣхъ странахъ свѣта; случайно произошло банкротство, за которое пытались сдѣлать отвѣтственнымъ весь орденъ. Дѣло предстало передъ парламентомъ, и іезуиты мало-по-малу осуждены были общественнымъ мнѣніемъ. Та же судьба преслѣдовала ихъ въ Испаніи и Португаліи, гдѣ борьбу противъ іезуитовъ впервые открылъ Помбаль, великій министръ, раздѣлявшій взгляды своего столѣтія. Бурбонскіе дворы въ Испаніи, Франціи и Италіи послѣдовали этому примѣру, и, наконецъ, даже папа Климентъ XIV увидѣлъ себя болѣе или менѣе вынужденнымъ упразднить въ 1773 году іезуитскій орденъ. Орденъ палъ жертвой подымавшагося во всей Европѣ монархическаго духа, которому въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить и папа.

Разговоръ.

Король Максимиліанъ: Можно ли сказать, что орденъ долженъ былъ уступить передъ собственно свободомыслящимъ теченіемъ, помимо монархическаго?

Ранке: Назвать это теченіе свободомыслящимъ было бы слишкомъ сильно; теченіе, жертвой котораго пали іезуиты, было философское, которое, однако, примыкало къ монархіи. Но монархія была и сама по себѣ заинтересована въ томъ, чтобы подавить могущество іезуитовъ, ибо они пріобрѣли такую силу, что иногда даже становились противъ правительства; нпр., въ слѣдующемъ случаѣ: когда Португалія и Испанія заключили договоръ объ обмѣнѣ нѣкоторыхъ земель въ южной Америкѣ, іезуиты воспротивились этому соглашенію. Вообще они выступали противниками многихъ представителей монархическаго принципа. Когда Шуазель задумалъ объединить всѣ силы страны, чтобы направить ихъ противъ Англіи, іезуиты составили оппозицію. Упраздненію іезуитскаго ордена содѣйствовало также стремленіе монар-

хіи стать полновластнымъ господиномъ въ странѣ, а не считаться съ римскимъ генераломъ, который руководилъ многочисленной живущей во Франціи корпораціей.

Король Максимиліанъ: Оказывали ли іезуиты сопротивленіе внутри страны?

Ранке: Въ короля Іосифа португальскаго одинъ разъ стрѣляли, и Помбаль, неизвѣстно насколько основательно, взваливалъ отвѣтственность за это покушеніе на іезуитовъ. Когда въ Испаніи издано было распоряженіе, ограничивавшее ношеніе широкополыхъ шляпъ и такъ называемыхъ испанскихъ плащей, и народъ возсталъ противъ этого распоряженія,—говорили, что въ этомъ возмущеніи принимали участіе іезуиты. Однимъ словомъ, они нигдѣ не примыкали къ государственному принципу и являлись также противниками новшествъ въ политическомъ отношеніи. Однако большинство преступленій, которыя взваливали на іезуитовъ, осталось недоказаннымъ.

Король Максимиліанъ: А не случалось ли, что іезуиты пускались въ такія соглашенія съ чужими державами, которыя приносили ущербъ и опасность ихъ собственному отечеству?

Ранке: Прежде это случалось, позднѣе нѣтъ. Іезуиты были очень уклончивы. Сначала они примкнули къ Испаніи, потомъ ихъ сманили французскіе короли. Вообще они лучше всего умѣли соблюдать свои интересы.

Мы сейчасъ видѣли, что въ такъ называемую просвѣтительную эпоху о республикѣ и либерализмѣ не было и рѣчи, и что только продолжалась борьба противъ аристократіи и господства духовенства. Естественно, что Европа между тѣмъ пришла, благодаря этому, въ величайшее волненіе; ибо іерархическое и аристократическое начало въ то время имѣло еще очень многочисленныхъ приверженцевъ; Германія главнымъ образомъ покоилась на этихъ началахъ, особенно же австрійское преобладаніе въ имперіи прямо основано было на епископской власти.

2. Сѣверо-американская революція.

Какъ же возникла въ этомъ новомъ мірѣ еще другая сила и гдѣ она впервые обнаружилась? Явилась она въ Америкѣ, благодаря отпаденію сѣверо-американскихъ провинцій отъ Англіи. Дальнѣйшимъ вопросомъ является: какова идея, господствовавшая при этомъ отпаденіи? Какова была сдѣланнная отсюда абстракція, перешедшая въ Европу?

Мы должны припомнить, что послѣ того какъ германско-морской и парламентарный принципъ достигъ въ Англіи такого могущества, эта страна противупоставила прежнимъ испанскимъ колоніямъ другія, въ сѣверной Америкѣ. Большинство этихъ колоній было основано въ оппозиціи противъ прежней англійской тенденціи большею частью церковными партіями, католиками и протестантами, которые исключены были изъ господствующей англиканской церкви. Число этихъ эмигрантовъ сильно росло, и съ ихъ помощью англичане въ XVIII вѣкѣ завоевали Канаду, которая до этого времени была французскимъ владѣніемъ *). Благодаря этому германско-протестантскій принципъ сталъ преобладающимъ и въ сѣв. Америкѣ и пріобрѣлъ непомѣрное значеніе. Положено было начало англо-протестантской колонизаціи, до извѣстной степени въ противорѣчіи съ метрополіей, колонизаціи, передъ которой подались всѣ туземцы.

Пока въ Англіи господствовали вигскіе принципы, въ сѣв. Америкѣ дѣло шло прекрасно; но вотъ во главѣ правленія сталъ Георгъ III, который свергнулъ виговъ и назначилъ новое торійское министерство; послѣднее не умѣло какъ слѣдуетъ вести дѣла и было не въ такомъ тѣсномъ согласіи съ высшими властями американскихъ провинцій, какъ прежніе министры.

---

*) Французы совершенно основательно говорили тогда: мы потеряли Америку въ Германіи, разумѣя подъ этимъ то, что они объявили войну Фридриху II прусскому. Если бы они вмѣсто этого переправились въ Америку, они скорѣе отразили бы англичанъ.

Это новое министерство старалось привести въ порядокъ разстроенные финансы Англіи и считало лучшимъ средствомъ для этого обложеніе налогами сѣверо-американскихъ колоній, которыя все болѣе и болѣе процвѣтали. Сѣверо-американскія колоніи должны были бы подчиниться этому требованію, если бы Георгъ III, какъ король, не находился въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ всѣ другіе государи того времени. Именно, онъ былъ связанъ парламентомъ, и всѣ налоги прежде всего должны были быть одобрены парламентомъ. Сѣвероамериканцы и выставили такое положеніе: парламентъ можетъ разрѣшать налоги только отъ имени тѣхъ, представителемъ кого онъ является; провинціи же не имѣютъ представителей въ парламентѣ, слѣдовательно парламентъ не можетъ давать разрѣшеніе на взиманіе налоговъ съ провинцій. Такимъ образомъ протестъ, поднявшійся въ сѣв. Америкѣ противъ новаго обложенія, направленъ былъ не столько противъ королевской власти, сколько противъ этого парламентскаго устройства, такъкакъ сѣверо-американцы утверждали, что парламентское право покоится на принципѣ: никто не можетъ быть принужденъ къ безпрекословной отдачѣ своего имущества. Отсюда вышелъ споръ объ основахъ государственнаго устройства, именно о томъ, насколько оно является представительнымъ. Американцы настаивали на своемъ толкованіи, а король сошелся съ своимъ парламентомъ въ утвержденіи, что американскія провинціи на законномъ основаніи обязаны уплачивать по крайней мѣрѣ пошлины на привозные товары, на чай, стекло и т. д., пошлины, стоявшія въ связи съ торговлей. Но американцы воспротивились и этому, начиная сознавать свою силу. Они тѣсно сплотились и хотѣли теперь даже уничтожить торговыя стѣсненія, которыя до сихъ поръ налагали на нихъ англичане.

Въ это время англичане уже завоевали значительную часть Остъ-Индіи, и имъ легко было получать чай по дешевой цѣнѣ черезъ остъ-индскую компанію. На этотъ чай они назначили таксу, по которой онъ, однако, не

обходился дороже прежняго, и отправляли его въ Америку, причемъ требовали, чтобы сѣверо-американцы покупали этотъ чай по установленной таксѣ. Но американцы уже воспламенились, и знаменитый бостонскій чайный разгромъ былъ первымъ актомъ открытаго возмущенія. Разумѣется, это возбудило въ Англіи величайшее неудовольствіе, и король рѣшилъ закрыть бостонскую гавань и силой вернуть американцевъ къ повиновенію. Такъ какъ король все больше дѣйствовалъ за одно съ парламентомъ, то сѣверо-американское движеніе теперь направилось и противъ короля, и сѣверо-американцы все болѣе склонялись къ демократическимъ основамъ англійскаго государственнаго устройства.

Въ 1775 году разразилась война, но ее нельзя было вести, пока сѣверо-американцы еще оставались подъ англійскимъ господствомъ, и вотъ произошло достопамятное, въ высшей степени знаменательное для всемірной исторіи событіе — именно сѣверо-американцы извлекли республиканскія тенденціи и притомъ не такъ, какъ сдѣлали голландцы, которые сохранили аристократическій образъ правленія; сѣверо-американцы, напротивъ, думали, что они индивидуально не связаны болѣе изданными въ Англіи законами. Они взяли, поэтому, тѣ моменты англійскаго устройства, въ которыхъ оно является чисто представительнымъ, и каждый считалъ себя въ правѣ сопротивляться правительству, въ которомъ онъ не имѣетъ также своего представительства. Отъ этой идеи представительства былъ всего одинъ шагъ до республики, и онъ былъ сдѣланъ. Отсюда вышла борьба между обѣими этими частями англійской націи, борьба между болѣе роялистической тенденціей и демократической, которыя обѣ коренились въ англійскомъ строѣ.

Если посмотрѣть, какъ развертывались обстоятельства, то нельзя сказать, чтобы англійскій король и его парламентъ были неправы, въ противуположность Карлу I, о которомъ я совсѣмъ другого мнѣнія. Дѣло могло бы очень хорошо уладиться, если бы обѣ стороны не дер-

жались страстно за свои права. За то очень сомнительно, оказались ли бы американцы въ силахъ удержаться сами по себѣ; но они нашли поддержку въ Европѣ и именно у бурбонскихъ державъ, у Франціи и Испаніи. Послѣднія въ вопросѣ о морскомъ могуществѣ стояли въ принципіальной враждѣ съ Англіей, отъ которой онѣ очень сильно пострадали въ семилѣтней войнѣ. Онѣ хотѣли, поэтому, отдѣлаться отъ англійскаго преобладанія и улучили удобный моментъ, когда въ средѣ англо-саксонской національности вспыхнула эта борьба, чтобы стать на сторону сѣверо-американскаго возмущенія, сгоряча не замѣчая того, что вѣдь всѣ правительства покоятся на томъ самомъ принципѣ, который теперь подвергся нападенію сѣверо-американцевъ. Въ 1776, 1777 и 1778 годахъ сѣверо-американцы были на краю гибели. Только благодаря сухопутной и морской помощи со стороны Франціи, благодаря деньгамъ и добровольцамъ, стекавшимся изъ ненависти къ Англіи, сѣверо-американцамъ удалось утвердиться и добиться по Версальскому миру признанія своей независимости.

Благодаря тому, что сѣвероамериканцы, отпавшіе отъ конституціоннаго принципа, дѣйствовавшаго въ Англіи, создали республику, покоющуюся на индивидуальномъ правѣ личности, благодаря этому въ мірѣ появилась новая сила; ибо идеи тогда только быстро распространяются, когда находятъ опредѣленное, соотвѣтствующее имъ выраженіе. Такъ проникла республиканская тенденція въ этотъ романо-германскій міръ. Этимъ монархія обязана безтолковости министровъ Георга III.

Разговоръ.

Король Максимиліанъ: Коренился ли этотъ республиканскій принципъ въ англійской конституціи?

Ранке: Этого нельзя утверждать рѣшительно; во всякомъ случаѣ путь къ нему былъ проложенъ; но съ своей стороны и монархія коренилась въ конституціи.

Кор. М.: Дѣйствительно ли англійская конституція вы-

сказывала принципъ, что всѣ подданные должны быть извѣстнымъ образомъ представлены въ парламентѣ?

Ранке: Это не выражено ясно въ англійской конституціи. Впрочемъ, если бы этотъ принципъ вообще былъ признанъ, метрополія сама должна была бы раньше совершить реформу парламентскаго строя; ибо въ самой Англіи много большихъ городовъ не имѣли представителей, въ то время какъ маленькія мѣстечки (rotten boroughs) посылали своихъ представителей въ Лондонъ. Это представительство было поэтому больше юридической фикціей. Американцы были бы въ правѣ требовать какой-либо формы предстательства за ихъ интересы. Одинъ разъ, когда борьба уже разгорѣлась, имѣлось даже въ виду изъ Англіи дать американцамъ общее государственное устройство; но американцы не приняли его.

Въ чемъ же состояла эта сѣвероамериканская республика? 1. Въ томъ, что устранены были монархическія влiянія, существовавшія до этихъ поръ. Внутренней борьбы вести не пришлось; все общество осталось въ прежнемъ своемъ видѣ, и только губернаторы и ихъ помощники были смѣщены, а на ихъ мѣсто избраны новые. 2. Второе измѣненіе состояло въ томъ, что эти провинціи соединились въ одно цѣлое. Самая возможность этого соединенія, своего рода слава, сопутствовавшая людямъ, которые главнымъ образомъ содѣйствовали этимъ измѣненіямъ, дальнѣйшее благополучіе этого новаго общественнаго соединенія,—все это оказало величайшее вліяніе на Европу.

Возникло мнѣніе, что это самая дешевая форма правленія, и въ то время какъ въ Европѣ подданные обязаны къ безпрекословному повиновенію, тамъ только человѣкъ имѣетъ цѣну. До сихъ поръ въ Европѣ думали, что монархія всего лучше сознаетъ выгоды націи, теперь возникла теорія, что нація сама должна управлять собою. Теперь только теорія представитель-

ства получила полное свое значеніе, послѣ того какъ она создала государство; къ этому теперь и направлены были всѣ революціонныя стремленія позднѣйшаго времени. Благодаря способности къ распространенію, свойственной тому поколѣнію, а также благодаря непрекращавшемуся притоку изъ Европы, молодая республика необычайно быстро поднялась, такъ что теперь сѣвероамериканцы стали одной изъ величайшихъ націй и непрестанно оказываютъ вліяніе на Европу. Эта революція была значительнѣе всякой другой, до сихъ поръ происшедшей въ мірѣ, это былъ полный переворотъ въ принципѣ. Прежде все группировалось около короля Божіею милостію; теперь возникла идея о томъ, что власть должна итти снизу. Въ этомъ заключается разница между старыми государственными чинами и теперешними конституціонными чинами. Тѣ были аналогичны королевской власти, они покоились на извѣстномъ наслѣдственномъ правѣ, и только современные чины выходятъ изъ народа. Эти два принципа стоятъ другъ противъ друга, какъ два разныхъ міра, и современный міръ весь живетъ не въ чемъ иномъ, какъ въ постоянномъ конфликтѣ между ними обоими. Въ Европѣ до сихъ поръ еще не выступало это противорѣчіе началъ; оно прорвалось во французской революціи.

3. Французская революція.

Во Франціи также вспыхнула борьба между монархіей и сохранившимися до тѣхъ поръ сословными и аристократическими привилегіями; борьба эта въ началѣ не имѣла никакого отношенія къ вышеизложеннымъ представительнымъ теоріямъ. Монархія Людовика XIV побѣждена была на полдорогѣ. Преемники Людовика XIV своимъ безсиліемъ вызвали сильное развитіе партій въ странѣ, причемъ однако всегда сохранялся монархическій принципъ. Людовикъ XV сдѣлалъ даже въ концѣ своего правленія еще крупный шагъ по пути развитія монархіи.

Система привилегированныхъ сословій рѣшительно усилилась въ XVIII вѣкѣ въ борьбѣ съ монархомъ. Духовенство и дворянство составляли все, третье сословіе было стѣснено; само правительство вѣчно нуждалось въ деньгахъ. Тогда Людовикъ XV рѣшился предпринять измѣненія въ парламентахъ, судебныхъ палатахъ, снабженныхъ нѣкоторыми политическими правами и считавшихъ себя какъ бы представителями всѣхъ привилегій. Людовикъ XV изгналъ эти парламенты изъ городовъ и провелъ новое судебное устройство, по которому парламенты, лишенные всѣхъ своихъ политическихъ правъ, должны были устроиться въ видѣ простыхъ судебныхъ палатъ.

Но въ этотъ моментъ Людовикъ XV умеръ, и ему наслѣдовалъ внукъ его Людовикъ XVI. Людовику XV, правда, удалось провести кое-что въ монархическомъ духѣ; но это было сдѣлано ненавистными средствами, и общество видѣло въ этомъ не дѣйствіе монархическаго принципа, а дѣятельность извѣстныхъ партій. Людовикъ XVI думалъ, что слѣдуетъ ознаменовать начало своего правленія актомъ милости, и думалъ привлечь симпатіи націи, стоявшей за парламенты, тѣмъ, что возстановилъ парламенты со всѣми ихъ прежними правами, въ силу которыхъ они имѣли, между прочимъ, полномочіе выражать протестъ противъ эдиктовъ короля и вообще поддерживать привилегіи, которыя все еще дѣйствовали въ странѣ. Но этимъ распоряженіемъ король намѣтилъ свою судьбу.

Его доброта и наклонность къ улучшеніямъ побуждали его браться за нѣкоторыя реформы; но каждый разъ, когда онъ дѣлалъ это, парламенты выступали противъ него; такая участь постигла министра Тюрго съ его реформами, а также и другихъ.

Король вмѣшался въ американскую войну, въ надеждѣ нанести пораженіе англичанамъ, и много французовъ отправилось въ Америку. Это имѣло двоякое вліяніе: 1. французы, видѣвшіе дурное положеніе дѣлъ у себя на родинѣ, пришли теперь къ мысли, что одни

американцы напали на правильный путь; 2. французская литература приняла теперь другое направленіе. Во второй половинѣ XVIII вѣка въ философіи получило господство матеріалистическое направленіе (Дидро и т. д.).

Эти философы не вѣрили въ Бога и ничего не хотѣли слышать больше о королѣ. Эти люди мечтали о совсѣмъ иного рода республикѣ; сѣвероамериканская республика всетаки хранила еще въ себѣ что-то идеальное, эти же матеріалистическія воззрѣнія исходили изъ стремленія къ необузданнымъ наслажденіямъ.

Итакъ съ одной стороны Людовикъ XVI поддерживалъ отчасти движеніе, направлявшееся противъ королевской власти, съ другой стороны правительство поставлено было въ необходимость изыскивать все новыя денежныя средства и предпринимать необходимыя для этой цѣли измѣненія въ финансахъ Франціи.

Такъ Франція вышла изъ американской войны сильная на морѣ, но въ необычайномъ денежномъ затрудненіи, раздираемая къ тому же внутри двумя могущественными партіями: парламентомъ и привилегированными съ одной стороны, а съ другой—философами, которые безъ устали боролись противъ аристократіи и іерархіи. Правительству невозможно было оставлять дѣла въ такомъ положеніи, нужно было предпринять измѣненія. Что же сдѣлало правительство? Калоннъ, проникнутый философскими идеями, созвалъ, въ 1787 году, видныхъ людей государства для исправленія податной системы, между тѣмъ какъ по закону для этого надо было бы созвать государственные чины *), на что, однако, Калоннъ не согласился. Какъ только этотъ министръ выступилъ съ своими пространными физіократическими **) предложеніями, онъ наткнулся

*) Съ 1614 года уже не собирались государственные чины; нотаблей же собиралъ уже Ришелье, но дѣло въ томъ, что Калонну далеко было до Ришелье.

**) По проэкту Калонна налоги должны были основываться на доходахъ съ земли; каждую весну должны были быть посылаемы въ де-

на самую рѣзкую оппозицію со стороны нотаблей. Они заявили, что не имѣютъ полномочій разрѣшать налоги, и Калоннъ вскорѣ былъ свергнутъ. Его преемникъ въ званіи перваго министра архіепископъ Бріеннъ сдѣлалъ нѣсколько разумныхъ предложеній, которыя и были частью приняты нотаблями, но это дѣлалось всегда съ условіемъ, что потомъ эти предложенія представлены будутъ парламенту.

Порядокъ веденія дѣла во Франціи былъ слѣдующій: если правительство издавало новыя финансовыя постановленія, то оно предварительно представляло ихъ въ парламентъ на утвержденіе, и тогда только налоги подлежали платежу. Парламентъ уже принципіально былъ противъ всякихъ измѣненій, а аристократія съ удовольствіемъ ухватилась за этотъ моментъ, чтобы ограничить королевскую власть. Наконецъ, оппозиція выступила съ заявленіемъ, что парламентъ вовсе не уполномоченъ разрѣшать налоги, что для этого должны быть собраны Генеральные штаты. Правительство, очутившееся благодаря этому требованію въ самомъ затруднительномъ положеніи, прибѣгло къ различнымъ уловкамъ, потому что, разъ созваны эти старо-аристократическіе элементы, королевская власть всяческимъ образомъ была бы ограничена, и создалась бы ограниченная монархія въ старомъ смыслѣ этого слова. Правительство заявило свою готовность собрать штаты только черезъ четыре года; но нечего было и думать объ этомъ, потому что аристократія рѣшила, что теперь или никогда настало время стать рядомъ съ правительствомъ.

Если нежелательно имѣть штаты въ прежнемъ видѣ, то какъ вообще можно было созвать штаты? Они состояли изъ дворянства, духовенства и горожанъ. Въ духовенствѣ ничего нельзя было измѣнить, точно так-

ревню люди, на обязанности которыхъ лежало вычисленіе площади посѣва и, сообразно съ этимъ, дохода отъ урожая. Это было послѣдствіемъ физіократической системы, приверженцемъ которой былъ уже Кенэ, котораго Людовикъ XV называлъ своимъ мыслителемъ (Penseur).

же и въ дворянствѣ; правительство и думало, что нужно сильнѣе прежняго представить третье сословіе, усилить его такъ, чтобы оно равнялось двумъ другимъ, вмѣстѣ взятымъ; ибо только такимъ путемъ третье сословіе могло бороться съ двумя остальными. Но съ другой стороны это было и очень опасно, потому что въ третьемъ сословіи пустила корень республиканская идея. Горожане исполнены были недовольства противъ обоихъ другихъ сословій, и вотъ обнаружилось величайшее броженіе.

Тогда министръ Неккеръ велѣлъ объявитъ, что въ маѣ ближайшаго 1789 года должны собраться штаты, причемъ у третьяго сословія будетъ столько голосовъ, сколько у другихъ двухъ вмѣстѣ (doublement du Tiers). Такимъ образомъ правительство до извѣстной степени вступило въ союзъ съ новыми американскими идеями, такъ что Неккеръ самъ испугался. Но мало того: публика открыто приглашена была правительствомъ высказать свои взгляды на то, какъ всего лучше упорядочить французскій строй. Эта мѣра окончательно привела страну въ величайшее волненіе *). При такихъ обстоятельствахъ въ 1789 году собрались штаты, причемъ неизвѣстно было, что изъ всего этого выйдетъ и какъ будутъ подавать голоса въ этомъ собраніи: поголовно ли—par tête,—тогда третье сословіе имѣло бы перевѣсъ, или по сословіямъ—par ordre—тогда дворянство съ духовенствомъ были бы въ большинствѣ. У Неккера не хватало мужества рѣшить этотъ вопросъ.

Уже въ самомъ началѣ при провѣркѣ полномочій не могли притти къ соглашенію относительно того, производить ли эту провѣрку сообща или порознь, отдѣльно въ каждомъ сословіи. Король имѣлъ въ виду, чтобы сословія предварительно собрались вмѣстѣ, а затѣмъ предложили бы государственное устройство, основанное

*) Въ своей брошюрѣ „Что такое третье сословіе?“ аббатъ Сіейесъ на вопросъ, чѣмъ желаетъ быть третье сословіе, отвѣчалъ: чѣмъ-нибудь; впослѣдствіи же третье сословіе хотѣло быть не только чѣмъ-нибудь, а всѣмъ.

на системѣ двухъ палатъ. Однако и этого предварительнаго соединенія нельзя было осуществить. Мирабо отъ имени третьяго сословія заявилъ: мы—представители народа; никто не можетъ намъ приказывать; но мы желаемъ заключить договоръ съ королемъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ осложненій вышло то, что король, удвоившій число представителей третьяго сословія, чтобы найти въ немъ опору, испугался своего собственнаго созданія и принужденъ былъ поведеніемъ третьяго сословія стать на сторону привилегированныхъ. Тогда третье сословіе, какъ въ сѣверной Америкѣ, объявило себя противникомъ не только другихъ сословій, но и короля, и дѣло дошло до знаменитой сцены, когда населеніе Парижа, съ одушевленіемъ ставшее на сторону третьяго сословія, отправилось въ Версаль, принудило короля итти въ Парижъ и здѣсь сдѣлало изъ него до извѣстной степени плѣнника. Теперь король заявилъ дворянству, чтобы оно соединилось съ третьемъ сословіемъ, и послѣднее осуществило свое намѣреніе, чтобы по каждому отдѣльному вопросу голосованіе происходило поголовно.

Благодаря этому все созрѣло для переворота. Теперь-то получила господство теорія представительства и тотъ взглядъ, что власть идетъ снизу; люди, раздѣлявшіе этотъ взглядъ, принялись за переустройство Франціи на этой основѣ, противорѣчившей всему существовавшему. Но они должны были идти въ этомъ гораздо дальше сѣвероамериканцевъ. Тамъ достаточно было смѣстить нѣкоторыхъ чиновниковъ и на ихъ мѣсто посадить выбранныхъ; здѣсь же глубоко пустило корни старое романогерманское государство, учрежденія котораго приходилось уничтожать цѣликомъ. Это была абстракція американской идеи, а не ея реальность. Случилось это какъ разъ въ моментъ, когда борьба между обѣими силами, монархіей и аристократіей, разгорѣлась въ сильнѣйшей степени. Можно утверждать, что уступчивость короля въ этомъ отношеніи была въ высшей степени необдуманной и роковой; но въ томъ-то и заключается

несчастіе людей, что они непослѣдовательны въ выборѣ своихъ мѣръ.

Эта уступка со стороны короля и привела къ Учредительному Собранію.

Я уже показалъ, какъ эта идея государства, получающаго начало снизу, отъ народа, изъ Америки перешла въ Европу, и какъ эта абстракція американской республики пустила корни въ Европѣ, и именно въ той странѣ, которая всегда и во всемъ давала тонъ. Такъ собралось теперь Учредительное Собраніе, задачей котораго было создать государственное устройство, гдѣ на ряду съ другими факторами власти отводилось мѣсто и королевской власти. Но это было не на долго: монархическій принципъ былъ подкопанъ, а иного принципа, кромѣ республиканскаго, не было. Вскорѣ изъ конституціонной партіи развилась якобинская, которая съ крайнею послѣдовательностью проводила въ жизнь идею народнаго суверенитета и власти, идущей отъ народа, пока наконецъ вся нація, охваченная какимъ-то фанатическимъ головокруженіемъ, ни о чемъ больше не думала, какъ объ осуществленіи своего политическаго идеала свободы, равенства, братства.

Шагъ за шагомъ пришли къ сверженію Людовика XVI, къ его казни и, наконецъ, къ объявленію республики. Между тѣмъ предпринята была война съ Германіей, возникшая изъ того, что французы хотѣли ввести политическія новшества и въ Эльзасѣ; этому воспротивились нѣмецкіе князья, имѣвшіе права въ Эльзасѣ, ссылаясь въ своемъ протестѣ на принадлежность свою къ имперіи. Въ началѣ нѣмецкіе союзники съ небольшими своими силами ничего не могли сдѣлать; но потомъ они усилились и грозили Франціи большою опасностью; вслѣдствіе этого во Франціи развилась партія террора, которая нивеллировала все и провозгласила религію разума. Появлялись самыя причудливыя божества; кто хоть сколько-нибудь казался несочувствующимъ господствовавшимъ ученіямъ, становился подозрительнымъ, и одно только подозрѣніе приводило къ гильотинѣ. Величайшіе

фантазеры, захватившіе государство въ свои руки благодаря такому ходу дѣлъ, тѣ люди, которые были наиболѣе рѣзкими и дикими представителями господствующихъ идей, становились господами положенія. Но терроръ имѣлъ по крайней мѣрѣ то послѣдствіе, что всѣ, кто только могъ бѣжать отъ господства дикой толпы, устремились къ границѣ и тамъ съ остервенѣніемъ боролись противъ внѣшнихъ враговъ Франціи, такъ что о реставраціи Бурбоновъ нечего было и думать.

Разговоръ.

Король Максимиліанъ: Въ чемъ же главнымъ образомъ ошибался Людовикъ XVI?

Ранке: Ошибки Людовика XVI не были ошибками сердца; намѣренія его были совершенно чисты, онъ вовсе не хотѣлъ стѣснять свободу, напротивъ, онъ хотѣлъ даровать націи права. Но политическія ошибки его были огромны; онѣ заключались 1. въ томъ, что онъ возстановилъ парламенты; 2. въ томъ, что онъ вмѣшался въ американскую войну; 3. въ томъ, что онъ предоставилъ такое большое вліяніе своей супругѣ,— особенно при замѣщеніи министерскихъ мѣстъ; 4. въ томъ, что онъ допустилъ удвоеніе представителей третьяго сословія, а когда эта сила уже была на лицо и грозила стать выше его, онъ ея испугался и обратился противъ нея.

Король Максимиліанъ: А развѣ не слѣдовало Людовику XVI, вслѣдствіе господствовавшей въ странѣ финансовой нужды, ввести народное представительство?

Ранке: Онъ не столько достоинъ былъ порицанія за то, что созвалъ парламенты, сколько за то, что немедленно хотѣлъ приняться за реформы. Далѣе, ему не слѣдовало приглашать общество высказать свое мнѣніе о пересмотрѣ государственнаго строя. Наконецъ, онъ долженъ былъ какъ слѣдуетъ организовать удвоеніе числа представителей третьяго сословія, прежде чѣмъ выступать съ этой мѣрой передъ генеральными штатами.

Кое-что, во всякомъ случаѣ, нужно было сдѣлать, но болѣе дѣльнымъ maнеромъ съ монархической точки зрѣнія.

Кор. Макс. Возможно ли, чтобы Людовикъ XVI продолжалъ царствовать, если бы онъ далъ монархическую конституцію?

Ранке. Тогда ему не слѣдовало бы вовсе собирать штаты или по крайней мѣрѣ не удваивать третьяго сословія; его ошибка и заключается именно въ томъ, что онъ вовсе не воспользовался удвоеннымъ третьимъ сословіемъ, когда оно было на лицо.

Кор. Максим. Правда ли, что Людовигъ XVI читалъ исторію Карла I и изо дня въ день поступалъ какъ разъ на оборотъ тѣмъ мѣропріятіямъ, къ которымъ прибѣгалъ Карлъ I?

Ранке. Это неправда. Онъ прочелъ исторію Карла I только въ тюрьмѣ.

Кор. Максим. На какихъ правовыхъ основаніяхъ осужденъ былъ Людовикъ XVI?

Ранке. Главный обвинительный пунктъ состоялъ въ томъ, что онъ измѣнникъ предъ своей націей, противъ которой онъ будто бы составилъ заговоръ съ другими державами; тогда какъ Карла I обвиняли больше въ нанесеніи ущерба интересамъ націи.

4. Наполеоновская эпоха.

Когда дѣло достигло этого кульминаціоннаго пункта, республиканцы оказались не въ состояніи управлять дольше. Система террора свергнута была группой умѣренныхъ, которые въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ шли всетаки слишкомъ далеко. Послѣ этого установлена была директорія. Но и она не могла держаться, ибо національное представительство, стоявшее рядомъ съ ней, находилось постоянно въ колебаніи, потому что согласно конституціи постоянно выбывала третья часть представителей, чтобы чрезъ извѣстный періодъ замѣниться новыми. Ни во внутренней, ни во внѣшней политикѣ директорія не имѣла успѣха; новая коалиція

1798 года, изъ Австріи, Россіи и Англіи дѣйствовала побѣдоносно, соединившись съ сильной роялистической партіей во Франціи, особенно могущественной въ Парижѣ и другихъ городахъ. Если бы въ то время за королевскую власть вступился генералъ, въ родѣ Монка, то Бурбоны вѣроятно тогда же были бы возстановлены на французскомъ престолѣ; но случилось нѣчто совсѣмъ обратное. Былъ на лицо выдающійся генералъ, который уже оказался полезенъ въ прежнихъ войнахъ, завоевалъ Италію и пріобрѣлъ большую славу въ Египтѣ; но возстановлять королевскую власть онъ вовсе не имѣлъ въ виду; онъ хотѣлъ самъ сдѣлаться господиномъ во Франціи. Въ 1799 году по возвращеніи изъ Египта Бонапартъ въ званіи консула захватилъ власть въ свои руки.

Послѣ этого онъ принялся за преобразованіе государства и сталъ отмѣнять значительнѣйшую долю того, что ввели республиканцы. Онъ обнаружилъ необычайный талантъ, положивъ конецъ финансовой путаницѣ; еще будучи консуломъ онъ приказалъ составить Code Napoléon и этимъ возстановилъ юстицію; онъ заключилъ конкордатъ съ папой и возстановилъ религію; онъ поставилъ всю администрацію на новую ногу и возстановилъ военное дѣло. Словомъ, онъ былъ однимъ изъ величайшихъ геніевъ въ области государственнаго управленія. Онъ положилъ конецъ коалиціи и выступилъ послѣ этого господиномъ всего міра. Хотя онъ не оставилъ ни малѣйшаго слѣда анархіи, однако принялъ революцію во всѣхъ ея результатахъ. Такъ, напр., возстановивъ церковь, онъ оставилъ, однако, церковныя имѣнія въ рукахъ тѣхъ, кто пріобрѣлъ ихъ во время революціи; онъ призналъ уничтоженіе всѣхъ прежнихъ привилегій, и на этомъ хотѣлъ основать монархію. Онъ пробовалъ было управлять при помощи конституціи, но это такъ же мало удалось ему, какъ и Кромуэлю. Короче говоря, онъ хотѣлъ стать господиномъ міра и основать династію, предъ которой всѣ другія должны были склониться. Наполеонъ не былъ императоромъ одной Фран-

ціи, какъ говоритъ Тьеръ; онъ исходилъ изъ того взгляда, что онъ преемникъ Карла Великаго, какъ онъ нерѣдко называлъ самъ себя.

Главными противниками, съ которыми ему приходилось бороться, были англичане, а такъ какъ Австрія стояла за англичанъ, то онъ набросился и совершенно уничтожилъ ее (Пресбургскимъ миромъ 1805 года). Пруссію, которая не во время примкнула къ Австріи и мѣшала ему въ его дѣлахъ, онъ также уничтожилъ. Испаніей онъ овладѣлъ благодаря безпримѣрной интригѣ, которой онъ принудилъ испанскаго короля отказаться отъ престола въ пользу своего брата Іосифа.

Такъ революція проникла и въ Германію, но она явилась туда не въ формѣ террора *), а скорѣе въ монархической формѣ. Наполеонъ принудилъ наконецъ Германскую имперію къ отдачѣ лѣваго берега Рейна, а чтобы возмѣстить потери нѣмецкихъ государей, онъ разрѣшилъ отмѣну всего іерархическаго строя и медіатизированіе цѣлаго ряда имперскихъ городовъ. При этомъ нѣкоторыя нѣмецкія территоріи были расширены Наполеономъ, и это надо считать счастьемъ для Германіи, потому что благодаря этому могли быть сохранены хоть нѣкоторыя изъ старыхъ германскихъ идей. Въ этой преобразованной Германіи революція явилась сверженіемъ прежняго строя и вмѣстѣ съ тѣмъ господствомъ французскаго императора, который, побѣдивъ Австрію и Пруссію, чувствовалъ себя господиномъ въ Германіи, основалъ Рейнскій союзъ и, вѣроятно, скоро положилъ бы конецъ господству нѣмецкихъ государей, если бы остался въ силѣ. Тогда-то въ Германіи обнаружилась манія перевоспитанія народа и уничтоженія всего существующаго. Но своей собственной силой эти идеи ничего не могли здѣсь сдѣлать: все совершалось подъ вліяніемъ Франціи. Приниженная Австрія должна была отдать Наполеону свою дочь, потому что онъ

*) Отдѣльныя явленія террористическаго характера случались на Рейнѣ; такъ, напр., въ Майнцѣ воздвигнута была гильотина.

хотѣлъ основать новую могучую династію, а для этого ему нужно было имѣть законнаго наслѣдника. Кто знаетъ, что сталось бы съ Европой, если бы ему удался этотъ планъ?

Съ Россіей Наполеонъ сначала былъ въ добромъ согласіи, состоялось даже свиданіе обоихъ монарховъ, во время котораго Россія и Франція какъ бы подѣлили между собою міръ. Но эта дружба не могла быть прочной. Произошли разногласія между обѣими державами, и эти разногласія привели къ огромному, безпримѣрному въ исторіи походу Наполеона въ Москву. Кто знаетъ, что сталось бы съ міромъ, если бы русскіе, какъ полуварвары, не подожгли своей столицы, и если бы Наполеону удалось стать въ Москвѣ на зимнія квартиры?

Послѣ этого несчастнаго похода проснулось новое мужество въ Германіи, именно въ Пруссіи, хотя она въ то время опустилась до полнѣйшей политической ничтожности. Единодушію союзниковъ удалось положить конецъ Наполеоновскому господству *). Эта всемірная борьба и паденіе Наполеона вызвали ту группировку государствъ, которая, въ общихъ очертаніяхъ, существуетъ еще и понынѣ. На заключенныхъ въ то время, въ 1814 и 1815 годахъ, договорахъ покоится весь современный строй Европы.

5. Конституціонная эпоха.

Все вниманіе, которое до сихъ поръ обращено было на внѣшнія обстоятельства, теперь направилось на внутреннія отношенія. Не было страны, гдѣ бы оба принципа—монархіи и народнаго суверенитета—не пришли въ столкновеніе.

Въ южной Европѣ, въ Испаніи, въ римскомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ итальянскихъ государствахъ сдѣ-

*) Баварія къ счастью во время присоединилась къ державамъ, составившимъ союзъ противъ Наполеона.

лали попытку возстановить королевскую власть въ чистомъ видѣ. Но въ другихъ государствахъ не раздѣляли этого мнѣнія, а хотѣли въ дѣйствительности ввести конституціонное устройство, которое въ наполеоновскую эпоху являлось лишь пустой формулой въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно существовало. Хотѣли примирить между собою оба принципа—національнаго суверенитета и монархіи, наслѣдственности сверху, самоуправленія снизу. Таковъ былъ лозунгъ Европы. Даже самодержецъ всероссійскій, императоръ Александръ, думалъ, что ему удастся управлять въ Польшѣ при помощи конституціи; и Бурбоны дали конституцію, которая вовсе не была такъ плоха. Точно также и въ Германіи, которая сообразно положенію дѣлъ объединена была не въ имперію, а въ союзъ государствъ, введены были конституціонные принципы, за исключеніемъ Пруссіи, гдѣ остались провинціальные чины, и Австріи, которая, правда, тоже имѣла свои провинціальные чины, но болѣе всѣхъ другихъ отстала въ конституціонныхъ идеяхъ. Такимъ образомъ борьба, которая до сихъ поръ вращалась въ широкихъ міровыхъ кругахъ, перенесена была во внутрь государствъ, и конституціонная тенденція, въ которой видѣли прогрессъ времени, стала преобладающей, послѣ того какъ монархическій принципъ усилился благодаря продолжительному военному положенію.

Тогда наступили событія 1830 года. Конституція старшихъ Бурбоновъ оказалась не въ состояніи поддержать порядокъ. При первомъ движеніи Бурбоновъ, направленномъ противъ конституціи и гарантированной ею свободы прессы, воспламенились народныя чувства, которыя въ послѣдніе годы выиграли въ интенсивности и не могли забыть того, что Бурбоны обязаны возстановленіемъ своего господства чужимъ народамъ. Старая хартія и старая династія были свергнуты, и на престолъ вступилъ Орлеанскій домъ. Но и эта новая система не удовлетворила французовъ. Происходили постоянныя пререканія по вопросамъ государственнаго строя, и разгорѣвшіяся симпатіи къ конституціоннымъ прин-

ципамъ оказали вліяніе даже на Англію, вызвавъ тамъ извѣстную парламентскую реформу въ либеральномъ духѣ. Вслѣдствіе этихъ движеній основано было новое королевство Бельгія, и вся Европа пришла въ броженіе. Къ этому присоединилось и то, что Пруссія въ 1840 году увидѣла себя вынужденной сойти съ прежняго своего пути—чистой администраціи въ соединеніи съ провинціальными чинами — и сдѣлать попытку реставраціи системы чиновъ. Но это не привело къ цѣли, и наконецъ въ 1847 году пришли къ соединенному лондтагу, который, собравшись, принялъ рѣшительное направленіе въ либеральную сторону. Это оказало величайшее вліяніе не только на Германію, но и на всю Европу.

Разрушительныя идеи развивались ежеминутно все съ большей и большей силой, причемъ правительства не могли оказать имъ должнаго сопротивленія, пока изъ глубины обстоятельствъ не возникла революція 1848 года, во время которой изгнанъ былъ и quasi легитимный король, и образована была форменная республика, правда, не въ видѣ господства террора, но всетаки какъ проявленіе народнаго суверенитета. Это оказало необычайное вліяніе на Германію, такъ что крупныя державы — Австрія и Пруссія, свергнуты были съ своего основанія, и возникло стремленіе подвергать сомнѣнію всякій авторитетъ и основывать общественную власть только на народномъ суверенитетѣ. Эти разрушительныя тенденціи встрѣтили, наконецъ, непреоборимое сопротивленіе въ невозможности ихъ проведенія и въ военномъ принципѣ. Въ то время какъ все приходило въ порядокъ, и во Франціи поднялся властитель, соединившій народный суверенитетъ съ верховной властью. Луи Наполеонъ въ томъ отношеніи стоитъ въ извѣстной связи съ остальными европейскими государями, что онъ—монархъ и при томъ монархъ абсолютный; но въ принципѣ онъ имъ противуположенъ, такъ какъ онъ сдѣлался императоромъ по выбору и такимъ образомъ въ извѣстной степени представляетъ собою принципъ новаго времени.

Итакъ развитіе обстоятельствъ привело къ слѣдующимъ явленіямъ. — Въ настоящее время существуетъ: 1. Республика въ сѣв. Америкѣ; 2. модифицированное и исполненное либеральнаго духа сословное устройство въ Англіи; 3. національный суверенитетъ на сѣвероамериканскихъ началахъ, въ монархической формѣ, во Франціи; 4 прежніе существующіе на наслѣдственныхъ правахъ государи въ Германіи; 5. подвергающійся постоянной опасности со стороны этихъ могучихъ элементовъ принципъ чисто славянскаго самодержавія, въ Россіи.

Само собой разумѣется, что благодаря всему этому въ мірѣ обнаружилось необычайное броженіе: всѣ эти принципы находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Еще болѣе опредѣляетъ современное положеніе міра то обстоятельство, что эти вопросы распростерлись также на сферу внѣшней политики, именно на расположеніе границъ: теперешній властитель Франціи повидимому не желаетъ признавать старыхъ границъ, и это повело къ войнѣ между Россіей и западными державами, войнѣ, исходъ которой совершенно еще неопредѣленъ. Державы еще не нашли своей настоящей позиціи, и намъ приходиться ожидать, поэтому, опасной внутренней и внѣшней борьбы. Болѣе либерально настроенныя силы примкнули къ Турціи, болѣе консервативныя, за исключеніемъ Австріи, къ Россіи. Вслѣдствіе необдуманности русскаго кабинета талисманъ, сковывавшій умы, расторгнутъ, и всѣ эти могучія движенія, которыя еще въ самое недавнее время были стѣснены, теперь снова вступили во взаимодѣйствіе.

Но и это еще не послѣднее слово современной исторіи. Такъ какъ все покоится на глубокой почвѣ европейской исторіи, то взглядъ назадъ, на опытъ и на прошлое, возбуждаетъ въ насъ надежду, что изъ величайшаго броженія и опасности, — при которыхъ требуется высокая степень энергіи и осмотрительности, чтобы жить, а тѣмъ болѣе управлять, — снова образуется разумный порядокъ вещей; и это тѣмъ болѣе, что ма-

теріальное развитіе находится въ состояніи величайшаго распространенія.

И вотъ на этомъ я закончу свои лекціи словами, которыми Маккіавелли начинаетъ своего „Государя“: „Чему я научился въ теченіе долгаго времени, то я предлагаю тебѣ въ немногихъ короткихъ положеніяхъ“. Но цѣль у меня совсѣмъ другая. Въ то время какъ Маккіавелли приглашалъ государя къ вѣроломству, я, напротивъ, стремлюсь поощрить Ваше Величество въ добродѣтеляхъ.

Заключительный разговоръ.

Король Максимиліанъ: Въ чемъ приходится видѣть основныя тенденціи нашего столѣтія?

Ранке: Руководящими тенденціями нашего столѣтія я выставилъ бы: дифференціацію обоихъ принциповъ, монархіи и народнаго суверенитета, дифференціацію, въ связи съ которой находятся всѣ другія противоположности; далѣе безконечный ростъ матеріальныхъ силъ и въ высшей степени разностороннее развитіе естественныхъ наукъ. За предѣлами споровъ, касающихся государства, все еще выступаютъ также и духовныя тенденціи.

Человѣческій духъ находится въ состояніи неизмѣримаго развитія, и какъ разъ борьба противуположностей содѣйствуетъ этому развитію. Какъ борьба между духовною и свѣтскою властью сильно содѣйствовала развитію европейскаго христіанскаго міра, также обстоитъ дѣло и при современной борьбѣ между монархіей и народнымъ суверенитетомъ. Какую необычайную силу, нпр., обнаружило революціонное начало во Франціи, чтобы покорить себѣ Европу, и наоборотъ, накое напряженіе силы проявила вся остальная Европа, чтобы укротить революціонную Францію! Обо всемъ этомъ прежній міръ не имѣлъ и представленія. Это преобладаніе надъ всѣми другими міровыми элементами духа за-

падноевропейскаго христіанства, особенно германскихъ идей, является совершенно безпримѣрнымъ.

Такой силы, какую выставила Англія, силы, удвоенной благодаря англоамериканскимъ идеямъ, до сихъ поръ еще не существовало. Англичане господствуютъ надъ міромъ благодаря своей торговлѣ; они открыли Европѣ Остъ-Индію, они открыли Китай; всѣ эти государства такъ сказать подчиняются епропейскому духу. Въ томъ-то и заключается огромный перевѣсъ конституціоннаго и республиканскаго принципа, что народы, у которыхъ господствуетъ эта государственная форма, больше всего дѣлаютъ въ мірѣ. Они безпрерывно шествуютъ впередъ; теперь они помогаютъ Турціи, но ихъ цѣль—покорить ее и поставить ее въ зависимое положеніе, и этого они достигнутъ.

Распространеніе романо-германскаго духа является совершенно необычайнымъ, тѣмъ болѣе, что оно уже больше не связано церковной формой. Романо-германскій духъ выходитъ за предѣлы церковной формы и свободный, ничѣмъ не связанный распространяется, какъ культура, по всему міру. Необычайное участіе большой публики въ духовной жизни, огромное распространеніе знаній, живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ, таковы черты, характеризующія нашу эпоху. Надо цѣнить эту эпоху. Счастливъ тотъ, кто живетъ въ ней, но каждому очень трудно вращаться среди этихъ борющихся другъ съ другомъ тенденцій, которыя захватываютъ всѣ силы, затрогиваютъ насъ ежеминутно, и среди этого безконечнаго разнообразія жизни, распространяющагося по всему міру. Нѣтъ ни одного чиновника, ни одного учителя, вообще ни одного человѣка, занимающаго общественное положеніе, вплоть до самыхъ низшихъ сферъ, который не долженъ былъ бы стать въ извѣстное отношеніе къ упомянутымъ двумъ принципамъ.

Въ этомъ, конечно, заключается много такого, что необыкновенно возбуждаетъ умъ; но тотъ, кто хочетъ видѣть тенденцію всемірной исторіи въ торжествѣ надъ всѣмъ національнаго авторитета, тотъ не понимаетъ

смысла событій: потому что съ этими стремленіями соединилось столько разрушительныхъ тенденцій, что если бы они одержали верхъ, то погибла бы культура и христіанство. Благодаря тому-то монархія и пускаетъ снова корни въ мірѣ, что она становится необходимой для искорененія разрушительныхъ тенденцій, которыя врываются вмѣстѣ съ популярными принципами, какъ съ бурнымъ потокомъ. Въ этомъ взаимодѣйствіи умовъ заключается необычайное движеніе и въ то же время огромный жизненный элементъ.

Кор. Максим. Является ли обособленіе національностей также чертой нашего времени?

Ранке. Національный суверенитетъ во всякомъ случаѣ стремится къ этому. Франція, нпр., какъ нація поднялась противъ чужеземнаго господства; точно также Россія и Германія противъ французовъ. Такимъ образомъ эти націи достигли большаго значенія. Но консолидація національностей въ государства—это совсѣмъ другой вопросъ, составляющій также одну изъ излюбленныхъ идей нашего времени. Однако Германія какъ одинъ человѣкъ поднялась противъ Франціи, не составляя единаго государства. Слѣдовательно, оба эти понятія—обособленіе національностей и консолидація ихъ въ государства — вовсе не являются въ необходимой связи Замкнутость же отдѣльныхъ государствъ теперь уже неосуществима; они всѣ вмѣстѣ принадлежатъ къ великому европейскому концерту.

Кор. Максим. Значитъ, если хочешь, долженъ и можешь дѣлать что-нибудь значительное въ своей эпохѣ, нужно понять свое время, ясно представить себѣ его задачи и ухватиться за извѣстное направленіе эпохи, чтобы осуществить поставленную себѣ сообразно съ этимъ задачу?

Ранке. Прежде всего надо понимать міръ и затѣмъ желать добра. Въ этомъ отношеніи дѣятельность частнаго человѣка и государя одинакова; разница только въ потенціи. Живя въ данную эпоху онъ долженъ дѣлать то, что ему кажется необходимымъ и что диктуетъ ему совѣсть. Онъ не долженъ черезчуръ низко

оцѣнивать своихъ враговъ и представлять себѣ вещи не такими, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ. Если онъ по своему крайнему разумѣнію и по совѣсти считаетъ возможнымъ итти за одно съ теченіями своего времени, то онъ долженъ дѣлать это; если онъ не раздѣляетъ этого мнѣнія, то не долженъ отдаваться этимъ теченіямъ.

Кор. Максим. Въ чемъ же заключается задача нѣмецкаго государя въ наше время?

Ранке. Очень трудно совершенно отбросить господствующую тенденцію настоящей эпохи; игнорировать ее тоже невозможно. Истина заключается должно быть въ серединѣ. Государь долженъ, насколько возможно, отстаивать свой принципъ наслѣдственности, правительства сверху, но тѣмъ не менѣе дѣлать все то, что лежитъ въ стремленіяхъ времени и что стала бы дѣлать власть, получившая начало изъ національнаго суверенитета. Я не думаю, чтобы можно было отмѣнить камеры, но модифицировать ихъ можно. Задача правителя лежитъ также въ развитіи національности, это тоже находится въ связи съ идеей эпохи. Исполненіе этой задачи въ частностяхъ представляетъ, конечно, большія затрудненія; каждый вопросъ надо обсуждать сообразно съ его внутреннимъ значеніемъ.

Кор. Максим. Принципъ церкви получилъ опять замѣтное значеніе, и церковь ищетъ свою силу въ демократическомъ направленіи эпохи; не пользуется ли она страхомъ предъ этимъ направленіемъ для того, чтобы навязать намъ односторонне свою тенденцію.

Ранке. Въ демократіи заключается также сильный элементъ противъ церкви; у демократіи съ свѣтскимъ авторитетомъ тотъ же интересъ; она никогда не захочетъ подчиниться теократіи.

Кор. Максим. Можно ли допустить, что въ настоящее время число высоконравственныхъ людей значительнѣе, чѣмъ прежде?

Ранке. Едва ли это можно утверждать. Въ нравственности нельзя принимать прогресса, ибо нравственность слишкомъ связана съ личностью. Въ гуманности же

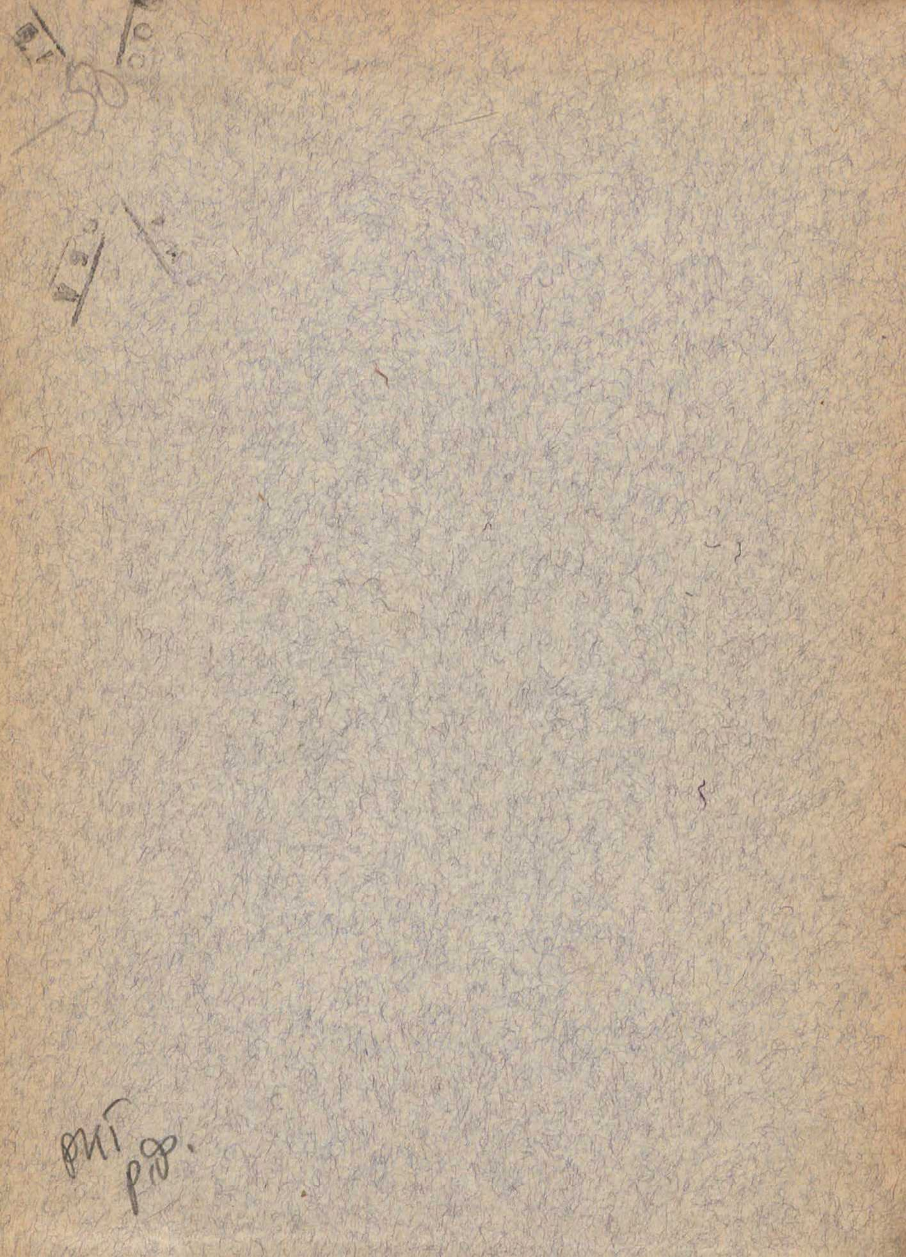
замѣтенъ явный прогрессъ, т. е. народъ напивается меньше прежняго, онъ меньше дерется и т. д. Но чтобы въ каждомъ послѣдующемъ столѣтіи существовало большее число людей, стоящихъ выше въ нравственномъ отношеніи, этого нельзя принимать. Я не вѣрю также тому, что въ нашемъ столѣтіи число интеллигентныхъ людей больше, чѣмъ въ прошломъ.

Кор. Максим. Что же думать объ исторической Немезидѣ, если не только руководящія личности, но и цѣлый народъ совершилъ національное преступленіе и стоитъ на неправильномъ основаніи?

Ранке. Весь народъ поплатится за это. Франція, нпр., ужасно пострадала за преступленія революціи. Французы теперь скованы гораздо сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде.

Кор. Максим. Господство Людовика Наполеона покоится на народномъ суверенитетѣ; не увидитъ ли народъ какъ разъ въ этомъ основанія для низверженія его?

Ранке. Въ этомъ-то и заключается опасность, которая при устойчивомъ принципѣ легитимности становится менѣе значительною.




2011142431